

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОЙ ШКОЛЫ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Общая тетрадь

Москва 2009

Общественно-политическое издание

Выходит раз в квартал

Наш электронный адрес:

e-mail: msps@msps.su

<http://www.msps.ru>

*Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство ПИ № 77-7311 от 19.02.2001 г.*

Редакционный совет:

А.Н. Архангельский

Е.В. Барабанов

Р. Брейтвейт (Великобритания)

И.М. Бусыгина

С.А. Васильев

Н.В. Злобин

М. Мертез (ФРГ)

С.В. Мошкин

Е.М. Немировская

Д. Пинто (Франция)

Б. Рубл (США)

В.А. Рыжков

Ю.П. Сенокосов

А.Ю. Согомонов

А. Хиль-Роблес (Испания)

Дж. Хоскинг (Великобритания)

Главный редактор: *Ю.П. Сенокосов*

Ответственный секретарь: *С.А. Максимов*

Художественный редактор: *Людмила Иванова*

Верстка: *Ольга Козак*

Фото: *О. Начинкин*

*Издание этого номера журнала осуществлено при поддержке
Института «Открытое общество», Шведского агентства по международному
сотрудничеству для развития (SIDA), группы компаний «Рольф»,
Фонда Ч.С. Мотта.*

Содержание

№ 4 (50) 2009

К читателю 5

Семинар

*Сочетание административного и рыночного подходов
к модернизации российской экономики* 7
Владислав Иноземцев

Дискуссия 20

Свобода слов 25

Тема номера

Стабилизационная политсистема и кризис 26

Вызовы и угрозы

Федерализм и региональная безопасность 35
Андрей Захаров

Ценности и интересы

Виртуальная страна 41
Максим Труделобов

Гражданское общество

Неправительственные организации 48
Барбара фон Ов-Фрайтаг

Страна «на вырост»... 56
Ольга Климина

Региональная и муниципальная жизнь

Российское село: региональный опыт пенсионного обеспечения 60
Федор Луковцев

Местное самоуправление в России: логика закона и логика жизни 64
Виктор Панкращенко

Концепция

Бюрократия как информационная монополия
Сергей Гогин 69

Наука и общество

Реформа российского высшего образования для «экономики знаний»
Татьяна Кастуева-Жан 80

Горизонты понимания

Кейнс и этика капитализма
Роберт Скидельски 90

Книги

«Нормальный нарком»
Андрей Захаров 103

Региональное книжное обозрение
Андрей Благовещенский
Людмила Савочкина 105

Nota bene

История через повседневность
Светлана Бабаева 109

К читателю

Российский гражданин, если он считает себя таковым, а не только потому, что об этом написано в его паспорте, на мой взгляд, обязан делать три вещи. Ходить на выборы, платить налоги и думать самостоятельно, то есть быть просвещенным, современным человеком. Что, разумеется, не просто, и мы знаем об этом по собственному опыту. Заставить человека стать просвещенным невозможно. Каждый из нас должен постараться это сделать сам.

Сошлюсь в этой связи на Канта, который в своей известной статье о просвещении писал, что если у вас есть священник, врач и адвокат, то зачем тогда утруждать себя и думать о грехах, своем здоровье, правонарушениях? Ведь есть же эти люди, которые отпустят грехи, вылечат, выступят в суде и добьются оправдания, если вы не виноваты. Действительно, есть. А если не оправдают, не вылечат и не отпустят грехи?

Что из этого следует? Что мы должны быть одновременно и священниками, и врачами, и адвокатами? Разумеется, нет. Провозглашая, что «просвещение — это выход человека из состояния несовершенности, в котором он находится по собственной вине», Кант имел в виду, конечно, другое. А именно, — когда люди становятся взрослыми, они обязаны думать самостоятельно, чтобы их не обманывал ни врач, ни адвокат, и не полагаться только на священника. То есть предлагая фактически задуматься над смыслом вошедшего в европейскую культуру XVIII века понятия «гражданское общество», в рамках которого между людьми может развиваться процесс взаимного уважения и нахождения точек для сотрудничества, партнерства и участия в общественных делах во имя общего блага.

Второе: надо ходить на выборы. Разумеется, надо, если вы уже начали думать и хотите, чтобы в стране появились независимые институты и гражданское общество, способное контролировать власть и бюрократию.

То же самое относится к налогам. Конечно, их надо платить. Потому что гражданское общество немис-

*Юрий Сенокосов,
главный редактор журнала
«Общая тетрадь»*

лимо без независимых от власти институтов. Именно от власти, а не от государства, потому что если у нас появится сильное гражданское общество, то появится и правовое государство, которое как институт не тождественно власти. Ибо государство — это политический союз граждан, тогда как власть — только полномочия, которыми ее наделяют граждане в результате публичной дискуссии и демократических выборов, а управление является реализацией полученных полномочий в рамках Основного закона.

Следовательно, лишь благодаря этому может появиться в России современное гражданское общество. Или, как писал эксперт Школы Эрнест Геллнер в своей книге «Условия свободы»: «Та совокупность различных неправительственных институтов, достаточно сильных, чтобы служить противовесом государству и, не мешая ему, выполнять роль миротворца и арбитра между основными группами интересов, сдерживать его стремление к доминированию и атомизации остального общества»*.

Для появления таких институтов необходимо прежде всего преодолеть существующее в стране недоверие между людьми на путях гражданского просвещения и осознания смысла свободы. Однако это осознание еще не способствует формированию гражданской позиции, если человек не предпринимает для этого личных усилий. То есть не разграничивает, не различает *формальное состояние гражданства*, которым можно пользоваться, оставаясь частным, граждански пассивным лицом, и *практику гражданства*, которая предполагает деятельное участие граждан в обсуждении общих дел и вынесении соответствующих решений о частном с позиций общего.

* Геллнер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. — М.: Московская школа политических исследований, 2004, с. 15.

*Сочетание административного и рыночного подходов к модернизации российской экономики**

Тема, которую меня попросили осветить, — модернизация российской экономики и ее перспективы, а также определение того, что такое модернизация и какая модернизация возможна сегодня в нашей стране.

Начну с определений. Прежде всего, что такое модернизация и когда она проявляется? Уже более со- рока лет существует довольно четкое определение этого понятия. К сожалению, в последние годы мы видим, что термин «модернизация», особенно в устах политиков и людей, ответственных за принятие важнейших государственных решений, звучит очень часто и используется по поводу и без него. Говорят о модернизации экономической, политической, социальной — фактически о модернизации всего, чего угодно. Но я экономист, и, хотя часто высказываюсь по проблемам и глобальной, и российской политики, к проблеме модернизации подхожу именно как экономист — определяю модернизацию как попытку сделать определенное общество современным. Исходя из буквального значения этого термина, я принимаю за данность, что о модернизации следует говорить только в тех обществах, которые по каким-то объективным или субъективным причинам отстали в своем развитии от лидеров хозяйственного и социального прогресса и пытаются провести осознанную, разумную, структурированную политику, направленную на сокращение возникшего разрыва. Я выступаю против применения понятия модернизации к тем странам, которые и так идут (либо шли в прошлом) в авангарде мирового экономического прогресса. Пояняя на примерах, я бы не стал применять этот термин, скажем, к британской экономике XVII–XIX веков, но вполне применил бы его к германской

*Владислав Иноземцев,
директор Центра
исследований
постиндустриального
общества,
доктор экономических наук*

** Выступление на семинаре Московской школы политических исследований в Голицыно 30 июля 2009 г.*

экономике последней трети XIX века. В первом случае мы имеем очень тяжелый, трудный и сложный процесс поступательного развития, который проходил под влиянием объективных обстоятельств, и это было развитие страны-лидера. Второй случай — это ситуация, когда страна, по определенным причинам отставшая от лидера, в частности Великобритании, за несколько десятилетий сумела догнать его и даже опередить по целому ряду производственных и социальных показателей. В том же контексте можно говорить о модернизации Кореи, Вьетнама, Китая, многих стран Юго-Восточной Азии, о модернизации Бразилии в 70-е годы XX века и о многих иных подобных случаях. Но я не стал бы говорить о быстром технологическом и экономическом развитии США в 1990-е годы, в период администрации Б. Клинтона, как о модернизации. Опять-таки и в этом случае мы имеем дело с лидирующей страной, развивавшейся под влиянием внутренних закономерностей, и ее развитие не было проектом, а естественной эволюцией хозяйственных и социальных процессов. Еще раз хочу подчеркнуть, что модернизация — это определенное, осознанное и скоординированное усилие, направленное на сокращение отрыва от страны-лидера или от группы стран-лидеров. То есть движение, направленное на придание экономике страны, я говорю сейчас только об экономике, современного наполнения, содержания и качеств. Соответственно возникает вопрос о том, какими могут быть модернизации? Могут ли они быть только демократическими, или только авторитарными, или смешанными, и какими они бывают по большей части? Насколько они успешны и каковы условия их успеха? Здесь я, как экономист, хотя и приверженный демократически-либеральной политической док-

трине, должен признать, что история показывает: модернизации были более успешны в недемократических странах, чем в тех, которые естественным образом развивались по демократическому пути. Единственным масштабным исключением из этого правила является Восточная Европа, которая реализовала стремительную экономическую и социальную модернизацию в 1990-е и 2000-е годы. Во всех остальных случаях успешный прорыв в экономической области, начиная с XIX века в Германии, начала XX столетия в Японии, в СССР в 1930-е годы, в Германии эпохи нацизма, в Чили времен Пиночета — все это были случаи, когда модернизация крупных экономик происходила в недемократических условиях.

Как подчеркивают многие западные исследователи, модернизация, проводимая в недемократических рамках, требует либеральной экономической политики. И это действительно так. Экономические реформы в Японии, в Южной Корее, в Китае пусть и не позволяют говорить в первые десятилетия о демократической природе этих реформ, тем не менее серьезно раздвигают рамки экономических свобод, увеличивают открытость стран внешнему миру и, в конечном счете, создают предпосылки для становления демократической формы правления. Логика заключается в том, что люди, получившие доступ к экономическим свободам, начинают требовать и политических свобод. Она подтверждается на примере Южной Кореи, Тайваня, Бразилии, Чили и многих других государств.

Следующий вопрос: что необходимо для модернизации? Я бы сказал, что для модернизации субъективные предпосылки нужны намного больше, чем объективные. Очень часто можно слышать от наших политических лидеров, что модернизация России не

получалась в те или иные годы по определенным «объективным причинам». Рискну сказать, что подобных объективных причин нет ни у одной страны и быть не может. Если посмотреть на ситуацию в той же Юго-Восточной Азии или Латинской Америке, то еще в 1950-е годы, всего 60 лет назад, средний объем ВВП на душу населения на Тайване или в Южной Корее был в 1,5 раза меньше, чем в колониальных

территориях тропической Африки, находившихся под европейским владычеством. А шестьдесят лет спустя средний уровень жизни в Сингапуре, Малайзии, Южной Корее и на Тайване стал в 5–7 раз выше, чем в самых благополучных африканских государствах. Эти страны, сделавшие гигантский рывок, не были богаты природными ресурсами, не обладали какими-то прорывными технологиями. Единственным их богатством была достаточно дешевая рабочая сила и компетентная, заботившаяся о благе этих государств, понимавшая их историческое место элита.

Каждое десятилетие та или иная страна включается в процесс модернизации и порой достигает успехов не меньших, чем ее предшественники. Есть даже теория для восточных экономик, так называемая теория гусино-го клина, указывающая на то, что впереди идет одно государство, а затем другие очень быстро следуют его примеру. В 1960-е годы японскому примеру последовали Южная Корея и Тайвань, затем Малайзия и еще позже — Китай. В 1990-е годы начал свое экономическое возрождение Вьетнам. И, несмотря на то, что, казалось бы, все важные экономические ниши в мировой экономике заняты, всякий раз страна за страной успешно внедрялись

в новые ниши и добивались серьезного экономического успеха. Поэтому мне кажется, что объективных условий, которые препятствовали бы модернизации и делали ее невозможной, ни в од-

Экономические реформы в Японии, в Южной Корее, в Китае серьезно раздвигают рамки экономических свобод, создают предпосылки для становления демократической формы правления

ной стране мира на сегодняшний день нет. Указания на «объективные условия», препятствующие модернизации, призваны лишь скрыть неспособность политической элиты осознать масштаб задач, создать структуры, способные решить эти задачи и повести свою страну в нужном направлении.

Если модернизация представляет собой попытку догоняющего развития, попытку приближения к уровню развитых стран, то для ее начала у значительной части политической элиты и у большинства граждан должно существовать четкое понимание того, что на данный момент страна действительно является серьезно отстающей. Иначе говоря, не понимая, насколько вы находитесь сзади, вы никогда не сочтете необходимым пойти вперед. И самое вредное, что сделало правительство В. Путина за время своего пребывания у власти, — оно создало у граждан России иллюзию экономического процветания, иллюзию вставания с колен и того, что Россия является великой державой. Какой она по экономическому содержанию не является.

Далее. Чтобы модернизация началась, в обществе должен существовать «про-модернизационный консенсус», как я его называю. Большинство элиты и значительная часть общества должны понимать, что без модернизации стра-

Дорис Сальседо. Без названия. 2003

на не будет развиваться в нужном направлении. Я хочу здесь подчеркнуть очень важный момент — я не сказал: «Страна не выживет, развалится, рухнет». Это «страшилки», которые не имеют ничего общего с реальностью. *Любая страна может начать путь модернизации в любой исторический момент.* Развитие не предопределено. Когда я слышу от наших специалистов по теории модернизации — например,

от Иосифа Дискина, — что, если мы не модернизируемся в ближайшие три года, страна исчезнет как таковая, то считаю это ерундой, потому что ни одна страна за последние 30–40 лет не пропала, на ее месте не возникла черная дыра, она не была и не будет завоевана другими государствами. Вопрос заключается в том, хотим ли мы быть Венесуэлой или Нигерией, которые не исчезли с карты мира, но и не укрепи-

лись экономически и не стали более уважаемыми членами международного сообщества, и в том, куда мы хотим идти. А вопрос о том, хотим или нет, — не ставится. В Венесуэле и Нигерии тоже живут люди. Вопрос в том — как? И разговоры о том, что Россия исчезнет с карты мира, будет расчленена, если она не модернизируется, — это демагогия. Страна просто будет жить иначе. Хуже, чем могла бы, может, даже хуже, чем сегодня, но это не означает, что именно сейчас мы должны сделать судьбоносный выбор. Мы сможем делать его через пять лет, через десять и через пятнадцать. И если сегодня у нас нет сил сделать его, то не стоит делать его второпях, на скорую руку.

Если говорить о том, какой может быть модернизация, я бы указал на два существующих исторических сценария. Первый — самостоятельная модернизация: довольно жесткий и сложный процесс, требующий качественной элиты и специфического характера управленческой структуры. В этой ситуации государство фактически становится единой корпорацией, задача которой — максимальная эффективность государственных расходов и использования ресурсов, оптимальное качество управления, безжалостное выбраковывание любых «одноклассников», если они не способны вменяемым образом принимать хозяйственные решения и следить за расходованием государственных средств. При этом такой путь развития требует четкого позиционирования, понимания того, чего хочет добиться страна, на каких рынках стремится присутствовать, какие продукты и в каком количестве производить, с кем желает кооперироваться, и собственно говоря, к чему прийти. Ни одно из этих условий не прослеживается в современной российской модели.

К примеру, мы не видим даже намека на отбор кадров по меритократическо-

му принципу, который основан на оценке заслуг и индивидуальных качеств того или иного работника. Идет скорее рекрутирование во властные структуры людей, так или иначе приближенных к руководителям страны по бизнес-интересам, по прошлой карьере и так далее. Нет и четкого понимания состояния страны в исторической перспективе. Власть пытается представить нам «Программу 2020» в качестве ориентира. Это бездарная программа, которая описывает будущее страны только в цифрах благосостояния или объема ВВП на душу населения. Ни одна страна, которая модернизировалась в последние пятьдесят лет, не пыталась достичь определенного уровня жизни, а стремилась развить различные области хозяйства, добиться какой-то доли на мировых рынках, а также определенного уровня объемов производства и конкурентоспособности. Говорить о том, что через тридцать лет в России средний работник будет получать столько же, сколько сегодня получает такой же работник в Португалии, — это абстракция. При этом замечу, что российская власть сегодня ставит перед собой или декларирует цели, срок исполнения которых заведомо отодвинут за пределы любой зоны ответственности нынешних правителей, тогда как ни одна страна, которая проводила модернизацию, не принимала серьезных планов более чем на 3 года.

Всякого рода фантазии на тему 2020 или 2025 года — это введение граждан в заблуждение. Это делается для того, чтобы уйти от ответственности и продекларировать нечто, за что никто из действующих политиков не будет отвечать. Задача же заключается, наоборот, в резком сокращении горизонта планирования, в более четком формулировании задач, ясном понимании характера проверки их выполнения и, несомненно, в персональной ответст-

венности тех, кто назначен руководителем тех или иных направлений. Все это присутствовало в странах Юго-Восточной Азии, в Чили и Бразилии на всем пути их модернизации.

Плюс к этому необходимо хорошо понять механизм модернизации и, соответственно, к чему мы можем прийти. В этом контексте, на мой взгляд, нельзя ставить задач, которые невозможно решить. Когда мы ставим такие задачи, то очень быстро понимаем их недостижимость, руки опускаются и процесс останавливается. Единственной достижимой задачей сейчас является сокращение разрыва с развитыми странами, но ни в коем случае не формирование такой хозяйственной, политической и социальной системы, которая могла бы стать их конкурентом в экономической сфере и стремилась «догнать и перегнать» Америку. Исходя из исторического опыта последних ста лет, я прихожу к выводу, что это попросту нереально. Дело в том, что в конце XIX века в Германии, Японии и США можно было говорить о развитии химии, биологии, инженерных наук, электромеханики. Все технологии легко реализовывались инженерными решениями. Люди, применявшие их в экономике, были легко обучаемы. И увеличение вложений в эти технологии давало пропорциональный эффект в увеличении объема выпуска продукции или повышении ее качества. Что и позволило занять этим странам в конце XIX — начале XX столетия лидирующие места в мировой экономике.

Ситуация изменилась в 1950–1960-е годы, когда развивающимся странам стал противостоять уже не индустриальный, а постиндустриальный западный мир, в котором не существует прямой зависимости между объемами инвестиций и результатом, а главным производственным условием и ресур-

сом является знание. Причем эти знания могут быть *скопированы и использованы*, но это не значит, что они могут быть *воспроизведены*. Например, люди, которые работают с программным продуктом компании Microsoft, не напишут нового уровня этой программы. А те, кто пользуется компьютерами и даже их собирает, далеко не всегда способны создать новое поколение компьютеров. В этом отношении совершенно не случайно, на мой взгляд, догоняющее развитие застопорилось в конце 1980-х годов, а прогнозы очень многих американских и европейских экспертов о том, что Япония станет первой экономикой мира в начале 1980-х, не оправдались. Напротив, Япония в начале 1990-х и другие страны Азии в конце названного десятилетия столкнулись с кризисом. Сейчас некоторые элементы этого кризиса преодолены, но возможны и другие последствия. Так или иначе, ни одна страна не догнала развитый мир, и потому я еще раз хочу сказать, что задача должна заключаться не в попытках перегнать кого-либо, а в монотонном и последовательном снижении уровня разрыва между Российской Федерацией и другими развитыми странами.

В связи с этим возникает очень важный вопрос о том, что сейчас является важнейшей задачей модернизации. Немного отвлекусь и напомним о выступлении Д. Медведева на заседании комиссии по модернизации в июне месяце в «Лаборатории Касперского» в Москве. В этом выступлении президент Российской Федерации, к усилиям которого по внедрению идей модернизации в общество я отношусь с очень большим уважением, указал на пять направлений модернизации российской экономики. Первое из них — максимальное энергосбережение, что я вполне поддерживаю. А последующие четыре, на мой взгляд, были удиви-

тельными с точки зрения логики. Было сказано, что нам нужны прорывные технологии в области космической связи и информатики, а также медицинских, ядерных и нанотехнологий. Вот тут, как говорится, мысль останавливается. Какова связь между модернизацией и технологией? Может быть, я ошибаюсь, но связи нет никакой. Создание новых технологий не имеет к модернизации экономики ни малейшего отношения. Вспомним ситуацию в Советском Союзе, который породил массу технологий и был пионером в целом ряде отраслей, но при этом пережил полный хозяйственный коллапс в начале 1990-х годов! А если мы посмотрим на Китай, то за последние двадцать лет он не произвел ни одной технологии, но при этом поднялся с 15-го места в мировой «табели о рангах» чуть ли не на второе. Если в 1989 году он был экономикой вдвое меньше СССР, то теперь он стал экономикой в 4 раза больше экономики Российской Федерации, не создав никаких технологий. Тогда вопрос — зачем вкладывать гигантские средства в создание технологий, если вся история советской и российской экономики показывает, что мы клинически не умеем их внедрять? Это значит, что, если мы последуем совету президента Д. Медведева и выделим десятки миллиардов долларов из государственного бюджета на создание технологий, нам скажут спасибо предприниматели из Калифорнии или из Европы, которые их внедрят, как они это делали в течение последних двадцати лет. Нельзя подменять идею модернизации как изменения экономической структуры и мотивации идеей технологического развития. Технологическое развитие важно, но сегодня, когда страна оттор-

гает технологии сплошь и рядом, делать на это упор было бы, на мой взгляд, неправильно.

Страны, модернизовавшиеся успешно в 1960–1970-е годы, проводи-

*Задача должна заключаться
не в попытках перегнуть кого-либо,
а в монотонном и последовательном
снижении уровня разрыва между Россией
и другими развитыми странами*

ли уникальные эксперименты над самими собой. В частности, та же самая Япония прекрасно понимала, что открытие собственной экономики будет губительным для страны. Мы сейчас осуждаем наше правительство за то, что российские предприниматели ограждены большим количеством импортных пошлин, и тем самым импортные автомобили не могут конкурировать с отечественными. А что делали японцы в те годы? Они тоже выставляли огромные импортные пошлины на ввозимые в Японию товары, чтобы стимулировать отечественных производителей. Например, пошлина на рис в Японии составляла от 300 до 600 % от его цены. И на многие другие товары она составляла десятки, если не сотни процентов. Но при этом правительство ставило очень четкие задачи перед корпорациями, которым оно предоставляло дотации и помогало. Цель заключалась в том, что эти предприятия не должны были работать на внутренний рынок. Им надо было выходить на внешний рынок и занимать там определенную долю. Так был сделан прорыв в производстве автомобилей, мотоциклов, морской техники и многих других важнейших видов продукции японской промышленности в 1970-е годы. Правительство защища-

ло внутренний рынок, давало предприятиям дотации, но при этом «вытаскивало» их на внешний рынок, потому что условием предоставления следующей порции помощи являлось занятие определенной доли именно на нем. Это очень интересный образец, который отчасти заметен и в других странах, но в Японии он был наиболее очевиден. Подчеркну: проблема заключается не в том, что отечественные производители не должны поддерживаться, а в том, что они должны быть поставлены в условия, когда их поддержка не отрицает необходимости учиться.

Таким образом, «независимая» модернизация предполагает:

- компетентное правительство;
- четкие принципы отбора кадров;
- действия государства как единой корпорации;
- руководителей по признаку эффективности.

Можно ли сегодня в России провести такого рода модернизацию? Я сильно сомневаюсь в этом.

Есть второй путь модернизации — по восточноевропейскому сценарию. Я думаю, в Московской школе политических исследований не зря висит флаг Европейского союза, многие эксперты приезжают к вам из Европы. И потому нельзя не остановиться на опыте Восточной Европы, который заключается в классическом примере того, что я называю «разменом суверенитета на экономическое благосостояние». Восточноевропейские страны, по политическим и историческим соображениям стремившиеся вступить в общеевропейские структуры, вынуждены были принять то законодательство и те принципы регулирования экономической жизни, которые существовали в Западной Европе. Войдя в ее правовую систему, они стали идеальным местом для приложения инвестиций других стран Евросоюза. В этом отношении

модернизация Восточной Европы, строго говоря, не является модернизацией в классическом понимании. По сути, это попытка ЕС-15 развить присоединенные к этой «империи» менее развитые «провинции». Это, безусловно, требовало определенных усилий (порой значительных) и от самих восточноевропейских стран. Поэтому второй вариант модернизации основан на том, что страна, признавая свою недоразвитость, присоединяется к какому-то более серьезному объединению, полностью соглашается с набором правил, которые в нем действуют, отдает часть суверенных прав на наднациональный уровень и взамен получает те условия экономической игры и те возможности доступа к технологиям и ресурсам, которые существуют в рамках этого объединения. Это очень высокоэффективный метод, который предполагает гораздо меньше тягот и лишений, чем самостоятельная модернизация.

Еще раз отмечу: «автономная» модернизация — очень сложный и тяжелый социальный процесс. Если посмотреть на статистику по странам Юго-Восточной Азии, заметное повышение уровня благосостояния там начиналось примерно через 3–7 лет после того, как их ВВП на этапе модернизации увеличивался в 1,5 раза. То есть по сути дела россияне должны были почувствовать на своих карманах эффект путинской модернизации не ранее 2013 года. И это только при отсутствии кризиса. Потому что лишь в ситуации сверхэксплуатации работников через излишнее накопление, как это было в Советском Союзе (правда, в более жестком политическом варианте), возникает возможность постоянно увеличивать инвестиции, что является обязательным для процесса модернизации. В восточноевропейской версии от этого удалось уйти, и уровень жизни стал

Барбара Крюгер. Без названия ("Покупаю, следовательно существую"). 1987

расти быстрее. И процесс перехода к современной экономике оказался гораздо мягче.

Что же касается России, то здесь возможность второго варианта равна нулю, потому что, хотя ее движение в сторону Европейского союза представляется мне лично самым разумным сценарием, воля к такому ходу развития событий у нашей политической элиты отсутствует. Нам рассказывают сказки о том, что мы не имеем возможности вступить в ЕС и нас там не желают видеть. Причины таких заявлений вполне понятны: наша поли-

тическая верхушка в принципе не предполагает ситуации, когда кто-то может ей указывать, любое ограничение суверенитета, или, иначе говоря, ее своеволия, ей глубоко противно. Поэтому предполагать, что может стать реальностью сближение России и ЕС в той мере, в какой идет сближение Турции и ЕС, было бы пустой фантазией.

Следовательно, говоря о модернизации России в контексте автономной модернизации, нужно ставить вопрос о том, с чего начать. Здесь я перейду уже к конкретным вещам, которые ка-

саются нашей экономики, рассуждая как экономист.

Давайте будем реалистами. Я думаю, вряд ли кто-то предполагает, что действующий режим рухнет в краткосрочной перспективе. Это нереально. И не только потому, что он имеет жесткую машину репрессивных органов. Причина и в том, что большинство граждан Российской Федерации поддерживает политику, которую ранее проводил В. Путин и которую сейчас проводит тандем Путин — Медведев. Эта политика отражает интересы значительной части российских граждан. Она обеспечила серьезное повышение благосостояния, хотя не имела для этого твердой почвы; создала иллюзию усиления роли России в мире, потворствуя патриотическому чувству населения; породила иллюзию борьбы с олигархатом, в то время как реальной борьбы не велось. Помимо этих иллюзий были и реальные позитивные изменения. Поэтому даже в условиях кризиса потребуется значительное время для того, чтобы серьезная часть электората глубоко разочаровалась в режиме.

Можно ли полагать, что российская власть готова совершить какие-то серьезные изменения в экономике, не касаясь политики? Я думаю, что нет. Сегодня для того, чтобы реформировать российскую экономику, нужно провести реформы, схожие с теми, что сделал в 1930-е годы И. Сталин, когда он экспроприировал крестьянство, согнав его в колхозы, и использовал все ресурсы, которые были получены в результате этого, для развития индустриального сектора. Сейчас в России в роли экспроприированных должны выступать нефтяники и газовики. И если правительство сочтет себя достаточно сильным для того, чтобы таким образом «наехать» на наши нефтяные компании, а полученные ресурсы педантично, в течение десяти-

ти-пятнадцати лет использовать на развитие промышленности, тогда что-то может получиться. Но, на мой взгляд, этот вариант нереален, так как большая часть властной элиты имеет вполне конкретные финансовые интересы, связанные с сырьевым сектором экономики.

Так же маловероятна возможность того, что мы снизим налоги, допустим чуть больше свободной конкуренции, начнем наказывать монополистов и малый бизнес расцветет. Российская экономика за последние пятнадцать лет показала абсолютную неэластичность к ценовым факторам. Если мы рассмотрим ситуацию в Турции, Бразилии, Малайзии, которые никакими внешними требованиями не были скованы в своем развитии, то увидим, что за последние десять-двенадцать лет их энергоэффективность, то есть ВВП, созданный с использованием определенного количества потраченной энергии, увеличилась на 30–70%. Дело в том, что, по мере того как увеличивается цена ресурсов, возникают технологии, которые могут создавать продукцию более экономными способами. Эти технологии внедряются, ресурсы сберегаются, объем потребления энергии и материалов снижается, и возникает дополнительный спрос на новые технологии. Так экономика становится современной. В России же за последние десять лет энергоемкость ВВП сократилась всего на 8 %, в то время как цены на газ, нефть, бензин, электроэнергию на внутреннем рынке выросли в 6–9 раз и стали выше, чем во многих странах, в том числе в большинстве развивающихся стран. И мы тем самым убили свое конкурентное преимущество в виде низких цен на энергоносители и сырье.

Ввиду того, что российская экономика монополизирована, потребительский спрос в последние годы устойчиво рос, а нефтяные доходы увеличивались,

производители тех или иных товаров легко закладывали подорожавшее сырье и энергию в себестоимость продукции и продавали ее по более высоким ценам. То же самое происходит сейчас с государственными инвестициями. Безусловно, государство делает много для развития российской экономики, в частности для проведения структурных изменений, но парадокс заключается в том, что увеличение стоимости тех товаров и услуг, которые поставляются государству, прямо пропорционально темпу увеличения государственного финансирования. То есть если мы каждый год увеличиваем государственное финансирование дорожной отрасли на 30 %, то к концу года цена километра новых дорог вырастет на 30 %, а объем ввода дорог в действие не растет. Сегодня Россия по инфраструктурному развитию движется в обратном направлении. У нас строится приблизительно 70–80 км железных дорог в год, в то время как при покойном государе Александре III эта цифра была почти 600 км в год. Половина (!) наших железных дорог построена до Великой Октябрьской социалистической революции.

Для того же чтобы начать развитие в рамках автономной модернизации, нужно каким-то образом навязать российской экономике стремление к использованию новых технологий. Это крайне сложно. В последних своих работах я привожу один и тот же вариант, который может помочь этому процессу. Если государство не может сегодня деньгами заставить корпорации и подрядчиков обеспечивать увеличение объема производства и повышение его эффективности, следует пойти другим путем. В большинстве развитых стран существует

уже многие десятки лет система стандартизации. Есть она и в России. И государство должно сегодня защищать не отечественных производителей, а отечественных потребителей.

Если мы хотим модернизировать Россию, то надо мыслить сугубо в рамках экономической сферы, так как политическая модернизация страны сегодня маловероятна

Если мы видим, что ни один отечественный производитель не может построить автодорогу Москва — Петербург с определенным качеством и за определенную цену, то мы должны обратиться к мировому опыту. В стратегии развития автодорожного комплекса России до 2015 года заложена определенная цена строительства дороги. Если говорить о четырехполосной дороге, то цена одного километра — 17,6 млн долларов за километр. Это почти в 2 раза больше, чем в Европейском союзе, и в 5 раз больше, чем в Китае. Если мы собираемся строить дороги так, то это бессмысленное занятие. И я не вижу никаких причин для того, чтобы российское правительство не установило лимиты цен и не определило технические задания для строительства. Если не найдутся российские предприятия, которые готовы будут выполнить эту работу, пусть приходят иностранцы. Пусть банкротятся российские фирмы, но деньги, которые мы платим в бюджет, должны идти на производство реально нужной и полезной стране продукции. И мы должны вводить четкие стандарты на значительное количество видов продукции, начиная от топлива и двигателей и заканчивая газовыми горел-

ками и строительными материалами. Подобные стандарты существуют повсюду в Европе. Я не говорю, что нам нужно догнать Европу в этом отношении, упаси бог. Это невозможно. Но нам нужно, по крайней мере, хотя бы удерживать отставание от нее на определенном уровне, на определенном количестве лет, а не увеличивать это отставание. Именно через внедрение жесткой системы стандартизации, жестких технических условий и регламентов производства государство может отсечь те предприятия, которые ни при каких условиях не смогут создать продукцию высокого качества. И условия кризиса являются идеальным моментом для такого развития событий, потому что сегодня производство упало на 10–15 % и можно начать выходить из кризиса, забыв о тех неэффективных предприятиях, которые не могут подняться до нормальных уровней и стандартов производства. Введя эти жесткие стандарты, заранее обрекая часть производителей на разорение, государство смогло бы впервые создать в российской экономике реальный механизм запуска инновационной деятельности. И если предприятие понимает, что, несмотря на то, что сегодня оно соответствует стандарту, но завтра этот стандарт повысится, и оно не сможет производить продукцию, которая будет допущена на рынок, и не будет покупаться, то оно будет вкладывать деньги в обновление основных фондов. Сегодня в России эта потребность отсутствует. Мы не ввели с 1987 года на территории Российской Федерации ни одного нового нефтеперерабатывающего предприятия. Это феноменальное явление. Но при этом у нефтяников хватает лоббизма договариваться с правительством о том, чтобы принятие стандартов качества, например, автомобильного

топлива переносилось год от года на новые сроки.

Если в нашем государстве действительно создана вертикаль власти, на что претендуют некоторые руководители, то она должна быть направлена на установление жестких условий для бизнесменов по ценам и качеству продукции, приблизительно таким же образом, как это сделано в Америке и ЕС. Здесь не нужно ничего придумывать, а год за годом, отбивая попытки лоббистов, «топить» отдельные предприятия и банкротить отдельных коммерсантов. Но банкротить их не так, как компанию М. Ходорковского, а вполне естественным образом, если они не смогут соответствовать стандартам.

Когда мы начали обсуждать в нашем коллективе концепцию развития через стандарты, которая подразумевает насильственное внедрение инноваций не в виде навязывания их каждому отдельному предпринимателю, а в виде создания условий, при которых нельзя будет не применять инновации, то обнаружили невероятные вещи. Я был потрясен тем, как много есть уже существующих технологий, в каких местах они обнаруживаются и насколько они эффективны. И потому мне очень странно слышать слова президента Медведева о необходимости вкладывания денег в разработку новых технологий, тогда как одной из важнейших задач должна стать масштабная инвентаризация того, что мы уже имеем. Если государство создаст на эти технологии спрос, они будут либо использованы в нынешнем их виде, либо очень быстро доведены до уровня использования в строительстве, в тяжелой промышленности, в добыче нефти и газа.

Хочу еще раз подчеркнуть: если мы хотим модернизировать Россию, то надо мыслить сугубо в рамках экономической сферы, так как политическая мо-

Магдалена Абаканович. Сосуществование. 2002

дернизация страны сегодня маловероятна. Более того, я не вижу людей, которые могли бы сегодня адекватно управлять политически модернизированной Россией. Еще несколько лет назад я опубликовал в «Независимой газете» крайне нелицеприятную статью «В поисках “второго дыхания”» в отношении российской власти, где пытался предложить оппозиции некую форму давления на власть (*Независимая газета*, 2005, 1 февраля, с. 10). А именно — создание «теневого правительства» в виде группы граждан, которая при небольшом финансировании могла бы нанимать экспертов и проводить каждую неделю заседание «правительства», параллельно происходящему в Белом доме, обсуждать те же самые процессы и проблемы и предлагать свои варианты законов и программ развития страны. Далее представлять их журналистам, класть в ящик и через год или два смотреть, чьи программы и законы оказались более

действенными. Когда статья была опубликована, я попытался составить список «правительства» из представителей оппозиционного лагеря и понял, что лучше бы, если правительство осталось прежним. Люди, которые сегодня очень грамотно и последовательно выступают за развитие страны по другому пути, на самом деле очень далеки от тех реальных и каждодневных проблем, которые существуют в нашей экономике, для которой серьезные политические изменения сейчас могут быть крайне негативны, если не губительны.

За модернизацией страны будущее. И потому очень важен для сегодняшней России процесс осмысления разных ее этапов и путей. Может быть, модернизация не начнется в ближайшие годы, но она обязательно начнется позже. И я думаю, что помешать этому процессу — как и сдвинуть его с мертвой точки — можем только мы.

Дискуссия

Дмитрий Калядин, *владелец, главный редактор интернет-проекта «Вести ПК», Воронежская область:*

— Вы говорили о том, что нужно делать для модернизации страны, и сформулировали проблему отсутствия подходящих кандидатур из оппозиционного лагеря. Существует ли, на ваш взгляд, механизм решения этой проблемы?

Владислав Иноземцев:

— Я считаю, что на сегодняшний момент кадров для модернизации страны нет. Есть люди, которые понимают определенные проблемы и видят некоторые возможности. Но нет группы единомышленников, которые могли бы объединиться для создания цельной программы и были бы способны принести в жертву свои личные амбиции в пользу коллективной работы. Их нет и в правительстве, и в оппозиционном лагере. Сейчас масса оппозиционных политиков и интеллектуалов высказывается достаточно хлестко и критично в адрес нынешнего правительства, но взаимодействие между ними снижается с каждым месяцем. Поэтому я не очень понимаю, как можно инкорпорировать несистемных исследователей в процесс продуцирования программ по развитию России.

Тимур Халилов, *вице-президент Межрегионального общественного благотворительного фонда «Общее дело», г. Краснодар:*

— Во многих странах можно наблюдать тенденцию создания широких антикризисных коалиций для того, чтобы методами политического симбиоза справляться с системным вызовом. Например, во Франции Николя Саркози позвал в правительство социалистов, в США Барак Обама работает с оппозиционной Республиканской партией. Видите ли вы подобные варианты в России, и если нет, то почему?

Владислав Иноземцев:

— Может быть, я не прав, но мне кажется, что борьба с кризисом для нас — это не проблема принятия неких других решений, а скорее проблема выполнения тех, которые уже приняты, а также перенесения на российскую почву механизмов функционирования экономики, которые действуют в других странах. Посмотрите на программу помощи производителям в виде поддержки спроса на автомашины.

В кризисных условиях в первом полугодии 2009 года объем продаж автомобилей в Китае на 48 % больше, чем в первом полугодии не кризисного 2008 года. А объем продаж автомашин в Германии в июне 2009 года в 2,3 раза больше, чем в январе. И причина очень простая — прямые субсидии на покупку машин. Если бы каждый российский потребитель, который хочет купить машину ВАЗ, получил бы 60–70 тыс. рублей дотации, то «АвтоВАЗ», продав те 400–500 тыс. машин, на которые упал спрос, получил бы 25 млрд руб., которые ему выдало правительство просто так. У нас эти механизмы не воплощены в жизнь по причине сложной бюрократической структуры, нежелания правительства их запускать. Поэтому коалиции здесь сложны.

Тимур Халилов:

— Что мешает бизнесу как целостному игроку стать действительно локомотивом модернизационных изменений?

Владислав Иноземцев:

— Это хороший вопрос. Стать локомотивом модернизации бизнесу мешает коррупция. И я не уверен, что в государственных органах она больше, чем внутри бизнеса. Небольшое кафе на улице Москвы, автозаправочная станция в провинциальном городе или частная клиника — это действительно субъекты модернизации. Мы видим, что кафе в Москве не хуже, чем в европейских городах, уровень обслуживания на автозаправках высок, а частная медицина легко выигрывает в конкурентной борьбе с государственной. Но на предприятиях среднего или более высокого уровня часто заметна разобщенность собственника от менеджмента. Внедрение нового технологического процесса в крупной нефтяной компании требует «заноса» денег, превышающего сумму, необходимую для решения любого вопроса в государственной структуре. Потому что от каждой текущей поставки кормятся не один и не два менеджера. Так что эта система имеет не меньшую коррупционную составляющую, чем любые органы государственного управления. Поэтому говорить о том, что бизнес устроен как-то иначе, я бы не стал. В этом отношении он не является локомотивом.

Мария Никонова, научный сотрудник Центрального экономико-математического института РАН, Владимирская область:

— Профессор Российской экономической школы и эксперт Московской школы политических исследований Константин Сонин высказал предположение, что страны, обладающие значительными природными ресурсами, являются менее экономически развитыми, нежели страны с небольшими их запасами. Согласны ли вы с этим утверждением?

Владислав Иноземцев:

— Это интересная тема. Термин «ресурсное проклятие» появился еще в конце 1980-х годов в ряде работ американских авторов. У меня есть собственная точка зрения на эту проблему: я разделяю страны, которые попадают в условия «ресурсного проклятия», на две группы. Есть ряд государств (Бразилия, Малайзия, Индонезия и др.), которые являются крупными производителями и экспортерами энергоресурсов, но при этом распоряжаются ими довольно неплохо и не страдают от «ресурсного проклятия». В то же время есть Нигерия, Саудовская Аравия, Иран и некоторые африканские государства, которые попадают в эту ловушку. Я считаю, что имеют определяющее значение два момента: когда началось использование природных ресурсов и какова при этом была политическая ситуация в этих государствах. Иначе говоря, какой политический резонанс был у «сырьевой» ориентированности экономики. И Малайзия, и Индонезия, и Бразилия на протяжении столетий фактически рассматривались европейцами как сырьевые придатки. Когда названные страны в 1950-е годы добились политической независимости (как первые две) или ощутили в себе способность к становлению в качестве самостоятельных экономических игроков (как последняя), то в уходе от прежнего статуса проявилась их самоидентификация, и даже обнаружение новых видов сырья не послужило закреплению старой структуры. В Нигерии, в арабских странах, где нефть была открыта в 1950–1970-е годы, наоборот, приход независимости совпал с сырьевым богатством, и оно идентифицировалось как новый шанс. Россия, скорее, идет по второму пути. В 2000-е годы страна получила шанс на возрождение, и он был тесно связан с сырьевым богатством, с восходящими ценами на нефть. И мы ухватились за этот шанс, как за соломинку, и не рассматривали подобный сценарий экономического развития как минус. В этом отношении идея энергетической сверхдержавы стала венцом псевдоидеологической работы, которая сводилась к тезису о том, что ресурсы — это хорошо. Но это нигерийский вариант. Поэтому мне кажется, что здесь нет прямой зависимости между большим количеством природных ресурсов и слабым экономическим развитием страны. Тут более сложные связи.

Анна Петухова, *главный специалист департамента информационно-аналитического обеспечения органов государственной власти, Ярославская область:*

— Какие производства и отрасли могут, на ваш взгляд, стать локомотивом модернизации?

Владислав Иноземцев:

— Я бы сказал, что в тех кризисных условиях, в которых мы сейчас находимся, этими отраслями должны быть все отрасли, в которых

значительный объем инвестиций и закупок осуществляется за счет государственного бюджета. В той модели, которую я предлагаю, мы должны максимально эффективно тратить бюджетные средства и заставлять предпринимателей соответствовать новым требованиям и стандартам. И тогда государство может дать толчок модернизации, импульсы от которого будут распространяться по всем остальным отраслям. Давайте рассмотрим пример. Допустим, мы заявляем о том, что не хотим больше в России асфальтовых дорог в том виде, в котором они сейчас строятся, потому что в западных странах под этим асфальтом лежат бетонные плиты, обеспечивающие 25–30 лет функционирования дороги. У нас асфальт укладывается на гравийной подушке, которая разваливается через 5 лет. Делается это для того, чтобы иметь больше средств на ремонт и «пилить» их по своему усмотрению. Если же мы вводим оговоренную норму, согласно которой, допустим, к 2013 году все новые дороги в России между городами должны строиться по новой технологии, меняется почти вся производственная структура отрасли. Таким образом, изменением государственного спроса мы можем серьезным образом влиять на структуру экономики. Я думаю, что запуск модернизации должен произойти именно таким путем.

Алексей Грачев, *генеральный директор ООО «Лайн Ресурс», Ивановская область:*

— Сейчас происходит процесс разработки документации по строительству нефтеперерабатывающего завода в Чувашской республике. С какими проблемами может столкнуться застройщик — инвестор?

Владислав Иноземцев:

— Отсутствие до последнего времени новых проектов в отрасли нефтепереработки и нефтехимии в России было закономерным. Когда вы выходите на рынок, где уже имеется большое количество предприятий такого рода, построенных еще в советские времена и приватизированных за копейки, вы попадаете во «враждебную» среду. Когда вы строите новое предприятие, вы на протяжении ближайших лет должны амортизировать инвестиции, которые в него вложили, в то время как большинство ваших конкурентов избавлены от такой необходимости — их инвестиции давным-давно «отбиты» и они используют дармовой производственный ресурс в виде своих заводов. Вам очень сложно будет конкурировать по цене с теми предприятиями, которые уже действуют на рынке. Вариантом преодоления этой ситуации явилась бы, на мой взгляд, полная отмена налогов на все производственные инвестиции в отраслях тяжелой промышленности на протяжении 3–5 лет после того, как они будут запущены в строй. Без такого рода мер никакие серьезные изменения невозможны в нашей стране или крайне сложны.

Татьяна Швецова, член Общественной палаты, Республика Марий Эл:
— Вы говорили, что целями программ развития должны стать не абстрактные цифры повышения уровня жизни, а развитие отдельных отраслей. Опыт СССР показывает, что возможен вариант, когда при чрезвычайно развитых отраслях тяжелой промышленности народу была гарантирована стабильная, но нищета, как поется в знаменитой песне. Как уберечься от развития ради развития и бега за развитыми странами ради самого этого бега?

Владислав Иноземцев:

— Безусловно, подобное опасение всегда существует, но никто не предлагает создавать новый Госплан. Та модель, о которой я говорю, отличается от советской двумя существенными обстоятельствами. Первое заключается в том, что я не предлагаю устанавливать задания предприятиям или отраслям. Речь идет о введении стандартов производства. То есть мы не говорим о том, чтобы дать тракторному заводу в Санкт-Петербурге одну дотацию, а заводу в Ростове — иную. Речь идет о том, что тракторы должны выпускаться в соответствии с принятыми нормами качества. Если оба завода соответствуют им — полное счастье. Если им нужно три года на реструктуризацию, они могут закрыться, получить государственный кредит, за это время перейти на новый вид производства и работать дальше. Если один из них в принципе не может этого сделать, то он просто умирает. Задача не в регулировании деятельности предприятий, а в установлении отраслевых стандартов. И второе обстоятельство заключается в том, что советская экономика была очень закрыта от мировых рынков. Ни в одном из озвученных вариантов модернизации я не предлагаю создание замкнутой экономики. Напротив, важнейшим элементом экономического развития является достижение технологического уровня, который позволил бы конкурировать на внешних рынках. Ни одна модернизация еще не происходила в закрытой стране в последние пятьдесят лет.

Перечисленные замечания дают мне возможность утверждать, что я не провожу аналогий с советской моделью.

Свобода слов

Из выступлений на семинаре (Голицыно, июль 2009 года)

- # Приятно общаться с человеком, который знает, что говорит. И очень приятно принимать вопрос у человека, который понимает, что спрашивает.
- # Поскольку вы любимый эксперт Елены Михайловны, многие вопросы опущу.
- # Вы будете делать вид, что интересуетесь каким-нибудь вопросом, а я буду делать вид, что знаю ответ на этот вопрос.
- # Каменный век закончился не потому, что камни кончились.
- # Будет небольшой удар по голове, но долго.
- # У него есть то место, за которое его можно крепко взять и творчески поработать.
- # Не брать в голову то, что происходит, — это тоже хорошо.
- # Ест тот, кто хорошо просит.
- # Народ вы продвинутый, правда, не знаю куда.
- # Какова защита прав молодежи в продаже алкоголя?
- # Она не плохая, она никакая, она нормальная, она средняя.
- # Я предлагаю определение и многие укладываются в него.
- # Чтобы пришли в Пермь инвестиции, надо чтобы Пермь отличили от Пензы.
- # Не сказать, что это совсем вранье, это попытка просто те же цифры читать немного по другому.
- # Как сделать так, чтобы проекты были, коррупции не было, а местные выборы не проводились?
- # Я разделяю вашу точку зрения и сейчас попытаюсь объяснить, как я ее разделяю.
- # Ладно бы пугать население — оно пуганое, но зачем пугать начальников?
- # Дума в бессознательном состоянии нажимает кнопки.
- # Хорошо, что мало рук, так как это и мало ртов.
- # Бегали за инвестором, как перезрелая дама, которая замуж хочет.
- # Даже у Суркова отставание российской экономики вызвало некое понимание.
- # Людей, которые предлагают особый путь развития, называют особистами.
- # Любишь, не любишь, а брачный контракт не помешает.
- # Мне сложно сформулировать вопрос конкретно.
- # Кризис дошел до глубинки, но не дошел до дна.
- # В экономическом плане мы — сэкэн хэнд.
- # 30 % людей в зале что-то делают, но еще не осознают.
- # Даже тупые должны все понять.
- # Журналисты за правду, а пиарщики — за деньги.

Записала Людмила Савочкина

11 октября 2009 г. в 76 регионах России прошли муниципальные выборы и в трех субъектах РФ — Москве, Тульской области и республике Марий Эл — выбрали депутатов законодательных собраний. После выборов официальные оппоненты «Единой России» — КПРФ, «Справедливая Россия», ЛДПР, «Яблоко», «Патриоты России» и «Правое дело» — заявили об административном произволе, поправлении закона и фальсификации результатов голосования. Например, более чем в десяти участках в Москве результат «Единой России» составил 98 процентов голосов. Сведения и слухи о беспрецедентно «грязных» избирательных кампаниях в Москве, Воскресенске, Астрахани и Дербенте — в последнем случае даже с использованием открытого силового давления на избирателей — определили крайне негативный информационный фон политической осени 2009 года. В публикуемом с сокращениями экспертном докладе Центра политического консультирования «Никколо М» дан анализ прошедших выборов и предлагается ответ на вопрос, что будет с российской системой выборов в среднесрочной перспективе.

Стабилизационная политсистема и кризис

Что показал всероссийский день выборов 11.10.2009?

Стабилизаторы возвращаются... Созданная правящей администрацией система управления покоится на трех стабилизирующих компонентах, обеспечивающих устойчивость суверенной российской вертикали власти.

— *Нефтегазовые доходы* — бюджетные и внебюджетные.

— *Право кормления* — извлечения рентных доходов из откупаемой и получаемой должности, которое гарантируется всякому «системному», то есть действующему по «вертикальным» деловым и политическим понятиям, человеку.

— *«Марсианская» партийно-электоральная система.*

Каждый из этих стабилизаторов имеет свое особое предназначение: один обеспечивает экономический рост без развития; другой — лояльность господствующей элиты; третий — ее незыблемость по воле российских избирателей. Вряд ли кто-то может

усомниться в системной взаимосвязи выделенных факторов и их значении для поддержания устойчивости правящего режима в 2000-е годы.

Указанные факторы, возведенные правящей элитой в воспроизводящую себя функциональную систему, образовали весьма эффективный механизм поддержания политического статус-кво за счет торможения социальной активности общества. Однако очевидно, что из трех перечисленных стабилизаторов действительно надежным является только первый, поскольку и кормление для «своих», и «марсианские» выборы для населения способствовали стабильности режима лишь при высоких нефтегазовых доходах. Без них существующая элита и «правильно» организованные выборы никакой устойчивости вертикали власти не гарантируют.

Между тем трагедия сегодняшнего экономического кризиса вовсе не в том, что резко сократились нефтегазовые доходы. Так казалось только поначалу. К осени 2009 года стал понятен

истинный масштаб проблемы — нефтегазовые доходы снова выросли, но они не в состоянии стабилизировать систему. Общественные превращения всегда неожиданны и неуловимы. Тем более важно вовремя выявить и оценить потенциал политической стабильности.

Вид из заколоченного окна. Прежде чем анализировать результаты последних выборов следует четче определить, что они могли как-то и чего никак не могли показать.

Всякие выборы неудобны и нежелательны для господствующей элиты, особенно во время социально-экономических кризисов, когда нужно «не голосовать, а работать», то есть спасти свои активы. Что касается большинства нации, то для него выборы в кризис — очень важный, почти незаменимый (настолько выборы предпочтительнее для населения, чем бунт) способ выражения недовольства своим настоящим и озабоченности будущим. Пока у избирателей есть возможность менять правящие лица и группы (партии, кланы, команды), выборы стимулируют отбор правящей элиты и поиск отвечающих общественным чаяниям стратегий. То есть выборы открывают «окно возможностей» для политической перенастройки национального развития.

В России кризисной осенью 2009 года «окно возможностей» было ограничено двумя факторами:

- предметом выборов, прошедших в единый день голосования;
- характером применяемой партийно-электоральной системы.

Судить по местным и региональным выборам об общенациональных политических тенденциях можно в странах с развитыми партийными системами и традициями партийного голосования избирателей, в России же сделать это весьма затруднительно.

Оттого что в 2000-е годы все губернаторы и мэры в нашей стране стали

членами одной партии, связь выборов на местах с общенациональной политикой только ослабла. А расширившееся в последние годы применение смешанной избирательной системы могло бы позволить судить о росте или падении популярности баллотирующихся партий. Могло бы! — при проведении свободных выборов или пусть не вполне свободных, а по закрытому списку допущенных партий, но хотя бы с честным подсчетом поданных за них голосов. Однако существующая конструкция стабилизационной партийно-электоральной системы и обычная практика ее применения нацелены на то, чтобы российские избиратели не могли практически изъявить свою политическую волю в общественно значимой форме. Не говоря уже о том, что базовым элементом этой конструкции является такая процедура регистрации и перерегистрации федеральных политических партий, которая делает невозможным создание новой партии, иначе как с разрешения администрации президента. Формально регистрацию партий осуществляет Министерство юстиции РФ, которое до сего дня лишь оформляло политические решения, принятые в Кремле. Теперь, при двоевластии президента и премьера, официально возглавившего «Единую Россию», мнения президентской администрации и премьерского кабинета могут разойтись. Понятно, что и в этой ситуации создание новой политической партии отнюдь не облегчается. Хотя, конечно, если президент решит создать новую партию власти, то она будет создана. Невозможность для граждан, в том числе и состоятельных граждан, свободно создавать политические партии способствовала концентрации амбициозных и «ресурсных» людей в несменяемой партии власти. Другим ре-

зультатом установленного порядка стало предъявление из выборов в выборы набора не востребуемых политических альтернатив — как законсервированных с 90-х годов и уже явно неадекватных, так и новообразованных сверху для «сохранения дизайна». Дополнительными средствами зачистки политического поля стало повышение в 2006 году порога отсекаемых партий на выборах до 7 % голосов избирателей и запрет на участие в выборах избирательных блоков, в которых партии могли бы объединиться друг с другом или с общественными объединениями.

«Единая Россия» сначала неформально, а потом и формально отвечала за обеспечение «путинского большинства» на всех выборах. Между тем электоральное «путинское большинство» далеко не дотягивало до официального рейтинга доверия к президенту: в лучшие путинские годы оно лишь переваливало за 50 % и, как следует из сравнения результатов президентских выборов 2000 и 2004 года, имело отрицательную динамику. Собрать же голоса путинских избирателей под список разных «единороссов» было тем более трудно. Эту задачу не удавалось решить даже посредством телевизионно-информационной обработки населения. Поэтому в алгоритме обеспечения побед «Единой России» все больший удельный вес приобретали административная мобилизация избирателей и ручное управление избирательными комиссиями.

По мере того как российские граждане осознавали, что электоральный показатель «Единой России» является независимой от их голосования постоянной величиной, а также то обстоятельство, что никаких более привлекательных политических альтернатив нет и быть не может, они теряли интерес к выборам. Возможность подать

голос «против всех», которая в этих условиях могла бы стать значимой формой политического протеста, у избирателей была в 2006 году отобрана. Наконец, чтобы и полный отказ их от участия в выборах не возымел эффекта «голосования ногами» и не мешал стабильному отправлению власти, была вообще отменена (до того уже сниженная) минимальная норма явки избирателей, при которой выборы признаются состоявшимися. Так политическая стабилизация в России достигла своей высшей и последней стадии.

Закрытый перелом. Официальные цифры явки избирателей на осенних 2009 года выборах в органы законодательной власти субъектов РФ — Московскую городскую думу, Государственное собрание Республики Марий Эл и Тульскую областную думу — колеблются от приличных 35 % в Москве до 58 % в гиперактивной Марий Эл. У «Единой России», как положено, абсолютное большинство: 66 % в Москве, 65 % в Марий Эл, 55 % в Тульской области.

Эксперты, правда, заметили снижение *объявленных* результатов «Единой России» и рост *объявленных* результатов оппозирующих партий на всех региональных и местных выборах, где проходило голосование по партийным спискам — на всех, кроме Москвы. Так, по сравнению с выборами в Государственную думу РФ в 2007 году в Тульской области «Единая Россия» потеряла 6 %, коммунисты прибавили 5 %, «Справедливая Россия» выросла на 4 %. В Марий Эл показатель «Единой России» уменьшился на 4 %, а показатель КПРФ вырос с 10,6 до 19 %.

Как отмечает политолог Александр Кынев, даже в Башкортостане и Кемерово, даже на Северном Кавказе на прошедших региональных выборах «Единая Россия» показала результат

ниже, чем в 2007 году. Но из этой общей по стране электоральной закономерности решительно выламывается Москва. Рост партии власти в 12 % не встречается нигде, кроме как здесь, — объявленные 66 % (на выборах в Мосгордуму 2005 года у «Единой России» в Москве было 47 %, на выборах в Госдуму 2007-го — 54 %) «лишены даже видимости правдоподобия и противоречат здравому смыслу», — отмечает эксперт.

Но где, спрашивается, та опасная грань, за которой привычная лукавая цифра утрачивает столь нужное — и власти, и народу — правдоподобие? В 2007 году «Единой России» было отписано 64 % голосов на выборах в Государственную думу — все обошлось, «проглотили». А что ж сегодняшние 65–66 % не проглотят? Да, уже не проглотят и не забудут. Потому что произошел тихий (народ безмолвствует) фундаментальный поворот.

И дело тут не в цифрах, а в людях — в изменении их обстоятельств и настроений. На чем зиждилось вчерашнее массовое согласие с торжеством «Единой России»? Во-первых, была у народа надежда на Путина как на национального лидера, которая постепенно к 2007 году сменилась другим стимулом — боязнью народа оставаться с путинским государством без его начальника. Во-вторых, у большинства было ощущение, что «стало чуть-чуть лучше», а у многих, что «дела идут». В-третьих, оппозиция на глазах деградировала, была слабой и ненужной. На этом фоне какие-то проценты выглядели формальностью — если им так надо, пусть «рисуют», *мы не против*.

А теперь все не так. Еще до кризиса коррупционное гниение страны стало

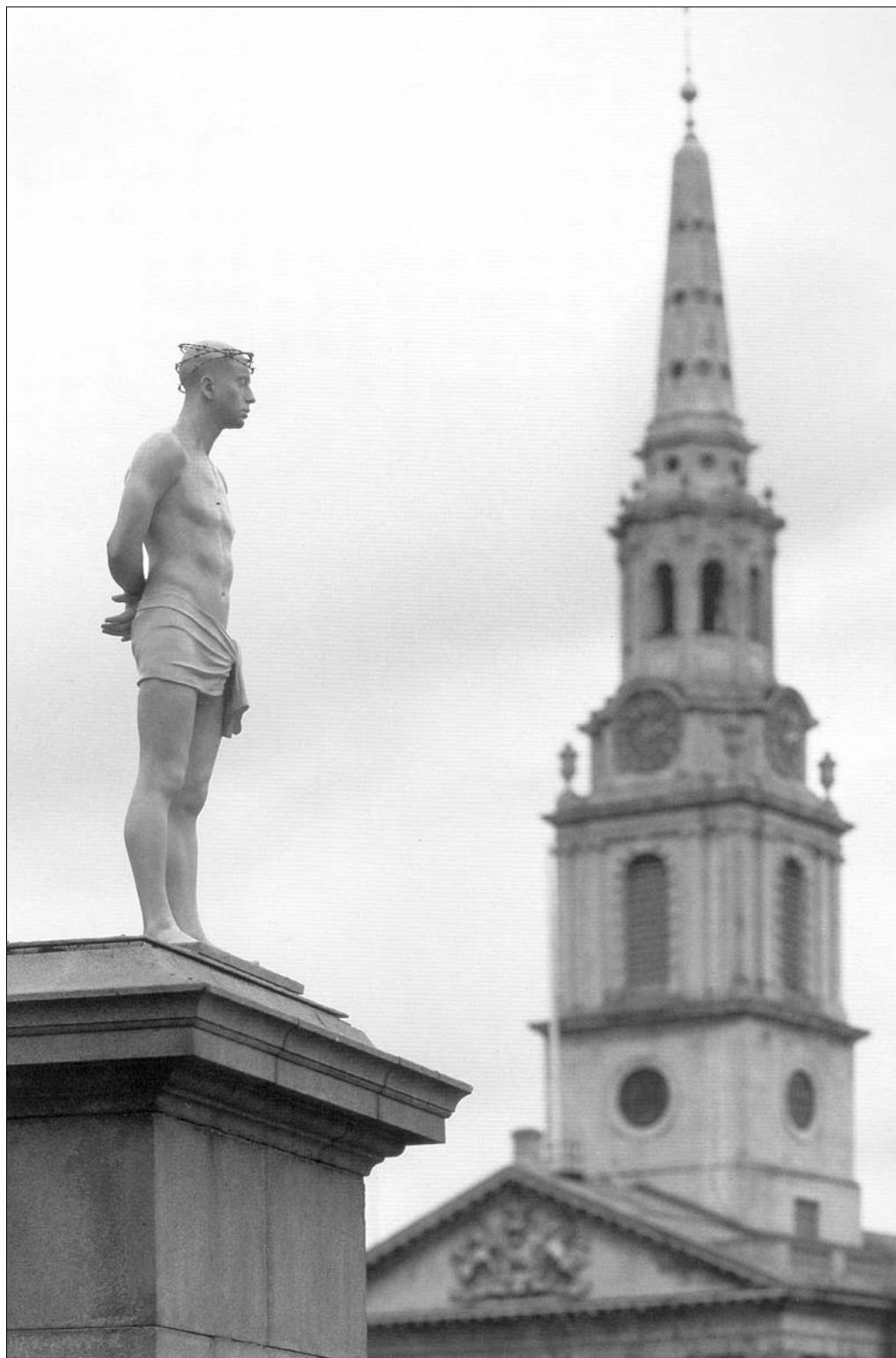
осознаваться как тотальное, кризис лишь утвердил всех в понимании, что ничем хорошим то, что есть, уже не закончится. После стрельбы по москвичам «одного из лучших» начальников

*Всякие выборы неудобны и нежелательны
для господствующей элиты, особенно
во время социально-экономических
кризисов*

РОВД столицы надежд на «авось» не осталось.

Российское общество заново осознало необходимость политической оппозиции. Осознало не вдруг: число людей, считающих, что в России должна быть оппозиция, которая оказывала бы серьезное влияние на жизнь страны, стабильно растет с начала 2000-х. Так, в 2002 году их было 56 %. В 2005-м — 61 %, два года назад — 66 %, а сегодня их уже 71 % (данные Левада-центра). Не видит сейчас необходимости в оппозиции только 16 % россиян, а еще 13 % затруднились ответить. Зафиксированная социологами тенденция массового сознания — сама по себе сугубо оппозиционна, поскольку появилась и растет при наблюдении за жирующей властью и недоверии к ее политическим оппонентам. Поэтому действительная оппозиция правящему режиму состоит не в партиях, которые *допускаются* к выборам, а в общественном мнении россиян.

Например, Республика Марий Эл и Тульская область всегда отличались протестным голосованием, в этих регионах в 1990-е годы даже власть менялась на волне массового протеста — какие уж там 18–20 % за КПРФ! Уровень «красного» голосования в таких регионах никак не ниже, чем на выборах в городе Ржеве (Тверская область), где 11 октября за КПРФ было отдано

Марк Валлингер. Человек. 1999

большинство голосов: даже по официальным данным КПРФ получила 35,9 %, а «Единая Россия» — 34,8 % голосов. В Южно-Сахалинске «Единая Россия» получила 39,5 % голосов, КПРФ — 26 %, «Справедливая Россия» — 15 % и ЛДПР — 1 %. В Благовещенске: «Единая Россия» — 49 %, КПРФ — 22,9 %, ЛДПР — 13,9 %, «Справедливая Россия» — 10 %. Город Нарьян-Мар: «Единая Россия» — 39,8 %, КПРФ — 28 %, «Справедливая Россия» — 10,8 %, ЛДПР — 17,4 %, и здесь впереди оппозиционное большинство даже по официальным данным.

Ну а что же в Москве? Можем ли мы составить сколько-нибудь адекватное представление о том, как в действительности голосовали избиратели на прошедших выборах в Мосгордуму? Да, можем. Математическая реконструкция, использующая так называемый метод Сергея Шпилькина, показывает, что реальный процент явки в Москве не превышал 22 %, а результаты голосования за партийные списки были следующими: «Единая Россия» — 46 %, КПРФ — 21,3 %, ЛДПР — 9,8 %, «Справедливая Россия» — 8,5 %, «Яблоко» — 7,5 %, «Патриоты России» — 2,9 %. То есть в Мосгордуме должны быть представлены пять партий, преодолевших 7-процентный барьер, а не две.

Схожие результаты показал социологический опрос «Левада-Центра», проведенный в Москве уже после выборов, с 22 по 27 октября 2009 года. По данным опроса, за «Единую Россию» 11 октября проголосовали 46,1 % москвичей, утверждающих, что они ходили на выборы; 27,1 % респондентов проголосовали за КПРФ, 11,8 % — за ЛДПР, 7,9 % — за «Справедливую Россию»; 3,9 % ответивших сказали, что голосовали за «Яблоко». При этом следует иметь в виду, что во время опросов после выборов респонденты чаще утверждают, что они голосовали за

победившую партию, и реже признаются, что голосовали за проигравших. Оба исследования — и математическое, и социологическое — показывают, что реальное число голосов, поданных за партию власти на выборах в Мосгордуму, не превышало 46 % при примерно 20-процентной явке избирателей. Таким образом, 11 октября 2009 года в столице за «Единую Россию» проголосовало лишь 10 % (примерно 710 тысяч) от общего числа имеющих право голоса. При этом более 50 % пришедших к избирательным урнам москвичей подали голос за оппозицию.

Итак, осенью 2009 года из-за нежелания народа голосовать за партию власти привычные приписки на выборах превратились в переписывание народного волеизъявления. Утаить это не легче, чем шило в мешке. Между тем, из того, что россиян не слишком волнует процедура, вовсе не следует, что их, то есть нас, не волнует результат, поскольку инерционный механизм политической стабилизации уже явно не работает.

Что будет с системой выборов в среднесрочной перспективе?

Левый марш. Если клапан приоткроется, выигрывать в этой ситуации будут допущенные к выборам левые оппозиционные партии, артикулирующие насущные требования справедливости.

Даже при плотно закрытых клапанах на выборах 11 октября КПРФ и «Справедливая Россия» получили ощутимый прирост доли голосов пришедших к урнам избирателей практически везде, где проводилось голосование по партийным спискам. И это не все. В Волжском (город-спутник Волгограда) кандидат «Справедливой России» М. Афанасьева стала мэром, выиграв выборы у главы города и канди-

дата «Единой России» И. Воронина, — официальные данные таковы: М. Афанасьева (СР) — 36,77 %; И. Воронин (ЕР) — 36,62 %; Н. Паршин (КПРФ) — 13,62 %. Кандидат «Справедливой России» И. Сунгуров победил на выборах городского главы в Можайске (Московская область). Кандидат от КПРФ М. Лютуев победил в Павлово-Посадском районе Московской области, выиграв выборы у действующего главы района, единоросса. В Астрахани мэр, единоросс С. Баженов, сохранил пост в борьбе с депутатом Госдумы, справедливороссом О. Шейным, при этом были объявлены настолько фантастические результаты голосования, что поверить в них невозможно, — никто и не верит. В Воскресенске (Московская область) независимый кандидат, член партии «Справедливая Россия» Г. Егоров, которого поддержали и коммунисты, уверенно выигрывал выборы у действующего главы города, кандидата «Единой России» Ю. Слепцова, который своей властью остановил подсчет голосов на всех участках, а потом объявил о своей победе. Против него было возбуждено уголовное дело — единственный случай по итогам всероссийского дня голосования.

Что значит приоткрыть клапан? Это значит сделать два шага сегодня.

Во-первых, завершить уголовное дело по вопиющему случаю попраания конституционных прав российских граждан в Воскресенске наказанием за преступление.

Во-вторых, создать практические гарантии честного подсчета голосов избирателей. Главную из таких гарантий назвал лидер «Справедливой России» Сергей Миронов: необходимо формировать все избирательные комиссии *только* из представителей федеральных политических партий.

Это предложение совершенно разумно и вполне выполнимо. Эффективно

контролировать друг друга и обеспечить честный подсчет поданных голосов могут действительно только участники избирательного состязания. Однако два названных шага лишь начало пути для политического оздоровления нации. Чтобы быть результативными, действия оппозиции должны быть консолидированными. В конце концов, у КПРФ и «Справедливой России» есть одна общая проблема — доказать себе и российскому обществу, что они не просто участники PR-пробега, а реальная сила в политическом процессе.

У эсеров есть добротная программа, которая включает антикризисный план, и эта программа, нацеленная на модернизацию страны и стандарты европейской Социальной хартии, вполне годится, чтобы стать программой социалистического правительства. А у КПРФ есть статус массовой оппозиционной партии и лидерство в сегодняшнем левом электоральном сегменте. Однако это лидерство не абсолютно и недолговечно. Процент голосов, поданных за левые партии, растет, но на фоне снижающейся явки избирателей. Поэтому, чтобы обеспечить необходимый кумулятивный эффект, обе партии должны договориться о блоковой политике. Главные пункты политической повестки левого блока вполне очевидны: — требования к власти — расследовать фальсификации результатов народного волеизъявления и создать «избиркомы доверия»;

— солидарные действия по обеспечению контроля за ходом и подведением итогов выборов;

— коалиционное правительство народного доверия и его программа.

Если левые партии сфокусируют консолидированное общественное мнение на требовании сформировать новые избиркомы и если смогут добиться действительной реформы избиратель-

ных комиссий — это уже будет колоссальная политическая победа. Развивать этот первый и потому главный успех им будет уже легче.

Отказ же от создания левого блока, какими бы благовидными, идейными, принципиальными соображениями он ни объяснялся, объективно будет означать исполнение той или другой партией, либо ими обеими, лишь представительской функции.

В этом случае у партии власти останутся дополнительные возможности доминирования и использования противоборствующих левых партий для утилизации протестного голосования на выборах.

Выборы без избирателей. Что будет, если сегодняшний левый поворот совместными действиями власти и оппозиции будет сведен на нет? В этом, увы, вполне вероятном случае произойдет полный отказ россиян от добровольного участия в выборах: голосовать будут по разрядке те, кто не может уклониться.

Выборы в Мосгордуму 11 октября вполне отчетливо показали тенденцию именно к такому сценарию политического кризиса. Разочарованные жители столичного мегаполиса не доверяют ни «Единой России», ни оппозиционным партиям, ни избирательным комиссиям, а потому вообще игнорируют выборы.

Москва в этом отношении отнюдь не исключительный случай. Петербуржцы и жители других крупнейших российских городов все более склоняются к такому же «голосованию». Это уже не просто массовая аполитичность, а именно осмысленный, скорее даже политический выбор. Ритуальные выборы — не безделица, они нужны власти «для легитимности». Поэтому уклонение от важного для

власти ритуала можно назвать «внутренней эмиграцией». Массовая, в ближайшей перспективе общенародная «внутренняя эмиграция» во время выборов является проявлением

*Эффективно контролировать друг друга
и обеспечить честный подсчет поданных
голосов могут только участники
избирательного состязания*

того, что писатель Дмитрий Быков назвал уходом народа «из-под государства».

Многое станет ясно уже весной 2010 года. Если левые партии не смогут возглавить левый электоральный поворот и у них опять все уйдет в «пирар», народ пошлет их туда же, куда посылает власть. Избиратели перестанут избирать власть именно из-за постоянной фальсификации результатов голосования. Поэтому цифровое лукавство теряет смысл. Нет дела до официальных сообщений, когда все знают, что у власти фальшивый мандат.

Обновленное меню. Чтобы стабилизировать свою стабилизационную систему, правящая администрация может как-то обновить мультипартийное «меню», предлагаемое российским избирателям. Ранее, к парламентским выборам 2003 и 2007 года, набор балотирующихся партийных списков обновлялся за счет одного-двух курируемых из Кремля партийных проектов. Каковы перспективы у такого ожидаемого хода сегодня?

Собственно, новый партийный проект на новом электоральном цикле был уже создан — это «Правое дело». И хилый вид этого начинания как раз показывает весьма ограниченный, притом затухающий потенциал фабрики политических луноходов.

В 2003 году «Родина» была еще живой. Интеллектуальный калибр и политическая самостоятельность Сергея Глазьева придавали игре драйв и масштаб. Однако «развести» его тоже оказалось нетрудно.

«Справедливая Россия», созданная из осколков нескольких разрушенных политических предприятий под эгидой спикера Совета Федерации, отрекомендовавшись второй партией власти с социалистическим лицом, собрала в 2007 году вдвое меньший электоральный урожай, чем «Родина». Заведенная же на правый фланг электорального поля «Гражданская сила», освоив проектный бюджет, разошлась сразу после объявления результатов голосования, чтобы собраться вновь в установленном месте на следующих маневрах.

Похоже, что российский избиратель, об idiotизме которого столько наговорено, все же не так прост.

В общем, сегодня крайне трудно «впарить» российским избирателям какой-то новый партийный проект. Уже одного того факта, что в «Правом деле» опять оказались торговцы сетевой «гражданской силой», было достаточно, чтобы понять, куда пойдет дело. А когда организационную структуру партии списали прямым текстом из басни И.А. Крылова, стало ясно, что «правое дело» — это громко объявленное самоубийство. Не прошло года со дня рождения партии, как самоубийство состоялось.

Смысл произведенного действия очевиден: надо было без политического насилия похоронить СПС. Не потому, конечно, что СПС был способен на «либеральный реванш», а потому что он засорял правый фланг политического поля. Похоронившие СПС политики полагали и полагают, что правый фланг понадобился президенту Д. Медведеву для того, чтобы на него опереться. Возможно, и так.

Но вряд ли Президент РФ будет опираться на участников похоронной процессии. Во всяком случае, сегодня никакого кремлевского правого дела нет — оно уже сделано. А вывеску «Правое дело» на этой стороне политического поля следует читать как «поле под паром».

Есть единственный вариант кремлевского обновления в рамках (вернее сказать — из рамок) существующей стабилизационной системы, который может возыметь действительный политический эффект со стратегической перспективой. Это создание еще одной «партии власти», а точнее, партии президента.

Политическое значение создания такой партии определялось бы несколькими эффектами, предполагающими и усиливающими друг друга.

— *Эффект субъекта.* Создав свою партию, Д. Медведев смог бы выйти из отведенной ему роли «технического президента» (ведь выйти из этой роли за счет риторики невозможно — это не вопрос «пиара», а вопрос политического действия), взять на себя роль, риск и ответственность руководителя государства.

— *Инфраструктурный эффект.* Создав партию нового президента, президентская администрация доказала бы, что она действительно является политической администрацией Президента РФ Д. Медведева.

— *Институциональный эффект.* Создание ново-президентской партии превратило бы возглавляемую В. Путиным «Единую Россию» в политически ответственную правящую партию. И, тем самым, такое уродливое явление затянувшейся постсоветской эпохи, как партия власти, по определению лишенная политической ответственности, осталась бы в прошлом. А Россия смогла бы наконец из него выйти и пойти вперед.

Федерализм и региональная безопасность*

Р азмышляя после 1945 года о судьбе послевоенной Германии, союзники оставили свой выбор на федеративной модели для этой страны. Среди основных факторов, обеспечивших такое решение, было не только то, что немецкая конституция 1949 года писалась под непосредственным кураторством американцев — представителей государства, где федеративная модель пользовалась прочным и обоснованным авторитетом. Не меньшую роль сыграло и то обстоятельство, что на преобразовании Германии в федерацию решительно настаивали младшие партнеры по победившей коалиции — французы. Их представители не скрывали своих мотивов: федеративная Германия, подчеркивали они, неминуемо будет *слабым государством*. Таким образом, федералистская схема отождествлялась с потерей государственной мощи и фиксацией государственного бессилия той стороны, которой такая схема предлагается.

Наблюдая за очередным раундом дискуссий о федерализации Грузии, развернувшимся после войны с Россией, уместно вспомнить об этой истории, потому что многие авторы, рассуждающие сегодня о применимости или, напротив, неприменимости федеративных рецептов на Кавказе, также исходят из того, что *федерализм есть синоним немощи*. В ходе мини-дебатов по поводу так называемой федерации разных уровней, состоявшихся в местных СМИ летом нынешнего года, соответствующий проект, авторство которого приписывают то России, то Турции, интерпретировался некоторыми грузинскими политиками не иначе, как в качестве «плана по расчленению Грузии». Эти страхи не смог снять даже вице-президент США, побывавший в Грузии и посоветовавший грузинским властям «оставить открытой дверь для Абхазии и Южной Осетии» и подумать о федеральном устройстве страны.

Андрей Захаров,
редактор журнала
«Неприкосновенный запас:
дебаты о политике и
культуре»

* Выступление на совместном семинаре «Гражданское общество в эпоху глобализации», проведенном Московской школой политических исследований и Тбилисской школой политических исследований в Батуми (Грузия) 30-31 октября 2009 года.

Элеанора Антин. Счастливая смерть (из серии "Последний день Помпеи"). 2001

В статье «Жизненные основы федерации», написанной в 1949 году, философ Иван Ильин горько сетовал: «Когда мы слышим иногда такие “умные” предложения: “Введите вы у себя в России федеративную республику с референдумом!”, то мы всегда спрашиваем себя, по наивности нам это предлагают или из желания повредить России? Что иному народу здорово, то может быть для русского смертью»¹. Прочитанный мною мыслитель, которому пагубность переформатирования империи в федерацию казалась несомненной и которого сегодня очень уважают в определенных слоях российской политической элиты, полагал, что для государств больших, древних, разнообразных, выполняющих очевидную историческую миссию, федеративная модель *равнозначна расчленению и добровольной гибели*. Он, например, был уверен, что «если имеется налицо множество национальностей, различных по языку, по крови, по религии, то федеративное объединение их будет почти невероятным»². Кроме того, он твердо указывал и на то, что федерация совершенно неосуществима при шатком правовом сознании.

Эти и другие аргументы, выдвигаемые против федерации русским консервативом Иваном Ильиным, можно, разумеется, оспаривать. Но в данном контексте меня интересует не их проблематичность, а то, что они чрезвычайно похожи на возражения против федеративных подходов к внутренней и региональной стабилизации, которые выдвигались и выдвигаются политиками полиэтничных государств, образовавшихся после распада Советского Союза. На этот парадокс хотелось бы обратить особое внимание. В рамках сравнительного изучения федераций неоднократно и убедительно констатировалось, что *федерализация является не только эффективным, но едва ли не единственным способом преобразования имперского государства в демократическую политику*. Не случайно большая часть федераций Европы образовалась именно на развалинах европейских империй³. О той же закономерности говорил и классик федералистских исследований Уильям Райкер, обращавший внимание на то, что после крушения колониальных империй, которое последовало с окончанием Второй мировой войны, в мире началась настоящая федералистская революция⁴. Но постсоветские политики-демократы, в прежние времена отчаянно — и справедливо! — обличавшие СССР как империю, на протяжении десятилетий столь же упорно боролись за сохранение своих стран в качестве мини-империй, порой воспроизводивших в отношении своих национальных или языковых меньшинств наихудшие советские практики. Фактически на постсоветском пространстве федеративная рецептура внутригосударственного переустройства не пригодилась нигде. Пожалуй, единственным исключением стала сама Россия, которой благодаря асимметричному федерализму «лихих» 1990-х годов удалось избежать распада и сохранить целостность. Что же касается наших соседей, то у них федеративная идея не пользовалась популярностью, несмотря на всю ее привлекательность. Более того, кое-кто (молдавское руководство — и не только оно) тогда предпочел федерализации войну — с последствиями вполне предсказуемыми и, я бы сказал, в некоторых случаях фатальными.

Мой промежуточный вывод прост. Именно неспособность своевременно привлечь и использовать федералистские схемы породила на постсоветских территориях самые главные и наиболее проблемные очаги нестабильности. На этом этапе моих рассуждений предвижу вызревание в рядах уважаемой аудитории как минимум двух, в равной мере интригующих, вопросов. Во-первых, почему постсоветские элиты почти повсеместно не справились с освоением федералистского инструментария? Во-вторых, не слишком ли много чести я отвожу России, приписывая ее руководителям похвальную прозорливость и гибкость в данном отношении — а именно умение обратиться к федерализму в то время, когда нашим соседям он оказался не под силу? Упреждая эти вопросы, я хотел бы сначала разобраться — хотя бы вскользь, поскольку тема не предполагает большего, — с первым вопросом, тем более что он проще. Как ни прискорбно это признавать, в рядах постсоветских элит первого призыва, за исключением, видимо, прибалтийских республик, практически не было настоящих демократов. На протяжении десятилетий коммунизм приучал своих подданных к тому, что благая цель оправдывает любые средства, а это никак не способствовало утверждению верховенства права. Учитывая, что федерализм — это договор, а договор — это право, и без уважения к праву федерализм и демократизация оказываются невозможными. Вновь процитирую Ильина: «Там, где царит южно-американское правосознание, — демократия становится своей карикатурой, а федерация — или пустым звуком, или началом распада»⁵. Мне кажется, что такое южно-американское правосознание достаточно хорошо представляют граждане в обеих наших странах — и в России, и в Грузии.

Теперь перейду к второму вопросу. Я попытаюсь оценить, в какой степени сохраняемая Россией уже более пятнадцати лет стойкая приверженность федералистской букве, заслуживающая всяческих похвал, помогает поддерживать нормальные отношения с соседями. Для исследователя сравнительного федерализма здесь таится одна из фундаментальных загадок: почему Россия, перестав быть федерацией во всем, за исключением названия, продолжает именовать себя «Российской Федерацией»? Действительно, когда британский ученый Камерон Росс называет нынешнюю Россию «федерацией без федерализма»⁶, с ним трудно спорить. Не проще ли было бы в такой ситуации конституционно узаконить «вертикаль», принять соответствующие поправки в Основной закон и честно провозгласить свою страну унитарным государством? Но ни малейшей попытки произвести эту логичную, казалось бы, операцию не наблюдается. Почему? На мой взгляд, ответ следует искать в метаморфозах, которые претерпел федерализм в последние десятилетия. Еще в середине 1960-х годов Уильям Райкер обратил внимание на любопытное обстоятельство: с отходом в небытие традиционных колониальных империй федерализм превратился *в единственное политическое средство, позволяющее легально, то есть без применения силы, приобретать новые территории*. В мире, где победила политическая корректность, циничный захват чужих земель более не рассматривается как приемлемая опция. Естественным оформлением

территориальной экспансии в такой ситуации выступает исключительно федерализм⁷.

В российском случае сохранение федеративной правовой оболочки гармонично сочетается со стремлением действительно регулировать политические процессы в так называемом ближнем зарубежье. В 2001 году был принят Федеральный конституционный закон «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта», регламентирующий изменение состава субъектов в ре-

*Неспособность своевременно привлечь
и использовать федералистские схемы
породила на постсоветских территориях
наиболее проблемные очаги нестабильности*

зультате присоединения к России территорий иностранного государства. В нынешней редакции этот акт требует осуществления согласительных процедур с участием властей той страны, которая в полном составе или частично присоединяется к Российской Федерации. Любопытно отметить, что российские «ястребы» уже пытались сделать эту тяжелую для них норму более «удобной». В 2005 году парламентская фракция «Родина» предложила внести в закон положение о том, что *инициатором предложения о принятии в Российскую Федерацию является народ*, проживающий на территории предполагаемого будущего субъекта. А решение о присоединении к России должно высказываться на всенародном референдуме. Иными словами, разработчики фактически предлагали Государственной думе игнорировать международные договоры России во имя частичного восстановления СССР. Как символично выразился по этому поводу в ходе дебатов один из авторов законопроекта депутат Андрей Савельев, «кроме юридической бесспорности существует еще и политическая целесообразность»⁸.

К чести Государственной думы следует сказать, что в 2005 году законопроект был провален, да и фракции «Родина» в нижней палате больше нет. Но эта история, которую, кстати, вспоминали в нашей прессе после августа 2008 года, весьма показательна в смысле обсуждаемых трендов. Негласный политический консенсус, утвердившийся в рядах российской элиты, предполагает, по-видимому, что империя — вещь вполне полезная, даже если она тщательно скрывает свою имперскую суть, выдавая себя за нечто иное. По этой причине в последнее время виртуальный спрос на федеративную идею возник там, где его появления трудно было ожидать — в среде империалистов и державников. Безусловно, в данном случае мы имеем дело с парадоксом, ибо *демократическая и либеральная* по своей сути федеративная идеология применяется для обоснования *великодержавной экспансии*. В значительной мере отечественный федерализм по-прежнему жив благодаря поднимающей голову отечественной имперской мечте. С другой стороны, вхождение в состав федеративного государства, которое по определению резервирует за своими составными частями существенные права на само-

определение, а во взаимоотношениях центра и регионов отдает убеждению безусловный приоритет перед принуждением, воспринимается «новичком» гораздо легче, чем присоединение к унитарной системе. Сказанное особенно верно в тех случаях, когда территория, вступающая в федеративный союз, испытывает угрозу или подвергается давлению извне. Кроме того, пути для возможного — в будущем — отступления также остаются открытыми (или приоткрытыми), а это немаловажно. А вот присоединившись к империи, выйти из нее можно только с оружием в руках. С федеративным союзом это не очевидно; в истории были федерации, которые распались достаточно мирно.

Что же касается вопроса о том, может ли такая трактовка федерализма вносить вклад в укрепление региональной безопасности, то ответ на него представляется очевидным. И это печально, потому что в итоге в контексте Южного Кавказа *миротворческий, демократичный, соглашательский* (в позитивном смысле этого слова) потенциал федерализма вообще не реализуется, причем ни одной из сторон, так или иначе задетых федеративной идеей. Одни боятся федерализма, видя в нем исключительно напасть и гибель. Другие готовы практиковать его, но в довольно причудливом виде, выворачивая федеративную идею наизнанку и превращая федерализм в орудие потенциальной экспансии. Обе трактовки — федерализм как устойчивая фобия, с одной стороны, и «имперский федерализм», с другой стороны, — не оставляют федеративной модели как лекарству от противостояния и конфронтации никаких шансов. Хотя более эффективный инструмент для решения подобной задачи найти было бы сложно.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Ильин И.А.* Жизненные основы федерации // *Ильин И.А.* О грядущей России: избранные статьи. — М.: Воениздат, 1993. — С. 55–56.
- 2 Там же. С. 57.
- 3 См.: *Захаров А.А.* Унитарная федерация. Пять этюдов о российском федерализме. — М.: Московская школа политических исследований, 2008. — С. 17–45.
- 4 См.: *Riker W.H.* Federalism: Origin, Operation, Significance. — Boston: Little, Brown and Company, 1964.
- 5 *Ильин И.А.* Жизненные основы федерации. С. 57.
- 6 *Ross K.* Federalism and Democratization in Russia. — Manchester: Manchester University Press, 2002. — P. 7.
- 7 Подробнее об этом см.: *Захаров А.А.* Унитарная федерация. С. 113–139.
- 8 См.: *Михайловская Е.* Фракция «Родина» в контексте националистического дискурса в Государственной думе // *Ларюэль М.* (сост.). Русский национализм: социальный и культурный контекст. — М.: Новое литературное обозрение, 2008. — С. 50–57.

Виртуальная страна

Чем больше люди говорят между собой, тем активнее становятся. Чем напряженнее общественная дискуссия, тем вернее социальные, а возможно, и политические изменения в будущем. Так я привык думать, опираясь в основном на собственные школьные воспоминания о 1980-х годах. Тогда была дискуссия, все читали газеты и журналы, а потом случились перемены — политические, с глубокими социальными последствиями. Необходимость отказа от плановой экономики и перехода к рынку была осознана во время бесчисленных споров в прессе и вокруг нее. Так же была осознана и необходимость отказа от имперской политики, подкрепленная еще и экономической невозможностью содержать государства-клиенты в Центральной Европе и по всему миру.

Так — напрямую — связаны слово и дело, привык я думать. То, что сказано убедительно, вполне может воплотиться в будущем. Вроде бы и сейчас нарастает общественная дискуссия — в новых современных формах, позволяющих не замечать ограничений свободы слова. Дискуссия перекочевала в Интернет. Возможность опубликовать какое угодно мнение и какой угодно призыв не ограничена ничем. Возможность дать знать о своем мнении или призыве большому количеству людей ограничена только способностями автора быть убедительным. Чем больше у твоего блога друзей и читателей, тем он «эффективнее». Так ли это?

Но главный, для меня, вопрос все-таки такой: можно ли сравнивать общественную дискуссию конца 1980-х, проходившую в «старых» СМИ, с дискуссией сегодняшнего дня, идущей в совершенно других условиях да еще и при посредстве «новых» СМИ? Может ли общество, вооруженное доступом к Интернету, чего-либо добиваться от государства? Может ли рассчитывать на лучшую защиту своих прав? Можно ли надеяться (или опасаться), что, придя к новому пониманию положе-

*Максим Трудолобов,
редактор отдела
«Комментарии»
газеты «Ведомости»*

Виталий Комар и Александр Меламид. Двойной автопортрет в образе пионеров. 1982–1983

ния в стране, люди снова будут готовы к политическим изменениям? Интуитивно кажется, что именно так и обстоит дело. Но в действительности согласия между учеными и специалистами нет.

Интернет как инструмент гражданской и политической активности еще предстоит понастоящему изучить.

Не только в России, но и в мире есть множество энтузиастов «новых» и «социальных» медиа —

публичных блогов и социальных сетей, позволяющих обмениваться мнениями и общаться на любые темы. Принципиально важно и то, что это не только разговоры. Теперь, благодаря социальным сетям, общение гораздо легче, чем раньше, может перерасти в действие. Марина Литвинович, гражданский активист и популярный блоггер, рассказывает, что ей в разгар скандала вокруг рядового Сычева удалось за один день собрать на демонстрацию к Министерству обороны 400 человек с помощью одной записи в LJ. Она и другие общественно активные пользователи Интернета напоминают о демонстрациях на Украине и в Молдавии, координировавшихся с помощью СМС и Интернета, о бирманских монахах, вооруженных цифровыми камерами и телефонами, о филиппинских студентах, совершающих «смс-революцию».

Витругальное гражданское сообщество

Речь не только и не столько о политических протестах, сколько о гражданской активности в повседневных делах. Когда пьяный майор, начальник одного из территориальных отделов милиции, Денис Евсюков в апреле

прошлого года устроил стрельбу на улице и в магазине, убив двоих и ранив семерых человек, были опасения, что все пойдет как обычно. Как обычно — это когда милиционеры-

Чтобы глухое недовольство выразилось в каком-то действии, событие должно задевать эмоции как можно большего числа людей

преступники получают условные сроки, а их начальники остаются работать на своих местах.

Но волна возмущения, поднятая в блогосфере и свободной прессе, на этот раз была такой, что власти были вынуждены сделать хоть что-то. Начальник московской милиции генерал-полковник Владимир Пронин и непосредственный начальник майора были уволены. «Если бы мы не подняли шум, не было бы сделано и этого, — уверена Марина Литвинович. — Возмущены были и оппозиционеры и консерваторы».

Чтобы обычное у нас глухое недовольство выразилось в каком-то действии, а в идеале стало бы кампанией с конкретными требованиями, событие должно задевать эмоции как можно большего числа людей, — говорит Литвинович. — Это должна быть очень эмоциональная история. В случае с Евсюковым возмущены были все — и оппозиционеры, и лоялисты. Возможно, это тоже сыграло роль — выступления блоггеров звучали более убедительно именно потому, что не были связаны с политической ориентацией выступавших. Интернет стал для гражданских и политических активистов незаменимым инструментом.

Если бы не проведенная в Интернете кампания по сбору подписей, не вышла бы досрочно на свободу отсидевшая по делу ЮКОСа около пяти лет Светлана Бахмина, мать двоих детей, родившая в заключении третьего. Если бы не отважная деятельность хакасского журналиста и блоггера Михаила Афанасьева, властям, по видимому, удалось бы скрыть истинные масштабы аварии на Саяно-Шушенской ГЭС. Подобных примеров становится все больше.

И все-таки энтузиазм по поводу Интернета должен быть осторожным. По данным «Левада-центра», Интернет является источником информации лишь для 9% россиян — в среднем. В Москве эта доля — 30%. Аудитория самой популярной социальной сети достигает 16 млн человек, но лишь меньшинство из них интересуются серьезными новостями и вступают в дискуссии по общественно значимым темам. Т.е. 85% населения, для которых главным источником информации остается телевидение, как правило, ничего не знают о кампаниях протеста, которые представляются членам интернет-сообщества «бурными». Число подписей, собранных за досрочное освобождение Бахминой, не достигло 100 000, а это была самая успешная интернет-акция последнего времени. На реальные акции протеста, проходящие на улицах и площадях, собираются сотни, редко тысячи людей.

Ядро дискуссии

Дело не в количестве, а в качестве аудитории, говорят энтузиасты. Большинство российских журналистов, работающих в свободной прессе, активистов всех направлений и просто общественно активных людей присутствуют в сети. Причем подавляющее

большинство из них ведут (или читают) блоги на платформе *livejournal.com*. Люди, ответственные за мониторинг прессы для президента и премьер-министра, внимательно следят за круговоротом информации и мнений в блогосфере — тоже прежде всего на LJ. Темы, поднятые популярными блоггерами, мгновенно попадают в сферу внимания свободной прессы, потому что журналисты читают, а часто и сами пишут блоги именно на этой платформе. Событие быстро становится «темой», и власти воспринимают это как сигнал. Круг людей, увлеченных общественно-политической проблематикой невелик, но он на виду. Изгнав значительное число тем и персон из массовых медиа, власти сами способствовали появлению «островов», где концентрация этих тем особенно высока. Теперь тем, кто мониторит прессу, приходится внимательно следить за Интернетом. Именно поэтому гражданские кампании в сети в принципе могут быть действенными.

В этом особенность российской интернет-среды. Брюс Этлинг, руководитель проекта «Интернет и демократия» в Беркмановском центре Гарвардского университета, работающий сейчас над исследованием российской блогосферы, подтверждает: ядро дискуссии на политические и общественно значимые темы расположено в LJ. Лишь небольшая часть из 890 000 активных блогов российского Интернета (для сравнения: в США около 7 млн активных блогов, в Иране — около 60 000) посвящена политическим или общественным темам, но практически все они «живут» на одной платформе, остальные — на всех прочих. Любопытно и то, что россияне в своем сетевом поведении объединили общее (пуб-

личные блоги) и частное (общение на частные темы). Во всех других национальных интернет-сообществах эти сферы разделены: блоги публикуют на открытых платформах, предназначенных только для написания и чтения блогов, а общаются люди в социальных сетях, таких как *Facebook*, *Twitter* и пр.

принадлежности. То есть прогрессивные судьи Татарстана публично сформулировали то, о чем все мы подозревали: чиновники являются особой социальной группой. Как дети, пен-

*Важно понимать,
что никакого магического решения
блогосфера и социальные сети
не предлагают*

Ответ государства

Публичная деятельность в сети — не безобидное занятие в России и других недемократических странах. Излюбленный российскими правоохранительными органами способ преследования блоггеров — обвинения в возбуждении ненависти к представителям власти. Используются для этого статьи о клевете (ч. 2 ст. 129) и об экстремизме (ч. 1 ст. 282) Уголовного кодекса. Подобные дела открываются, как правило, не в Москве. Один из последних характерных примеров — приговор в ноябре 2009 г. к 1 году и 9 месяцам колонии Ирека Муртазина за клевету и публичное возбуждение ненависти к представителям власти как к социальной группе.

Преследование Муртазина, на рубеже 1990-х и 2000-х работавшего пресс-секретарем президента республики Минтимера Шаймиева, началось после того, как он опубликовал в своем блоге сообщение о смерти Шаймиева. Клеветой суд признал мнение Муртазина о коррупции в республиканском правительстве, высказанное в его блоге, газетных статьях и в книге о Шаймиеве. Там же Муртазин распространял «негативную информацию» о представителях республиканской власти. Суд счел это возбуждением вражды по признаку социальной

сионеры или инвалиды. Им нужно уступать место в общественном транспорте, если они вдруг там обнаружатся, а не писать о них в блогах.

С Муртазиным обошлись жестко, но это далеко не первое дело такого типа. В июле 2008 г. за разжигание ненависти к социальной группе сотрудников милиции к году тюрьмы условно был приговорен блоггер из Сыктывкара Савва Терентьев. Такой же приговор был вынесен самарскому блоггеру Дмитрию Кирилину за «публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности». А вот уголовное дело об экстремизме в отношении кемеровского активиста движения «Оборона» Дмитрия Соловьева на днях было закрыто местным управлением СКП РФ. Соловьева также обвиняли по ч. 1 ст. 282 УК за критические отзывы в блоге о работе сотрудников МВД и ФСБ, но две группы экспертов не обнаружили в текстах признаков экстремизма.

Интересно, что российские правоохранители рассматривают Интернет как продолжение СМИ: с блоггерами борются, как правило, так же, как с журналистами. Против тех и других применяется «экстремистская» 282-я статья, которая, как и предсказывали правозащитники, в силу своей широты, вполне

может использоваться в целях цензуры. Полиции других авторитарных государств подходят к делу пресечения нежелательной активности более творчески. Социальные медиа — находка не только для оппозиции, но и для спецслужб, напоминает Евгений Морозов, исследователь из Джорджтаунского университета, работающий над книгой об Интернете и демократии. Открытость и анонимность Интернета, которые так помогают активистам и оппозиционерам, точно так же помогают и правительствам. В статье «Как диктаторы следят за нами в сети» (журнал *Prospect*, декабрь 2009) Морозов рассказывает о том, как власти действуют в его родной Белоруссии. Спецслужбы начали отслеживать обмен информацией между участниками флэш-монов и их организаторами на LJ. Сотрудники органов стали появляться на митингах раньше самих участников. Они не только задерживали мобберов, но и фотографировали их, затем допрашивали, угрожали исключением из вузов или даже уголовными обвинениями. Скоро у большинства студентов пропало желание участвовать в акциях, остались лишь крайние радикалы.

Мария Корина Мачадо, лидер гражданского общественного движения *Sumate* (Присоединяйся. — *исп.*) в Венесуэле, рассказывает, что после первой успешной акции движения — сбора подписей в пользу референдума об ограничении срока пребывания Уго Чавеса у власти, один из депутатов национального собрания (депутат от правящей партии) вывесил имена всех подписавшихся в Интернете. Этот список мгновенно стал проблемой для множества подписавшихся. Государственные организации получили указание находить нелояльных сотрудников и ставить их на особый контроль или увольнять. «Это было тяжелейшим ударом для нас, —

говорит Мачадо. — Простые граждане, поддерживавшие нас с самого начала, вдруг осознали, что могут стать жертвами репрессий, лишь поставив свою подпись вместе с миллионами других граждан».

Социальные сети сильно облегчили работу правительствам и их спецслужбам. Простой анализ списка друзей на *Facebook* позволяет многое узнать о человеке, в частности, не так сложно выявить его сексуальную и политическую ориентацию. В некоторых авторитарных странах проблемой для человека может стать и то, и другое. Возможны и более сложные акции. Морозов приводит примеры частных компаний в Китае, занятых разработкой программного обеспечения для мониторинга антиправительственной деятельности в сети. Вот, например, китайская компания *TRS Technologies* рекламирует свои услуги так: «Благодаря нашим технологиям, работу десяти интернет-полицейских может выполнять всего один».

Без иллюзий

Все это больно слышать. Я, как и многие другие, был склонен думать, что новые медиа дадут нам шанс на возрождение общественной дискуссии. Ведь когда-то именно благодаря СМИ у общества открылись глаза и оно сделало свой политический выбор. Последствия того выбора многих разочаровали, но воспоминание о едином духовном порыве осталось. Сознательно или подсознательно мы все ждем его возвращения.

Похоже, такого чуда не произойдет. Пресса времен перестройки была результатом уникального стечения обстоятельств. Это были старые институты, получившие благодаря Горбачеву новых начальников. Это были привычные всем газеты и журна-

Энтони Горми. *Критическая масса*. 1995

лы, вдруг наполнившиеся новым содержанием. Аудитория еженедельника «Огонек» и литературного ежемесячника «Новый мир» выросла в разы: «Огонек» на пике своего успеха продавал около 4 млн экземпляров, а «Новый мир» — до 2,5 млн. Эти и несколько других изданий стали «обязательным» чтением. Все, кто хоть чем-нибудь интересовался, прошли через перестроечную прессу, как через университет. В течение тех нескольких лет пресса была в Советском Союзе полноценной второй властью.

Не только мы страдаем от этой иллюзии. Западные журналисты, наловчившиеся писать о катастрофических последствиях распространения Интернета для их профессии, склонны при этом превозносить глобальную сеть как средство политического про-

теста. Новые и социальные медиа — не институт. Не исключено, что в отличие от старых, они не объединяют, а разделяют общество. Каждый находит интернет-СМИ или блоггера по интересам и замыкается на своем маленьком участке сети.

Это не означает, впрочем, что на социальные медиа нужно махнуть рукой. Они, безусловно, останутся важнейшим средством обмена фактами и мнениями. Просто важно понимать, что никакого магического решения блогосфера и социальные сети не предлагают. Сколько новых возможностей они несут, столько же и новых опасностей. Сколько новых открытий, столько же и разочарований. Это такая же технология, как и прочие. Сама по себе она ничего не изменит. Изменить что-либо можем только мы сами.

Барбара фон Ов-Фрайтаг,
референт
по германо-российским связям,
Южному Кавказу
и Центральной Азии
Бюро члена Бундестага
д-ра А. Шокенхоффа

Неправительственные организации*

Термин «неправительственная организация» (НПО) появился сравнительно недавно — в 1945 году после подписания учредительной Хартии ООН. В статье 71 Главы 10 этой Хартии было впервые сформулировано понятие «неправительственная организация», сфера которого с тех пор постоянно расширяется. Однако само понятие остается расплывчатым, когда используются такие определения, как «гражданское общество», «третий сектор», «общественная польза», «добровольческий» или «некоммерческий сектор». С целью различения разнообразных национальных и межнациональных НПО изобретаются такие аббревиатуры, маркирующие определенные сферы деятельности, как BINGOs, где первые две буквы обозначают *big international* (крупная международная неправительственная организация), GONGOs — *government-operated* (управляемая правительством), QUANGOs — *quasi-autonomous* (полуавтономная), ENGOS — *environmental* (относящаяся к окружающей среде) и даже TANGOs — *technical assistance* (техническое содействие).

Смысл же «настоящих» НПО можно свести к следующему определению: это объединения, которые возникли в результате гражданских инициатив; они преследуют некоммерческие цели и состоят из гражданских лиц или организаций. То есть это четко структурированные объединения, не подчиняющиеся контролю государства.

Неправительственные (Non-government) организации существуют благодаря гражданской активности, они неподконтрольны государству и, следовательно, не могут быть GONGO. Они появляются благодаря инициативе граждан, направленной против или в защиту определенной идеи. Люди объединяются в НПО не потому, что государство или «Общественная палата» (типичная GONGO!) их к этому призва-

* Выступление на совместном семинаре Германо-Российского форума и Московской школы политических исследований 2 декабря 2009 г. в Берлине.

ла, а осознавая, что «государство — это мы!». Или, как выразился президент Д. Медведев в электронном издании *gazeta.ru*, — отвечающих «политической культуре свободных, обеспеченных, критически мыслящих, уверенных в себе людей». Не менее убедительно он говорил об этом и в своем Послании Федеральному Собранию: «Задачей государства считаю создание условий для развития гражданского общества. Люди, равнодушные к тому, что происходит вокруг, должны иметь все возможности для реализации своих благородных устремлений». Точнее не скажешь.

Некоммерческие (Non-profit) организации по определению «общественно полезны». Их общественная польза состоит в том, процитирую в качестве примера немецкое налоговое законодательство, чтобы «бескорыстно поддерживать общество в материальном, духовном и нравственном аспектах». При этом речь идет не только о содействии науке, образованию, воспитанию, культуре и спорту. Сюда можно отнести и помощь спортивным клубам для собак, поддержку любительской радиосвязи и, само собой, организацию карнавалов! Государство признает полезность этой деятельности для общества и оказывает содействие посредством субсидий или налоговых льгот. В этой связи можно вспомнить и недавнее предложение президента Медведева о создании «института социально ориентированных общественных организаций».

НПО — это четко определяемые законом группы самоорганизации граждан. В Германии официально «зарегистрированное объединение» насчитывает как минимум 7 членов и является юридическим лицом со своим уставом, правлением, головным офисом и общим собранием. Таким объединениям отводится ключевая функция в построении современного общества: наряду с партиями они занимают важное промежуточное положение между государством и отдельным гражданином. «Вертикали власти» они противопоставляют собственную геометрию: параллельную «вертикаль общества» — от отдельного гражданина через НПО к вышестоящим объединениям и организациям. С другой стороны, гражданская инициатива в качестве предпосылки солидарного гражданского общества создает точки опоры для построения «горизонталей власти» в треугольнике государство — экономика — третий сектор.

К НПО можно отнести самые разные объединения — от добровольной пожарной охраны до местной домашней кухни, от региональных детских футбольных клубов и карнавальных объединений до крупных международных организаций типа CARE, World Wildlife Fund (Всемирный фонд охраны дикой природы), Terre des Hommes (Земля Людей), World Vision (Всемирное видение), Greenpeace, Amnesty, Attac, «Врачи без границ». Многие международные организации, начиная с 90-х годов, стали открывать свои представительства в России, и сегодня руководство ими осуществляется уже российскими экспертами. При этом замечу, что некоторые НПО двигались в обратном направлении и, напротив, «экспортировались» из Москвы. Я имею в виду, прежде всего, правозащитную организацию «Мемориал» и Московскую Хельсинкскую группу, которая была основана в 1976 году, то есть

раньше, чем подобные организации стали появляться, например, в Варшаве и Праге, — и, наконец, в 1982 году была создана Международная Хельсинкская Федерация по правам человека.

Что могут сделать НПО?

Сначала немного статистики по НПО в Германии и России. Сегодня в Германии насчитывается около 600 000 зарегистрированных объединений (при этом сфера спорта составляет 38 %, свободное время и традиции — 18 %, социальная сфера — 13 %, культура — 12 %, профессия и политика — 10 %, гражданские инициативы — 8 %, окружающая среда — 1 %). В этот список не входят незарегистрированные объединения — клубы, профсоюзы, фонды, некоммерческие общества с ограниченной ответственностью, разные товарищества и т.п. Всего в Германии насчитывается 23 миллиона граждан старше 14 лет, которые являются волонтерами в различных сообществах, объединениях, инициативных группах и церковных общинах. Это значит, что каждый пятый житель страны и каждый четвертый работающий посвящают ежемесячно в среднем 15,3 часа своего времени добровольческой деятельности. В связи с этим появился даже термин *Zeitspende* (пожертвование времени). В одном только Берлине 850 000 волонтеров, которые состоят в 20 000 неправительственных организациях.

Совсем иная ситуация в России, где есть гражданское общество, но, судя по всему, сектор НПО еще слабо развит. Согласно официальным данным, в настоящее время в стране около 300 000 зарегистрированных неправительственных организаций, из которых успешно функционируют только 60 000–80 000. При этом три четверти от общего числа были основаны до 1999 года; затем количество новых объединений стало сокращаться. Отмечу также, что более половины российских НПО состоят из штатных сотрудников и число этих сотрудников, равно как и волонтеров, заметно выросло за период с 2004 по 2006 год.

Что могут сделать НПО? Существует не так много сфер, где их нет. Многие области общественной и публичной жизни вряд ли могли бы существовать без НПО и добровольческой инициативы. Их деятельность развивается в трех направлениях: *против, за и рядом*. Они выступают против рабства, против атомных электростанций, против ксенофобии, отстаивают права человека, выступают за охрану окружающей среды, участвуют в службах наблюдения и контроля за государственной властью (например, контроль за качеством продуктов питания). Как и СМИ, неправительственные организации являются важным действующим институтом, способным защитить общественность от неверных решений и негативных последствий политической деятельности, равно как и злоупотребления властью. Неправительственные организации занимают центральное положение в комплексной системе *checks&balances* (сдержек и противовесов) государства. Президент Медведев в своем интервью «Новой газете» в апреле 2009 года определил деятельность гражданского общества как «институт обратной связи», подчеркнув, что граждан-

ское общество «это неотъемлемый общественный институт любого государства».

Что могут НПО в период кризиса? На мой взгляд, время кризиса необходимо рассматривать как шанс, так как любое государство начинает лучше понимать, что в вопросах социального обеспечения и для решения других насущных проблем институты гражданского общества являются его естественным союзником. Даже в России, несмотря на их маргинализацию в течение последних лет, НПО имеют возможность доказать свою значимость. А значит, и два во-

Во-первых, НПО это неотъемлемая часть демократии и, во-вторых, они являются важным корректирующим механизмом, который способен противостоять потребительскому мышлению и стагнации

проса, которые задают их сотрудники: «Как нам убедить в этом государство?» и «Как убедить собственное общество?» — я уверена в этом, найдут ответ. «В то время как западные программы помощи становятся все более бюрократическими, — заявила недавно американская участница НПО газете «Moscow News», — в России, напротив, повсюду появляются небольшие инновационные проекты для преодоления последствий кризиса».

Даже если отвлечься от их конкретных дел на благо общества, НПО имеют принципиальное значение для демократии. Во-первых, это неотъемлемая часть демократии и, во-вторых, они являются важным корректирующим механизмом, который благодаря таким качествам, как гибкость, инновационность и целенаправленность, способен противостоять потребительскому мышлению и стагнации. НПО не боятся браться за такие тяжелые и долгосрочные проблемы, как защита детей или климатические изменения. И мне нравится, что российские НПО воспринимают себя так же серьезно, как их немецкие коллеги. Согласно опросам, российские НПО в большинстве своем считают себя более инновационными, чем государственные учреждения, и позиционируют себя как «силу, способную ускорить развитие России».

Что могут НПО в глобальном масштабе? Появившись в эпоху глобальных проблем и интересов, неправительственные организации стоят теперь и перед более серьезными задачами, учитывая, что с окончанием конфронтации между Западом и Востоком во всем мире значительно выросло их число и усилилось их влияние. Конференция ООН по окружающей среде и развитию (UNCED), состоявшаяся в 1992 году в Рио-де-Жанейро, и ряд последующих конференций привели к заметному изменению статуса НПО и восприятию их как составной части современного Global Governance (глобального руководства). За период 1994–2004 годов количество активных на международном уровне НПО выросло в два раза — с 4 620 до 8 000. (Если же исходить из менее строгих, чем у ООН, критериев, количество частных субъектов с глобальной тематикой составляет почти 40 000.) Некоторые эксперты говорят в этой связи о «международном гражданском обществе», о «глобальной общест-

Поль Рамирез Йонас. 50 вершин штатов. Штат Мэн, гора Катадин. 2002

венности» и даже о «новом Интернационале». Путь, который они прошли, можно сравнить с бомбой замедленного действия: от неправительственной организации к международной конвенции! Однако оценка их реального влияния на фоне возрастающей неясности по поводу возможностей глобального регулирования весьма противоречива; с одной стороны, мы слышим — «это власть смелых», а с другой, это «субъекты мировой политики, значение которых часто переоценивается».

Что нужно НПО?

Прежде всего необходимы взвешенные, основанные на взаимном доверии, регламентированные отношения в рамках конфигурации «вертикаль — горизонталь» и треугольника «государство — экономика — третий сектор». При всей проблематичности понятия «общественный договор» ясно, что нужен некий консенсус между государством и обществом, в котором не должно быть места страху и недоверию, что он должен основываться на сотрудничестве. Очень хорошо об этом сказал в 1999 году Владимир Путин в докладе «Россия на пороге тысячелетия», в котором он говорил о развитии партнерских отношений между исполнительной властью и гражданским обществом, о создании условий для консолидации в стране «настоящего гражданского общества, которое станет противовесом государственной власти и будет ее контролировать». Однако после череды «цветных» революций об этом было забыто. Высказывание о «шакалах, которые кормятся вокруг западных посольств», новый закон НПО от 2006 года и серия громких убийств правозащитников в течение этого года привели к прямо противоположному результату: атмосфере недоверия и запугивания. Тем временем новый президент в очередной раз (по крайней мере, в риторике) обнаружил в гражданском обществе своего партнера по борьбе с бюрократией, коррупцией и правовым нигилизмом.

Нет сомнения, что НПО нуждаются в четкой нормативно-правовой базе, учитывая, что третий сектор сам по себе является важным фактором экономики и показывает тенденцию к росту. По данным университета Джона Хопкинса, где уже в течение 15 лет проводится статистический анализ деятельности НПО в 40 крупных странах мира, объем их годового оборота составляет почти два триллиона американских долларов. Финансирование НПО складывается из членских взносов, пожертвований, субсидий, и все это должно четко регулироваться и контролироваться в рамках треугольника «государство — экономика — третий сектор».

Коротко о роли государства. В Германии деятельность на благо общества поддерживается двояким образом: общественно полезные объединения и учреждения освобождаются от налогов, но они обязаны подтверждать поступление любых финансовых средств от своих спонсоров. (В этой связи в 2007 году были внесены поправки в закон об общественной пользе для поощрения и упрощения процедуры

пожертвований. Реформа гражданского права вместе с ростом личного благосостояния привела к тому, что теперь в течение года в стране появляется столько же новых учреждений, сколько за целое десятилетие двадцать лет назад.) России в этом отношении, безусловно, надо наверстывать упущенное, поскольку в российском налоговом законодательстве до сих пор не проводится различий между коммерческими и некоммерческими организациями, то есть государство и администрация намеренно отказываются стимулировать гражданскую инициативу. И в законопроекте, который Путин представил Госдуме, от налогового бремени и прочих бюрократических препон освобождаются пока лишь те организации, которые называют себя благотворительными.

НПО требуется поддержка. Гражданское общество начинается с каждого из нас. В Германии, как я уже сказала, 23 миллиона граждан проявляют добровольческую инициативу; в одном только Берлине свыше 800 000 волонтеров — каждый четвертый житель города. В немецком языке до сих пор употребительно слово *Ehrenamt* — «почетная должность», подразумевающее общественную деятельность; хотя речь идет не столько о почете, сколько об ответственности и активном участии, о гражданине не как потребителе, а как создающем субъекте, который реализует свои права. (Ведь не зря в ГДР была упразднена в свое время немецкая традиционная культура объединений, и не зря слоган «мы — народ» стал ключевым во время перемен двадцатилетней давности.)

Подчас решительнее любого западного критика российский президент обличает «полусоветское» и «патерналистское» мышление в России. Но лично меня очень тревожат результаты соцопросов, согласно которым две трети респондентов пока не чувствуют доверия к НПО и многие не хотят проявлять активность. На вопрос «Хотите ли вы участвовать в политической жизни, хотя бы на локальном уровне?» 33 % опрошенных ответили, что нет, и 30 % — что скорее нет, чем да; лишь 14 % респондентов считают, что НПО начинают создаваться «снизу», то есть по инициативе граждан; лишь 12 % полагают, что новые российские НПО «Союз автомобилистов» и «Общество обманутых вкладчиков» добиваются своих целей (по данным Левада-Центра, 2008).

Иногда мне кажется, что гражданское общество как «Спящая красавица», которая внезапно может проснуться или уже просыпается — то ли вследствие кризиса, то ли в ответ на выступления президента. Это не только протестные акции, как, например, в Пикалево или в Санкт-Петербурге против строительства бизнес-центра Газпрома. Или выступления НПО по защите окружающей среды на Байкале, в защиту прав потребителей, автомобилистов, новые общества по жилищному строительству и даже инициатива жителей города Обнинска в Калужской области в связи с работой местного винно-водочного магазина — все это стало для меня, впервые после 90-х годов, проявлением импульса «да, мы можем» и, что показательно, без какого-либо участия со стороны государства, которое у нас, например, всех поддерживает.

И последнее: НПО необходима культура участия и признания. Большое содействие этому оказывают «добровольческие агентства», которые открылись уже в 400 городах Германии и способствуют распро-

Эйя-Лииса Ахтила. Из видеоцикла «История дома». 2002

странению информации и вовлечению новых участников. Немецкие докладчики на нашем семинаре уже говорили, что во многих проектах, которые возникли после 90-х годов, у нас в стране добровольческая инициатива поддерживается современными техническими средствами, но появляются также и «добровольческие биржи», одна из них находится в центре Берлина в Красной ратуше. Эта тема недавно освещалась в СМИ (на канале ARD была передача «Das ist Ehrensache» — «Это дело чести», в рамках проекта «Демократия как повседневность», на федеральном уровне — цикл передач «Гражданская инициатива»). Очень важно также, что Международный день волонтера (International Volunteers Day), который по решению ООН (1985) отмечается как раз в эти дни, используется не только как памятная дата, но и как повод для всевозможных акций. Например, в этот день, 5 декабря, федеральный президент, городские мэры и коммуны устраивают церемонию награждения наиболее активных граждан. По-прежнему эффективным является и такой классический инструмент признания, как присуждение наград. В частности, организаторы семинара Германо-Российского форума каждый год вручают приз Фридриха Йозефа Хааса за особые заслуги в российско-немецких отношениях.

Перевела с немецкого *Нина Манджиева*

*Ольга Климина,
директор Нижегородской
Ассоциации товариществ
собственников жилья,
выпускница Школы 2009 г.*

Страна «на вырост»...

Глобальный экономический кризис до основания перевернул привычное положение вещей как в мире в целом, так и в каждой стране. При этом различие между реакцией на кризис населения России и граждан цивилизованных государств проявилось очень ярко. Если среднестатистический европеец оценивает действия властей по преодолению кризиса позитивно или негативно, то россиянин, как правило, идентифицирует себя с государством и надеется вместе с ним переждать тяжелые времена. Это, разумеется, не предполагает вынесения государству каких-либо оценок. Конечно, государственная поддержка предоставляется бизнесу и населению во всем мире, и прямая обязанность любого государства — опекать своих граждан в трудные времена. Однако для России эта тенденция, скорее, оказывается как бы не зависящей от кризиса, проявляя себя даже в годы стабильности и спокойствия. Можно сказать, что это своеобразная особенность нашего национального характера.

Трудно сказать, когда именно у нас зародилась привычка ждать неременной помощи от властей предержавших. То ли это произошло в советский период, когда «народная» власть просто по определению должна была заботиться о народе, то ли еще раньше — во времена монархии, когда на царя уповали как на вековечного защитника. Как бы то ни было, в сознании россиян прочно укоренилось отношение к властям как к родителям. Не случайно возникли и живут в веках неизменные «царь-батюшка» и «родина-мать». Не то чтобы я была против нежного отношения к начальству; отнюдь нет, каждый, на мой взгляд, может выбирать то, что ему больше нравится. Но разница в отношении граждан цивилизованного мира и России к своему государству очевидна — и она говорит о многом.

Средний европеец относится к руководителям своего государства (региона, муниципалитета) как к исполнителям неких услуг. Как к лицам всенародно

избранным и уважаемым, но являющимся все же лишь исполнителями. Свободным голосованием люди регулярно выбирают тех, кто будет определять внутреннее экономическое развитие их страны, защищать правопорядок, решать международные проблемы и т.д. То есть граждане выступают заказчиками услуг, предоставляемых государством. Услуги эти имеют определенные стандар-

ты, которые всегда известны населению. Более того, население располагает рычагами, позволяющими ему чувствовать себя уверенно: это организации, осуществляющие общественный контроль над властью. В такой ситуации любой политик понимает, что при несоответствии его услуг стандартам на следующих выборах ему придется нелегко. Заданное народом направление деятельности властей и подконтрольность их населению заставляет государство строить свою работу максимально прозрачно.

Посмотрим теперь, как дело обстоит в России. Мысль о том, что чиновники являются лишь исполнителями услуг для населения, российскому обывателю непривычна. Для нашего государства мы не заказчики, а скорее дети, которых надо, конечно, кормить и опекать, но советоваться с ними о чем-либо совершенно необязательно, потому что родители лучше знают, что нужно детям. При таком подходе выборы в различные органы власти становятся, по сути, формальностью: ведь родителей не выбирают.

Самое удивительное здесь то, что нам, гражданам России, такое положение вещей, кажется, нравится. «Ребенок» имеет право на различные льготы, предоставляемые не за какие-то заслуги, а просто так, по факту существования. Положение «ребенка» позволяет

нам не принимать решений, касающихся нашей общей жизни и, следовательно, не нести за эти решения ответственности.

Попробуем проиллюстрировать абст-

*Мысль о том, что чиновники
являются лишь исполнителями услуг
для населения, российскому обывателю
непривычна*

рактные тезисы конкретными примерами в жилищной сфере. Эта область экономики касается каждого, так как можно быть коммунистом или демократом, религиозным человеком или атеистом, состоятельным или не очень, но, приходя домой, мы все становимся просто обитателями жилья, и это качество объединяет и в какой-то мере уравнивает нас. По существу жилищному законодательству вся ответственность за содержание жилищного фонда возложена на собственников. Активно идет процесс приватизации жилья; сегодня подавляющее большинство квартир находится в собственности жителей, а не государства. То есть мы превратились из арендаторов чужого жилья во владельцев своего собственного. А значит, и бремя содержания и управления этой самой собственностью лежит также на нас. Мы САМИ теперь должны определять, кто и за какие деньги будет убирать в нашем дворе, надо ли делать ремонт и если надо, то какой, как разумно экономить деньги, которые мы платим за содержание общего имущества нашего многоквартирного дома и т.д. Современное жилищное законодательство в России было разработано по современным европейским аналогам в расчете на то, что предоставленные свободы и появившаяся соб-

ственность повлекут за собой и повышение активности жителей, их ответственности за управление этой собственностью. Но что же происходит на практике? Большинство граждан и слышать не хотят о какой-то ответственности за управление собственным домом. Пусть государство, как и раньше, решает все без нашего участия — только и ответственность пусть тоже несет власть. Вот если крыша потечет или перед нашим домом построят автостоянку, заасфальтировав весь двор, то мы будем дружно (на кухне) ругать коррупционеров-чиновников и рассуждать о том, что «всю Россию разворовали»...

Другой пример. Сегодня по всей стране идет кампания по капитальному ремонту многоквартирных домов, на нее выделяются огромные средства частично из федерального бюджета, частично из бюджета субъектов федерации и муниципалитетов и совсем маленькую частицу (5 процентов) добавляют собственники. Кстати, такой мизерный вклад собственников — просто подарок государства нам всем. Например, в Болгарии доля собственников при капитальном ремонте составляет половину суммы, а остальное добавляет Европейский союз. Но речь даже не о размере вносимых жителями средств. Само распределение средств на капитальный ремонт вызывает множество нареканий со стороны российских граждан. То дали денег меньше, чем просили, то обещали, но не дали вообще и т.д. Возникает вопрос: отчего же мы ждем (и требуем!), чтобы государство вкладывало деньги в нашу собственность? Ведь сельские жители, например, не ждут, что их частный дом кто-то отремонтирует. Они откладывают средства, понимая, что в следующем году надо, например, отремонтировать крышу или поднимать фундамент. И в советское время так называемые коопе-

ративные дома тоже ремонтировались за счет собственников. Никому и в голову не приходило потребовать от властей какие-то недостающие ресурсы. Люди понимали, что они находятся в привилегированном положении, ведь у них **СОБСТВЕННЫЕ** квартиры. Ситуацию, наблюдаемую сегодня с капитальным ремонтом жилищного фонда, многие успешные председатели товариществ собственников жилья, настоящие хозяева своих домов, иначе как «развратом» не называют. Говорят, что этой материальной помощью (к тому же часто даже не реальной, а гипотетической) людей «подсаживают» на государственную опеку, позволяя закрепиться в роли детей, получающих постоянную поддержку от старших.

Часто слышу рассуждения о том, что по закону передаваемые в процессе приватизации квартиры должны быть отремонтированы. Так и есть, не отрицаю. На практике же государству просто не на что произвести ремонт всего жилья. Вот и получается как в том анекдоте: «Я имею право? — Да, имеете. — Значит, я могу?.. — Нет, не можете!» В Польше, например, в начале жилищной приватизации нашли другой выход. Там государство и население заключили друг с другом «гражданский договор» с такими условиями: поскольку в социалистическое время практически все бремя расходов по содержанию домов несло государство и плата за жилье была мизерной, то, получив в собственность квартиры, жители не будут требовать у государства неперемного ремонта. А в качестве поддержки государство предложило квартирным товариществам систему беспроцентного кредитования на проведение капитального ремонта. Снова государство и население ведут диалог как равные партнеры, что трудно представить у нас...

Саймон Старлинг. Перевернутая тема, США (Клетка для певчей птицы). 2002

Что же остается делать государству при такой позиции населения, которую иначе как инфантильной и не назовешь? Ведь в конечном итоге за все, что происходит в стране, несет ответственность власть. Государство, засучив рукава, начинает «выстраивать» нашу с вами жизнь самостоятельно, раз уж мы не желаем ею заниматься. И тогда глупо жаловаться на то, что нашим домам навязываются «нужные» управляющие компании, что выборы у нас непрозрачны, а СМИ несвободны.

Даже при наличии грамотно разработанного законодательства и правовых

оснований для проявления своей гражданской активности подавляющее большинство российского населения останется пассивным, довольствуясь ролью ребенка при строгом родителе, который может одарить подарками, а может и оставить без сладкого. Роль заказчика услуг (жилищных, управленческих, политических) пока оказывается россиянам «не по размеру». При попытке применить к нам стандарты цивилизованного мира выясняется, что российское гражданское общество еле виднеется из этих стандартов. Подобно малышу, надевшему папино пальто...

В статье использованы статистические данные Пенсионного фонда России и материалы доклада «Состояние социально-трудовой сферы села и предложения по ее урегулированию» за 2008 год, подготовленного Центром всероссийского мониторинга социально-трудовой сферы села Всероссийского НИИ экономики сельского хозяйства.

*Федор Луковцев,
председатель
попечительского совета
Негосударственного
пенсионного фонда (НПФ)
«Эрэл»
президент Ассоциации НПФ
Сибири и Дальнего Востока*

Российское село: региональный опыт пенсионного обеспечения

Состояние системы государственного пенсионного обеспечения в современной России представляет собой одну из острейших социально-экономических проблем. Социальная значимость пенсионного обеспечения определяется тем, что оно затрагивает жизненно важные интересы свыше 38 миллионов человек (табл. 1). На сегодняшний день доходы пенсионеров по-прежнему отстают от постоянно растущего уровня цен. Основная проблема пенсионного обеспечения на данном этапе — низкий уровень коэффициента замещения пенсией заработной платы — 23,5 %.

Таблица 1

**ЧИСЛЕННОСТЬ ПЕНСИОНЕРОВ
И СРЕДНИЙ РАЗМЕР ИХ ПЕНСИЙ**
по состоянию на 1 марта 2009 года

Категории пенсионеров	Численность пенсионеров, тыс. чел. на 1.03.2009	Средний размер пенсии, рублей на 1.03.2009
Всего пенсионеров	38650	4741
Получатели трудовых пенсий	35758	4842
из них:		
по старости	30236	5104
по инвалидности	3839	3657
по случаю потери кормильца	1683	2841
пенсии по государственному пенсионному обеспечению	2892	3483

Не менее острая проблема складывается и в отношении будущих пенсионеров, кто еще трудится и только формирует свое пенсионное будущее. Неблагоприятная демографическая ситуация, высокий уровень безработицы, постоянно меняющаяся пенсионная система (отмена накопительной части для поколения 1953–1966 гг. рождения, изменение размера страховых тарифов в Пенсионном фонде России) — все это усугубляет кризис в национальной пенсионной системе.

При этом особое беспокойство вызывает ситуация в российской деревне. Медленная адаптация сельских жителей к новым рыночным условиям, хроническая безработица, отсутствие современной инфраструктуры (дороги с твердым покрытием, электроэнергетика, газ, Интернет) и других конкурентных ресурсов делают сельскую территорию заведомо депрессивной и далекой от модернизационных процессов.

Настораживает и ухудшающаяся демографическая ситуация в сельских поселениях относительно города — снижение в последние годы численности подростков (11–15 лет) и увеличение населения предпенсионного возраста (женщины 50–54 лет и мужчины 55–59 лет). Вследствие этого меняются условия замещения лиц предпенсионного возраста молодежью, вступающей в трудоспособный возраст: по сравнению с 2000 годом оно снизилось в 2,3 раза.

Таблица 2

**ЗАМЕЩЕНИЕ ЛИЦ ПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА МОЛОДЕЖЬЮ,
ВСТУПАЮЩЕЙ В ТРУДОСПОСОБНЫЙ ВОЗРАСТ**
(на начало года, тыс. чел.)

<i>Годы</i>	<i>Сельское население в возрасте 11–15 лет</i>	<i>Сельское население предпенсионного возраста (женщины 50–54 лет, мужчины 55–59 лет)</i>	<i>Процент замещения</i>
2000	3700,5	1557,8	237,5
2007	2573,8	2414,4	106,6
2008	2397,8	2508,0	104,6

Это очень важные показатели, влияющие на картину пенсионной ситуации на селе уже в ближайшем будущем, учитывая, что основная нагрузка по ведению домашнего и подсобного хозяйства лежит на пенсионерах, а материальная стабильность сельских семей напрямую зависит от ежемесячной государственной пенсии. Между тем коэффициент замещения государственной пенсией заработной платы в сельской местности относительно среднероссийского уровня составляет почти 82 %, что говорит только о том, что заработная плата здесь крайне низка. Поэтому отнюдь не случайно за чертой бедности по денежным доходам в настоящее время находится свыше 16 млн сельских жителей, то есть около 40 % от общей численности сельского населения, составляющего примерно 27 % от общей численности граждан России.

Средняя заработная плата в сельском хозяйстве, по данным бухгалтерского отчета Минсельхоза России, составляла в 2007 году 5 761 руб., или 42 % от общероссийского уровня. Но даже эту заработную плату получают сегодня только те, кто трудится на предприятиях АПК и в коллективных хозяйствах. А основная масса сельских жителей, которые занимаются личным подсобным хозяйством (ЛПХ) — это их единственное место работы, — являются фактически безработными. Однако органы занятости отказывают им в регистрации в качестве безработных, мотивируя отказ наличием у них земельной доли или приусадебного участка, поскольку якобы существует возможность реализации продукции, выращенной или полученной с подворного хозяйства. Например, продал мешок картошки или банку сметаны, и ты уже трудоустроенное лицо.

Ясно, что в этих условиях таким «трудоустроенным лицам», а точнее, подавляющему большинству сельских жителей невозможно повлиять на размер своей будущей пенсии. Так как в рамках существующей пенсионной системы от них требуют официальных справок о занятости и стабильном заработке, с которого уплачены страховые взносы в Пенсионный фонд России. В противном случае, при минимальном трудовом стаже в 5 лет, государство гарантирует им лишь выплату базовой части пенсии (с 1 декабря 2009 года — 2 460 рублей).

Следовательно, для сельских жителей требуется иная модель пенсионного обеспечения, а именно — основанная на технологиях государственного стимулирования пенсионного *самообеспечения*. В ряде регионов России уже есть подобный опыт с привлечением института *негосударственных пенсионных фондов* (НПФ). В частности, с 2004 года в Республике Саха (Якутия) и с 2005 года в Агинском Бурятском автономном округе Забайкальского края действует механизм софинансирования негосударственного пенсионного обеспечения сельских жителей.

Региональный принцип софинансирования заключается в следующем: сельский труженик вносит на свой именной пенсионный счет в полномоченном НПФ взнос от 250 до 20 000 рублей, и регион из своего бюджета в качестве поощрения добавляет аналогичную сумму (один к одному). То есть дополнительная пенсия формируется из взносов и ежегодного инвестиционного дохода. Институт НПФ оказался очень эффективным и за короткий период охватил свыше 20 000 человек в двух субъектах РФ. Сегодня негосударственную пенсию получают уже 1 570 человек. При этом среднегодовая прибавка к госпенсии составила почти 17 000 рублей, то есть ежемесячно 1 416 рублей.

Через три года наш региональный опыт негосударственного пенсионного обеспечения сельских жителей стал практической основой для принятия Федерального закона от 30 апреля 2008 года «О дополнительных страховых взносах на накопительную часть трудовой пенсии и государственной поддержке формирования пенсионных накоплений» (Закон от 30.04.2008 № 56-ФЗ).

Государство в этом законе установило софинансирование добровольных пенсионных отчислений на накопительную часть трудовой пенсии. При этом минимальное государственное участие составляет 2 000 рублей и максимальное — 12 000 рублей в год. Участвовать в

Аллора и Кальзадила. Обсуждается... 2005

такой программе могут все граждане независимо от возраста. Для работающих пенсионеров, в случае отказа от текущих пенсий, государство добавляет 48 000 рублей.

Таким образом, региональная программа пенсионного обеспечения сельских жителей Якутии и Забайкалья усилилась федеральным взносом. В результате, используя соотношение 1 : 1 : 1 (взнос человека плюс региональный бюджет плюс федеральный бюджет), сельский житель получает выгодное предложение: к максимальным 12 000 рублей личного годового взноса прибавляется еще 24 000, что в сумме составляет 36 000 рублей (и есть еще один вполне возможный источник софинансирования — предприятие, на котором трудится человек).

Учитывая, что сельский житель зачастую не имеет стабильного заработка, названная сумма для него более чем значительная. Во время реализации программы (действие Закона от 30.04.2008 рассчитано на 10 лет), об этом можно сказать с уверенностью, сельские жители будут иметь ежемесячное пенсионное обеспечение в размере 5500–7000 рублей. Для занятых в ЛПХ это единственная возможность сформировать себе будущую пенсию.

Очевидно, и это уже доказал региональный опыт, что для жителей села можно удвоить и даже утроить условия софинансирования. Для повышения качества жизни сельского человека, обретения долгосрочной жизненной стратегии это единственный выход. Но для этого очень важно широкое информирование населения и серьезная разъяснительная и организационная работа по внедрению современных прозрачных и доступных для понимания простыми людьми форм пенсионного самообеспечения.

*Виктор Панкращенко,
президент Центра
прикладных исследований
местного самоуправления,
главный редактор журнала
"Муниципальная Россия"*

Местное самоуправление в России: логика закона и логика жизни

Что такое местное самоуправление с точки зрения нормативных документов, например Европейской хартии местного самоуправления или Конституции РФ? Суть этого социально-го института — деятельность местного сообщества *под свою ответственность и за свой счет*. Признаками местного самоуправления являются наличие определенной территории (места), возможность формирования собственных органов управления путем выборов, обладание муниципальной собственностью (включая бюджет муниципального образования).

В СССР не было местного самоуправления в указанном смысле этого понятия. Существовали советы народных депутатов областного, районного, городского и поселкового уровней, выбирались депутаты, формировались исполкомы. При этом отсутствовала муниципальная собственность, автономный бюджет и реальная выборность, а вся система «висела» на аппарате партии, который обеспечивал вертикаль власти. Лишь в постсоветской России, особенно с принятием Конституции 1993 года и закона 1995 года об общих принципах организации местного самоуправления (ФЗ-154 от 28 августа 1995 года), стало формироваться то, что, по западноевропейским критериям, можно отнести к стандартным формам местного самоуправления. Однако чем дальше развивался процесс, тем понятнее становилось, что между формой и содержанием нарастают противоречия.

Особенно ярко это проявилось в 2003 году, когда был принят новый закон об общих принципах организации местного самоуправления (ФЗ-131 от 6 октября 2003 года). Его появление не имело прямого отношения к организации публичной власти на местах. Речь шла не о создании каких-то новых форм «осуществления народом своей власти», а о наведении элементарного порядка в существующей государственной машине. Конец 1990-х годов характеризовался — с точки зрения государства — дисбалансом финансовых потоков в стране. Упрощая ситуацию, можно сказать, что социальных обязательств государства к тому времени перед населением было роздано в три

раза больше, чем мог позволить себе бюджет.

Первое, что пришлось делать президенту Путину — это восстанавливать паритет между средствами, которые есть, и обязательствами, которые от имени государства были розданы.

В связи с этим требовалось решить, какой орган государства эти обязательства должен исполнять, какими средствами он может распоряжаться и нести за это ответственность. Именно тогда встал вопрос о разграничении

полномочий и о четком закреплении за различными уровнями власти определенного набора ресурсов, обязательств и полномочий. В итоге появились на свет два закона — о принципах организации органов государственной власти в субъектах Федерации и закон об общих принципах организации местного самоуправления. При этом публичная власть в государстве оказалась четко разделена на федеральный, региональный и местный уровни — разделена не только с точки зрения конституционного устройства (что было и раньше), но и с точки зрения бюджетного устройства.

Принятие указанных законов происходило в совершенно конкретной общественно-политической ситуации конца 90-х годов XX века. Отношения центр — регионы носили характер административного торга и зависели от многих факторов, среди которых общенациональные законы играли далеко не главную роль. Не удивительно, что руководители страны не были настроены оставлять под контролем региональных руководителей такой ресурс, как местная власть. Конституция РФ облегчала эту задачу, определяя местное самоуправление (МСУ) в качестве обособленного уровня власти. Однако действующий на тот момент закон об основах МСУ (ФЗ-154) по-

зволял регионам иметь на многих территориях, по сути, прямое государственное управление. Естественно, что распоряжался на этой территории и контролировал ее ресурсы региональный орган государственной власти.

*Местное население, которое могло бы
взять на себя ответственность
за организацию жизни на своей территории,
не участвует в этом процессе, особенно
в депрессивных регионах*

Начатая в 2000 г. работа по разграничению полномочий и предметов ведения в качестве политической цели имела выведение ресурсов, которыми распоряжались органы местного самоуправления из-под регионального контроля. Эту задачу можно было решить, закрепив полномочия и необходимые для их осуществления ресурсы напрямую с федерального уровня. При этом на всей территории Российской Федерации, в каждом населенном пункте, независимо от воли и желания конкретных региональных руководителей федеральным законом «вводилось» местное самоуправление со всеми присущими ему признаками. А каждый населенный пункт, обладающий мало-мальски существенными «людскими ресурсами» (как правило, не менее одной тысячи жителей), становился муниципальным образованием. После этого, в соответствии с логикой концепции о разграничении полномочий, многие из расположенных на его территории ресурсов (включая электоральные) должны были функционировать по правилам, установленным федеральным центром, а не региональным руководством.

Однако уже к 2005 году, то есть еще до вступления нового закона о МСУ в

полную силу*, вместе с отказом от выборности губернаторов и процессом укрепления государственной власти в стране задача ограничения «ресурса» региональных властей отошла на второй план. Исполнение полномочий начало размываться и стали появляться так называемые двойные мандаты. По сути, после 2005 года этот процесс выглядел следующим образом. Через бюджетно-налоговую систему все основные ресурсы страны концентрируются на уровне Федерации. Затем часть ресурсов спускается через систему трансфертов (в форме дотаций, субвенций и субсидий) на региональный, а потом еще ниже — на муниципальный уровень.

Такая схема передачи ресурсов с высшего уровня на низший и их распределения между участниками этого процесса формирует группы интересов, часто конфликтных, снижая эффективность организации жизни «на местах». Если еще учесть, что наша частная собственность и рыночные отношения являются придатком распределительной системы, управляемой государством, то понятно, что субъекта принятия каких-то самостоятельных (от этого распределительного процесса) решений на местном уровне практически не существует. Поэтому у нас даже в законе, посвященном организации местной власти, осуществление права на местное самоуправление связано не с местным сообществом, не с гражданами, а с муниципальными образованиями, то есть с определенной территорией. В результате получается, что местное самоуправление — это власть **органов** местного самоуправления, сформированных на определенной территории, а не местного сообщества.

Если разобраться, кто принимает решения на данной территории, то очень часто выясняется, что местное население, которое действительно могло бы взять на себя ответственность за организацию жизни на своей территории, не участвует в этом процессе, особенно в депрессивных регионах. Есть несколько причин такой ситуации, но вот первая, бросающаяся в глаза. В значительном числе субъектов РФ активное население вынуждено заниматься отходничеством, то есть работает не там, где должно голосовать. А вот основная часть населения, участвующего в выборах, не является социально активной. Эти люди получают деньги от государства в виде пенсий, пособий или зарплат в муниципальных и государственных учреждениях. Поэтому достаточно абстрактные «интересы государства», надежда на его опеку вытесняют в сознании местных жителей необходимость задумываться о какой-то собственной активности по обустройству места своего жительства. Их естественную в иных условиях роль выполняют чиновники. Так что когда поднимается вопрос обеспечения интересов муниципальных образований, раз за разом выдвигаются две самые простые идеи. Первая — увеличьте нам собственный ресурс, то есть передайте больше финансовых средств в виде налогов, других отчислений. Вторая — не лезьте в наши дела, уменьшите количество проверок. Все. При этом понятно, что эти идеи друг другу противоречат. Чем больше передается денег, тем больше должно быть проверок, поскольку эти деньги именно *передаются*. Проблема в том, что у нас местное сообщество не имеет своей собственной ресурсной базы: когда говорят «передайте нам деньги», речь не

* При принятии ФЗ-131 был предусмотрен переходный период, который был установлен до 2006 года, а потом продлен до 1 января 2009 года.

Лос Карпинтерос. Передвижной город. 2005

идет о средствах, соответствующих именно активности местного сообщества на своей территории. Поэтому органы муниципальной власти сегодня находятся в двойственном положении: выступая по отношению к населению как органы государственной власти, по отношению к государству они позиционируют себя независимыми, желая быть стороной в торге (часто достаточно резко) за ресурсы.

Ряд экспертов, сторонников Европейской хартии местного самоуправления, полагают, что в России не формируется нормальное местное самоуправление по вине тотального государственного контроля. Так вот, социологические исследования показывают, что государственная власть *все*

меньше контролирует ситуацию на местах. У нас формируется некая «поместная» система организации жизни вокруг местной власти. Да, эта местная власть состоит в определенной зависимости от субъекта РФ, но при этом региональной власти легче отпустить «помещика» в свободное плавание и закрыть глаза на определенные проблемы, чем беспокоиться о контроле (у государства в регионах и так достаточно задач для контроля — распределение пенсий, дотаций, субсидий...). Поэтому сегодня местная жизнь вращается вокруг небольшого числа местных «владельцев». Вокруг них выстраивается монополизированный бизнес, часто семейный или «дружественный», и в этой ситуации рассчитывать на разви-

тие конкурентных рыночных отношений очень сложно.

Это объективная ситуация, которая связана с уровнем развития экономики и социально-политической системы. Да, она может меняться, но для этого нужна достаточно серьезная политическая воля, причем эту волю должны проявлять не только руководители, но и граждане — те же представители гражданского общества. Между тем элементы самоорганизации если и встречаются, то, как правило, на территориях, где нет ресурсов и ситуация критическая. Впрочем, у нас не так много мест, где ресурсов с избытком — это преимущественно большие города. Но там другая проблема — отсутствие традиций создания и развития институтов гражданского общества, которые позволяли бы населению участвовать в организации власти. Сегодня там, где есть ресурсы и где население вроде бы должно принимать решения по управлению ими, у него нет механизмов, инструментов участия в принятии решений, поскольку не создана и партийная система соответствующая, и каких-то других форм участия в принятии решений тоже нет.

Даже такое эскизное описание ситуации в сфере местного самоуправления в нашей стране подтверждает, что его нормативная модель и реальное воплощение достаточно сильно расходятся. За этим не стоит чья-то злая воля, направленная на уничтожение «основ демократии» в России. Проблема, на мой взгляд, в том, что наше знание о реальном устройстве хозяйственно-экономических и социально-политических процессов «на местах» сегодня фрагментарно и зачастую чрезвычайно усреднено, подобно «средней температуре по палате». Призывы руководства страны к «умной» политике не случайны, так как степень «научности» нашей политики чрезвычайно низка.

То, что называется социальной наукой, и в Советском Союзе и в постсоветской России находится в достаточно плачевном состоянии. Вслед за Марксом, писавшем о «нищете» германской философии начала XIX века, мы можем говорить о «нищете» российской социальной науки. Социальная наука, в отличие от распространенных сегодня «экспертных теорий», носящих в основном умозрительный характер, должна базироваться на фактах. Факты в социологии — это конкретные социологические исследования и хотя бы элементарная статистика. А у нас статистика, особенно в отношении местного самоуправления, достаточно скудная.

Служба государственной статистики, Росстат, собирает информацию по муниципальным образованиям, но по очень ограниченному набору показателей. Поэтому по большому счету, что происходит в стране на уровне поселений, известно очень плохо. Не был в должной степени осознан и учтен прежде всего такой факт, что после перехода от советского строя к российскому, назовем его так, в стране появился совершенно иной субъект действия — частные собственники, владельцы частных предприятий. Государственные предприятия, будучи главными субъектами хозяйственного процесса в СССР, должны были в обязательном порядке предоставлять определенные сведения, и картина социально-экономических процессов в стране носила «сплошной» характер. А сегодня многое из того, что происходит на местах, для государства, для людей принимающих политические решения, представляет «черный ящик». Управленческий процесс больше определяется сиюминутным раскладом частных интересов, нежели интересами развития государства и его граждан.

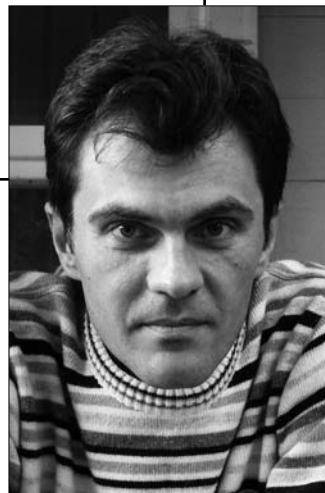
Приближение реальности к норме начинается с осознания их расхождения.

Бюрократия как информационная монополия

Недавно я в очередной раз столкнулся с тупой и бессмысленной российской бюрократией. Пришло время менять паспорт по достижении «критического» возраста. В тот день, когда тебе исполняется 45 лет, паспорт вмиг становится недействительным и, как следствие, твое российское гражданство тут же ставится под сомнение. Казалось бы, чего проще: сдал старый паспорт — получи другой. Но нет: требуется доказать, что на 6 февраля 1992 года (дата вступления в силу Закона «О гражданстве РФ») — сакральная дата для работников паспортной службы — ты был прописан на территории России. «Но я тогда жил по другому адресу!» — «Идите в паспортный стол того ЖЭУ и принесите справку». — «Позвоните им и закажите, если она вам нужна». — «Нет, эта справка нужна вам!» — «Да мне-то она на что? Это ваше внутреннее дело!» — «Такой порядок установило УФМС». Выходит, гражданину России при смене паспорта надо заново доказывать свое гражданство. Другими словами, каждого человека, родившегося в бывшем СССР, до сих пор заставляют нести ответственность за его развал. Паспорт, ранее выданный государством, само это государство ни в чем не убеждает.

Иду в паспортный стол по старому месту жительства, отстаиваю часовую очередь... только для того, чтобы узнать, что мне не обязательно было приходить самому, что паспортистке достаточно было позвонить и заказать эту несчастную справку. А если бы это ЖЭУ было на другом конце страны или вообще в другой стране (я, например, родился в Казахстане)? Тогда с меня взяли бы 1500 рублей штрафа за превышение месячного срока, отпущенного для обмена документа, ибо для паспортистов факт моего своевременного обращения в их службу ничего не значит.

Это частный, но не самый злокачественный случай проявления бюрократии. Сам этот феномен, судя по всему, имеет универсальный, международный характер. Бюрократия есть в каждой социально-эко-

*Сергей Гогин,
свободный журналист
(г. Ульяновск)*

Катарина Фритч. Крысиный король. 1993

номической, политической и культурной системе, независимо от ее сложности. Любое общество (сообщество) людей, воспринимающее себя таковым, вырабатывает структуру управления для контроля над распределением имеющихся в обществе ресурсов. В зависимости от места в этой структуре чиновник получает большую или меньшую власть над другими людьми.

Мы далеки от идеального самоорганизующегося общества, и все испытанные доселе модели общественного управления применяют тот или иной вид иерархической вертикали исполнительной власти. Быть звеном в этой иерархии — значит кем-то командовать и одновременно кому-то подчиняться. Если вдуматься, даже иерарх, находящийся на вершине этой пирамиды и управляющий всеми, кто ниже рангом, в определенном смысле подчинен всем своим подчиненным. По определению публициста Сергея Андреева, бюрократия — это круг, в котором верхи зависят от низов в частности, а низы от верхов — в общем¹.

Таким образом, как я полагаю, нет принципиальной разницы между бюрократией как явлением в феодальном, капиталистическом или социалистическом обществе, в России или за ее пределами. Общей, вневременной и наднациональной чертой бюрократии выступает построение и поддержание «сети выживания» (термин, предложенный Чарльзом Питерсом). При этом, по моему убеждению, ключевой инструмент выживания бюрократии — это монополия на информацию. Чарльз Питерс, известный американский публицист, более тридцати лет руководивший авторитетным политическим журналом *The Washington Monthly*, шесть лет работал в структуре федерального правительства США (в качестве директора Агентства по оценке эффективности деятельности американского Корпуса мира). Изучив изнутри, как функционируют ветви власти в США, он пришел к выводу: главное для чиновника — «производство благоприятного впечатления» (make-believe), или, говоря по-нашему, показуха. Такого рода имитация благополучия является для Питерса ключом к пониманию того, как работает правительство. Свои мысли по этому поводу он изложил в популярной книге «Как на самом деле работает американское правительство»².

Изначально чиновник может быть добросовестным человеком, ориентированным на честное служение своей стране. Но, попав в систему, он обязан подчиняться ее правилам. Как признается Питерс, «когда я работал в исполнительной власти, я считал своим долгом скрывать от конгресса любой факт, который мог бы негативно сказаться на репутации моего агентства»³. Имитация благополучия — теория и практика, присущая бюрократии любой страны. Произвести впечатление означает «скормить» кому-то нужную информацию и придержать ту, что не должна покидать пределы чиновничьей среды. Информация есть ключевой ресурс в том смысле, что ее владелец или распорядитель имеет возможность контролировать и сферу ее применения. Следовательно, монополия на информацию обеспечивает бюрократии возможность ее выживания или даже процветания. Какими же путями она обеспечивается?

Ключевую роль в производстве «внешнего» впечатления бюрократия отводит средствам массовой информации. Чиновники «привязывают» журналистов к источникам информации, которые сами же и контролируют. В частности, как пишет Питерс, репортеры, которые освещают работу конгресса США, имеют набор небольших, но приятных привилегий: доступ на галерею для прессы, лифты с табличками «Только для прессы и персонала», выделенную для журналистов зону в кафетерии, бесплатные парковки, телефонные переговоры за счет конгресса, доступ к компьютерам и принтерам. А «журналисты, прикомандированные редакциями к Министерству обороны, получают гораздо больше, чем бесплатную парковку и кожаные кресла: Пентагон доставит их по воздуху куда угодно, в любую точку страны и мира, если он заинтересован в публикациях на какие-либо темы»⁴. Власть не гнушается использовать метод кнута, симметричный методу пряника. Одно из самых серьезных «наказаний» для журналистов российских СМИ — изгнание из президентского, премьерского или губернаторского пула, если пресс-службе или ее хозяину не понравится характер публикаций. Я лично многократно нарывался на нежелание чиновников говорить со мной. Один из отказов был мотивирован очень откровенно: «Вы из “Симбирского курьера”? Нет, говорить не буду. Вот если бы вы работали в “Народной газете”...» («Народная газета» — официальный орган администрации Ульяновской области. — С.Г.). В конце 1990-х годов я обращался в прокуратуру по поводу того, что меня незаконно удалили с рабочего заседания законодательного собрания области, на котором предполагалось рассмотреть вопросы областного бюджета (!). Два года назад я был свидетелем того, как губернатор области Сергей Морозов попросил журналистов покинуть заседание региональной Общественной (!) палаты. Список так называемых оппозиционных СМИ, которые никогда не приглашают на пресс-конференции и даже не пускают в здание администрации, полагаю, имеется в большинстве губернаторских пресс-служб.

Если считать президента США высокопоставленным чиновником, заботящимся, как и прочие, о выживании в сети бюрократии, становится ясно, почему Джордж Буш-старший был так озабочен предотвращением утечек информации: «По окончании избирательной кампании 1988 года Джордж Буш не оставил в своей команде главу избирательного штаба Крэйга Фуллера по одной причине: он подозревал, что Фуллер сливает информацию репортеру из газеты “Вашингтон Пост” Дэвиду Хоффману, которого Буш терпеть не мог»⁵.

В своей книге «О социалистической демократии», вышедшей в 1972 году в Париже и Амстердаме, известный историк и бывший диссидент Рой Медведев приводит поразительный пример того, как КПСС охраняла свою монополию на информацию: «По своей скуке и информационной скудости наши советские газеты могут соперничать только с китайскими или корейскими. ...Множество наиболее важных западных политических книг переводится и печатается маленькими тиражами, иногда всего по 100–200 экземпляров, которые распределяются по спискам среди очень ограниченного числа людей»⁶.

Автор заключает, что огосударствление СМИ создает благоприятную среду для бюрократизма. Причем право порулить «коммунальными» СМИ зачастую предоставляется не только бюрократам, но и членам их семей, ведь жены высокопоставленных чиновников принадлежат к той же «сети выживания», что и их мужья. Начальник личной охраны генсеков Брежнева и Горбачева, генерал КГБ Владимир Медведев вспоминает в своей книге «Человек за спиной», что Раиса Горбачева требовала, чтобы записи зарубежных визитов после возвращения давали ей на просмотр. Она любила выступать в роли имиджмейкера своего

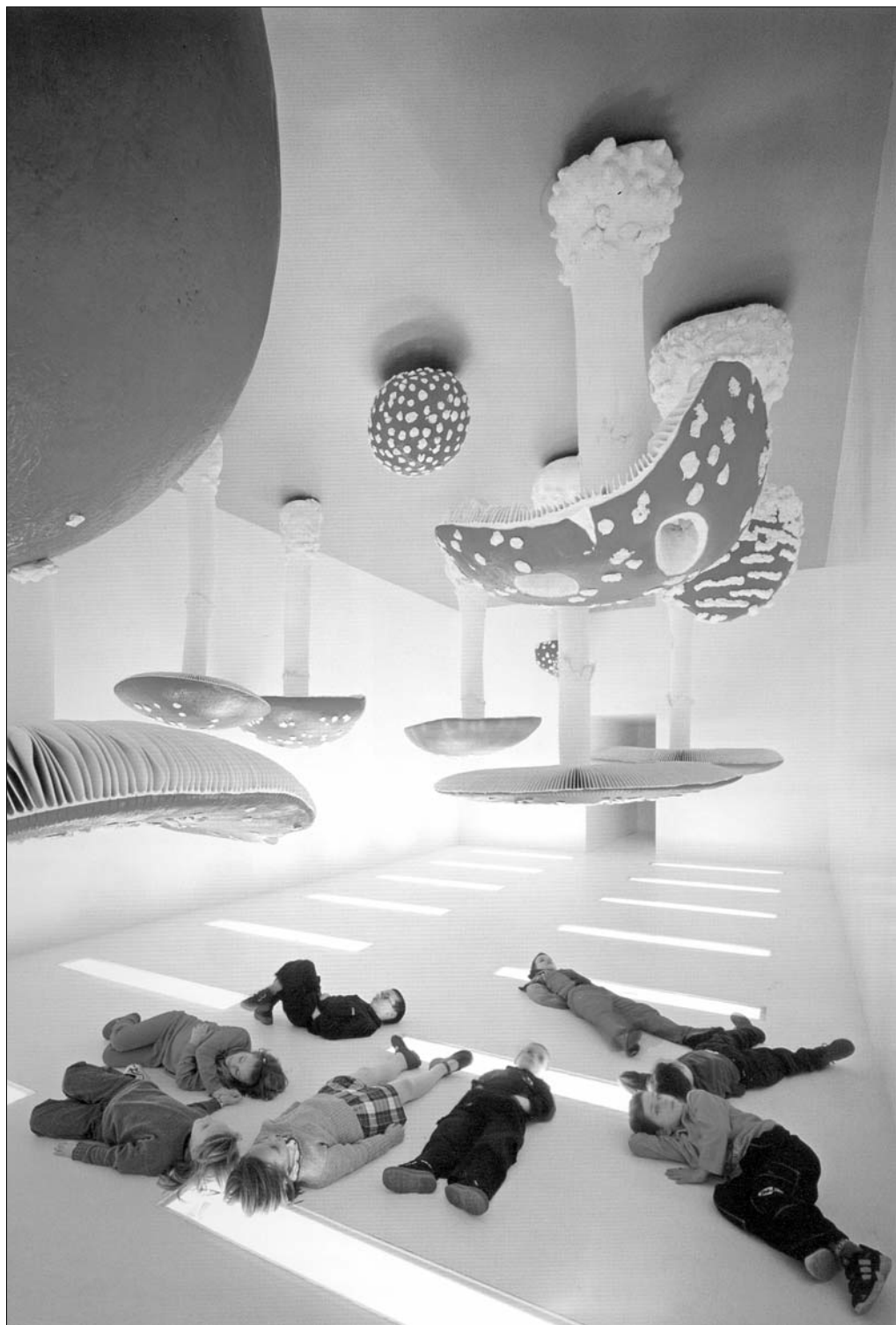
Информация есть ключевой ресурс в том смысле, что ее владелец или распорядитель имеет возможность контролировать и сферу ее применения

мужа и жаловалась службе охраны: «“Михаила Сергеевича снимают неудачно — сзади, с неудобной точки. Почему вы не обращаете внимания на подбор корреспондентов?” Бывало так, что меняли чуть не полностью тассовских корреспондентов на апээновских...»⁷.

Тот же автор приводит один из отвратительнейших примеров показухи, организованной верхушкой партийных функционеров, когда умирающего генерального секретаря Константина Черненко вытащили из постели, нарядили в костюм и заставили участвовать в чудовищном фарсе: «Тому вообще оставалось жить несколько часов, когда к его кровати подвезли урну для голосования и на несколько секунд поставили на ноги перед телекамерой. Стране демонстрировали, что Генеральный жив, все в порядке. Тот не мог даже говорить, только прошептал чуть слышно, на выдохе, свое знаменитое: “Все хорошо...”»⁸.

Медведев описывает еще один показушный трюк, который любили советские бюрократы. Премьер-министр Косыгин любил прогуливаться на свежем воздухе и часто ходил с работы домой пешком. По пути он заходил в один гастроном. «После первого же его посещения в этот магазин стали завозить все продукты, он стал одним из лучших в Москве. После смерти Косыгина... гастроном на улице Димитрова снова стал заурядным, как все»⁹. Косыгин, как и многие высшие чиновники, был отрезан ближайшим окружением от реальной жизни: он превратился в объект «внутренней» показухи, предназначенной не для общества, а для потребления самой бюрократией, причем он, скорее всего, был «сам обманываться рад». Питерс тоже говорит об изоляции такого типа, которая, по его словам, сильно ощущается в конгрессе США.

«Внутренняя» показуха указывает на неоднородность бюрократии и наличие конкуренции за ресурсы влияния между чиновничьими кланами. Это, так сказать, изнанка бюрократической «сети выживания». Николай Злобин в книге «Противостояние: Россия — США» пишет о постоянной и острой борьбе внутри администрации президента Российской Федерации за информирование, а зачастую и дезинформирование Владимира Путина. «В результате уровень взаимного недоверия, паранойи и неприязни внутри президентской администра-

Карстен Хеллер. Перевернутая грибная комната. 2000

ции давно достиг беспрецедентной для любого учреждения величины. ...Заместители руководителя администрации российского президента находились между собой в настолько враждебных отношениях, что годами не говорили друг другу ничего, кроме “здравствуйте”»¹⁰. Бюрократия делит поле информационного влияния, так или иначе соотносимое с ее функциями и полномочиями, на зоны (поэтому в России бюрократию часто сравнивают с мафией: «чиновничья мафия»). Зоны влияния оберегаются от взаимного контроля. В этой системе «попридержат» информацию от босса, чиновника высшего уровня, которому «не обязательно» ее знать — это еще один способ укрепить информационную монополию, на этот раз на определенном уровне бюрократической иерархии. Локальная монополия делает чиновника менее подотчетным не только перед лицом обычных граждан, но и начальников. Питерс пишет, что такие взаимоотношения лишают начальника способности критически оценивать ситуацию: «Когда Джона Сунуну (главу администрации Белого дома в 1989—1991 гг. — С.Г.) спросили, говорил ли он когда-нибудь откровенно с Джорджем Бушем, тот ответил: “Нечасто, и только когда меня об этом просили”. ...Если возникают несогласные, они быстренько прячут свое мнение в карман, если президент дает понять, что он склоняется к другому решению»¹¹.

В высшем советском руководстве царили схожие отношения. Рой Медведев цитирует документ, не ссылаясь на источник ради его безопасности, где говорится, что в партии существовало «явное недоверие творчески мыслящим, критическим, активным людям. Эта атмосфера создает условия для продвижения не тех, кто обладает высокими профессиональными качествами и принципами, но тех, кто... фактически отличается только своей преданностью собственным узко личным интересам и пассивностью. Высокопоставленные руководители получают слишком неполную, прилаженную информацию и также лишены возможности эффективно использовать власть»¹².

Желание сохранить локальную монополию на информацию, отгородившись от остальной «сети», ведет к тому, что ключевые решения принимаются кучкой людей на основании неполной, «отполированной», искаженной информации. Питерс напоминает, что решение о начале войны (17.01. — 28.02.1991 года многонациональных сил во главе США против Ирака за освобождение Кувейта) в Персидском заливе принимали всего шесть человек; «в результате альтернативные решения не были тщательно изучены»¹³.

Владимир Медведев описывает сходную ситуацию, когда решение о вводе советских войск в Афганистан принимали три человека: председатель КГБ Юрий Андропов, министр обороны Дмитрий Устинов и министр иностранных дел Анатолий Громыко. «Брежневу ничего внушать уже было не нужно, в ту пору он уже мало что соображал», — утверждает автор¹⁴. Стороннее вмешательство в процесс принятия решений, монополизированный кучкой политиков, неизменно наказуемо: «Когда завсектором ЦК начал проявлять слишком большую независимость и твердо отстаивать *свою* точку зрения, его удалили из

аппарата ЦК с характерной формулировкой “не вписывается в *аппарат*”»¹⁵.

В высшем российском руководстве сегодня происходит почти то же самое. Политолог Николай Злобин, наблюдавший за кремлевскими политическими интригами, предполагает, что, принимая решения, президент Путин имел дело с очень ограниченным количеством предложенных ему вариантов: «Впрочем, в большей или меньшей степени это беда каждого руководителя высокого ранга, лидера любой страны, в том числе США. Особенность ситуации именно президента Путина в том, что, построив вертикаль власти и бюрократическую систему, основанную на личной политической и экономической лояльности, он больше, чем это допустимо, сузил и отфильтровал информационные потоки, которыми сам и питался при выполнении президентских обязанностей. Он стал жить, говоря его собственными словами, как таракан в бронированной банке»¹⁶.

Самоизоляция политиков, принимающих ключевые решения, от альтернативных мнений, а также их оторванность от достоверной информации из первых рук согласуется с концепцией «власти подчиненных», описанной Питерсом. «Власть подчиненных» — это форма зависимости руководителей (топ-менеджеров) от штатных сотрудников, которые готовят документы: нормы и регламенты, официальные заявления, справки и т.д. Из-за огромного объема работы и разнообразия нормативного регулирования начальник не имеет возможности вникать в детали каждого документа. Клерки становятся незаменимыми, уверенно действуют на своей «территории», а босс попадает в зависимость от их узкой специализации. В итоге директор по персоналу парламентского комитета может определять налоговую политику целой страны, а помощник сенатора становится влиятельнейшей фигурой в вопросах разоружения¹⁷. Известно, что многие руководители не способны говорить без текста, заготовленного помощниками, а перепутанные страницы доклада порой делают «шефа» абсолютно беспомощным перед аудиторией.

Характеризуя Владимира Путина как «любителя микроменеджмента, знатока деталей и малозначимых фактов», Николай Злобин говорит, что в этом российский экс-президент «недалеко ушел от советского, а то и монархического стиля руководства, когда делегирование полномочий и власти расценивалось как слабость, а знание деталей — как сила». Пытаясь бороться с «властью подчиненных», он создал систему, при которой «власть не только централизована, но и вся информация (по возможности, конечно) концентрируется наверху». Причем автор напоминает, что в свое время Петр I, пытавшийся, как и Путин, управлять всем и вся, «безнадежно проиграл в своем противостоянии государственной бюрократии, которая, пока царь вникал в детали, постепенно обрела самодостаточность и прибрала к рукам власть в стране»¹⁸.

Независимо от ранга, личных отношений, состояния здоровья и банковского счета, бюрократы принадлежат к одному кругу, корпорации, «сети выживания» (впрочем, не слишком однородной вследствие дележа «зон влияния»). Корпорация в целом оберегает монопо-

лию на информацию, защищаясь от проникновения в сеть «чужих» и не выпуская из нее «своих»: информация должна оставаться в «системе». Таким образом, «системе» удобнее принять в свои ряды тихую посредственность, «своего человека», согласного играть по правилам, а не честного талантливому выскочку, который того и гляди поднимет шум. «Кореш», повязанный сетью неформальных отношений, такого себе не позволит, ибо знает, кому он должен быть благодарен за то, что его приняли в корпорацию. Посредственность предсказуема, ее легко проконтролировать, а перечень служебных обязанностей можно легко «подогнать» к кандидатуре «своего», которого берут на работу. Так в бюрократической сети возникает круговая порука и кумовство, а про «смотрящего» за какой-либо сферой интересов так и говорят: «Он человек такого-то»¹⁹.

Желание сохранить локальную монополию на информацию ведет к тому, что ключевые решения принимаются на основании неполной, искаженной информации

Один из бывших сотрудников правительства Ульяновской области на условиях анонимности рассказал мне, почему он не захотел работать во власти: «Поскольку на экономический результат система не завязана, неписанным девизом власти становится: “Не быть, но казаться”. Пришел в администрацию сделать что-то новое? Забудь, это никому не нужно. Региональной власти важно представить себя в выгодном свете перед федеральным центром. Главный метод — копирование федеральных тенденций (нацпроекты, муниципальная и административная реформы и т.д.) и управленческих структур: правительство, общественные советы... Главное объявить: “Мы первые откликнулись на зов федерального центра”, “Мы первые провели муниципальную реформу”. Изнанка системы региональной власти — конъюнктурщина (это еще один возможный перевод определения “make-believe” из книги Питерса — С.Г.). Изобретение нынешней администрации — конъюнктура как принцип: любое веяние из центра должно стать стратегической задачей, даже если она не согласуется с предыдущей. В этой системе тот, кто хочет себя реализовать, добиться результата, хотя бы одного частного результата — не приживается. Там, где нет естественной конкурентной среды, карьера зависит не от профессионализма, а от близости к некоему руководящему “телу”. Человек может остаться, но для этого ему придется себя сломать»²⁰.

У бюрократической системы мало возможностей для самоочищения. Напротив, бюрократия озабочена тем, чтобы не выносить сор из избы, ведь гласность — это угроза информационной и властной монополии. Когда Юрий Андропов предложил Леониду Брежневу отдать под суд первого секретаря Краснодарского обкома КПСС Сергея Медунова, погрязшего в коррупции, Брежнев отказался: «Переведи его куда-нибудь на первый случай. ...Заместителем министра, что ли». Советский лидер полагал, что постоянство кадрового состава — залог

стабильности в государстве и его собственной устойчивости: «Брежнев даже гордился тем, что в период его руководства все местные партийные лидеры прочно сидели в своих креслах, не было никакой чехарды»²¹. Система и сегодня не сдает своих (примеры — борьба за экстрадицию в Россию Павла Бородина и Евгения Адамова, а также создание sinecur для бывших министров, губернаторов, мэров).

Таким образом, бюрократия — в самом широком смысле — поддерживает «сеть выживания» за счет производства благоприятного впечатления, фильтрации информации для публики и для начальства, поддержания информационной монополии. Побочным эффектом всего этого оказывается «власть подчиненных», делающая бюрократию зависимой от ее аппаратной части и из-за этого уязвимой. Каждый чиновник, владеющий специфической информацией и особыми полномочиями, подобен шаману, знающему магические заклинания: правила, нормативы, установления и т.д. Их слишком много, поэтому специализация неизбежна, а с ней, по-видимому, неизбежна и сама бюрократия как явление.

В качестве средств лечения государства от «злокачественной» бюрократии многие авторы предлагают более жесткий отбор кандидатов на должности, регулярную ротацию кадров, повышение их подотчетности. На мой взгляд, возможно, наилучшим решением стала бы такая система управления, при которой информация не принадлежала бы ни одному из конкретных чиновников (то есть была бы обезличена, демонополизирована) и была бы доступна гражданам, но при этом чиновники несли бы персональную ответственность за ее эффективное использование на благо потребителя управленческих услуг, то есть гражданина.

Монополия на информацию — атрибут «вертикали власти». Поэтому управленческая модель без бюрократии, вероятно, должна строиться не по иерархическому, а по гетерархическому (сетевому) принципу. Она будет похожа на человеческий мозг: когда нейронная связь между двумя участками разрывается, мозг выстраивает «обходной путь», компенсируя сбой в коммуникации. В сетевой структуре управления у чиновника нет монополии на информацию и компетенцию: информация принадлежит всей сети и доступна всем ее элементам благодаря общей базе знаний. Одновременно она доступна и гражданину за пределами сети управления. Если один из узлов сети выходит из строя (например, чиновник заболел), то работа не останавливается: его компетенция будет распределена между соседними узлами. Проблеме, поступившей в систему, будет присвоена категория и приоритет, она будет представлена в стандартной форме и начнет «притягиваться» к одному из центров компетенции (то есть пунктов окончательного решения проблемы данной категории). По мере продвижения задача на каждом шаге будет терять толику неопределенности. Снижение неопределенности — основная функция узла в управленческой сети (то есть функция чиновника). Работа чиновника оценивается не по количеству отсиженных в офисе часов, а по его производительности, то есть по количеству решенных задач (или снятых неопределенностей) в единицу времени. В такой системе чиновнику выгодно не спихнуть за-

дачу на другого бюрократа, а решить ее самому. Например, не гонять посетителя за справкой для паспорта, а просто снять телефонную трубку и набрать нужный номер. Если представить, что паспортная служба была бы организована именно так, очередей за паспортами в России давно бы не было, потому что чиновник получал бы премию в зависимости от того, как быстро он обслужил заявителя.

Скорее всего, сетевая структура управления имела бы локальную сферу применения, ограниченную определенным классом задач (одно ведомство, одна организация). Впрочем, в развитых демократиях гражданское общество как раз и представляет собой сеть: оно конкурирует с государством за информацию, по определению берет на себя часть его компетенции и, тем самым, разрушает монополию бюрократии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 См.: Андреев С. Структура власти и задачи общества // Нева. 1989. № 1.
- 2 Peters C. *How Washington really works*. 4th ed. — New York: Addison-Wesley Publishing, 1993.
- 3 Там же. — Р. 136.
- 4 Ibid. Р. 8.
- 5 Ibid. Р. 14.
- 6 Медведев Р. О социалистической демократии. — Amsterdam: Alexander Herzen Foundation, 1972. — Р. 251. Здесь и далее Рой Медведев цитируется в обратном переводе с английского.
- 7 Медведев В. Человек за спиной. — М.: Русслит, 1993. — С. 240.
- 8 Там же. С. 171.
- 9 Там же. С. 119.
- 10 Злобин Н.В. Противостояние: Россия — США. — М.: Эксмо, 2009. — С. 35.
- 11 Peters C. *How Washington really works*. — Р. 148.
- 12 Медведев Р. О социалистической демократии. — С. 37–38.
- 13 В это число входили: Джордж Буш-старший, президент США; Brent Скаукрофт, советник президента по национальной безопасности; Дик Чейни, министр обороны; Джеймс Бейкер, государственный секретарь; Джон Сунуну, глав администрации президента; Колин Пауэлл, глава Объединенного комитета начальников штабов. (Peters C. *How Washington really works*. — Р. 145.)
- 14 Медведев В. Человек за спиной. — С. 123.
- 15 Там же. С. 148.
- 16 Злобин Н.В. Противостояние... — С. 33.
- 17 Peters C. *How Washington really works*. — Р. 138.
- 18 Злобин Н.В. Противостояние... — С. 18.
- 19 Peters C. *How Washington really works*. — Р. 57; Медведев Р. О социалистической демократии. — С. 352.
- 20 Гогин С. Утекай... // Отечественные записки. 2007. № 36 (3). — С. 311.
- 21 Медведев В. Человек за спиной. — С. 124.

*Татьяна Кастуева-Жан,
исследователь Центра
Россия/НИИ
Французского института
международных отношений
(IFRI)*

Реформа российского высшего образования для «экономики знаний»

Достижение цели перехода к экономике знаний, поставленной в начале первого мандата президента В. Путина¹, невозможно без компетентных кадров, способных применять новые технологии и знания, и — в первую очередь — без исследовательских и инженерных кадров, способных генерировать инновации и превращать идеи в конкурентоспособную продукцию. Именно сектор высшего образования способствует созданию интеллектуального капитала для экономики знаний.

Кадровые задачи приобретают особенно острое значение в контексте демографического кризиса России. Широко известно, что численность населения России снизилась с 148,3 миллиона человек в 1991 году до 141,9 миллиона в 2009-м². Несмотря на некоторое повышение рождаемости в 2009 году, которое с гордостью подчеркнул Д. Медведев в последнем обращении к Федеральному собранию 12 ноября этого года³, демографы, в частности А. Вишневский, предупреждают, что речь идет лишь об «игре с календарем», которая не изменит долгосрочных тенденций к снижению численности российского населения⁴. По его словам, если до сегодняшнего дня Россия имела «демографический бонус», то есть относительно молодую структуру населения, то в дальнейшем сокращение населения коснется активной его части и молодежи школьного и студенческого возрастов. Эти тенденции уже дают знать о себе⁵. По некоторым прогнозам, в 2025 году ожидается, что когорта студенческого возраста сократится в два раза по сравнению с 2007 годом⁶. В этих условиях понятна озабоченность правительства подготовкой качественных кадров, в которых реально нуждается российская экономика.

Чтобы понять состояние российского высшего образования (РВО) сегодня, напомним унаследованные им от переходного периода основные проблемы, на решение которых направлены современные реформы.

I. Основные характеристики, унаследованные российским высшим образованием от переходного периода

Если резюмировать в одной фразе итог переходного периода для РВО, то можно сказать, что он привел к количественному «взрыву» и диверсификации системы при одновременном общем снижении качества образования.

Если в 1993–1994 году в стране насчитывалось 626 вузов, в которых обучались 2,6 млн студентов, то сегодня 1 134 государственных и частных вузов (около 3 000 с филиалами) обучают 7,5 млн студентов⁷. По доле лиц с высшим образованием Россия имеет весьма высокие показатели, а индикатор 529 студентов на 10 000 человек активного населения⁸ выводит ее на уровень стран — лидеров Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)⁹. Однако высокое среднее значение показателей образования не свидетельствует об общей конкурентоспособности страны: к сожалению, пока они не находят отражения в экономических показателях, характеризующих уровень развития экономики России, жизни ее населения, доли высокотехнологичных секторов в ВВП и экспорте продукции. Например, по индексу развития человеческого потенциала (учитывает продолжительность жизни, уровень образования, материальный достаток) Россия занимает лишь 71-е место¹⁰. Согласно индексу глобальной конкурентоспособности, рассчитываемому Всемирным экономическим форумом в Давосе, Россия занимает 63-е (из 133) место; для сравнения, Китай находится на 29-м, а Индия на 49-м месте¹¹. А доля экспорта высоких технологий в России составляет 3,1 %, что сравнимо с показателем Индии (3,2 %), но остается скромной по сравнению с Китаем (15 %).

Во многом такая ситуация объясняется наследием переходного периода, который характеризуется пятью основными взаимосвязанными проблемами.

Низкое финансирование государством. Между 1992 и 1998 годом сумма бюджетных средств, выделяемая на образование, сократилась в три раза. В этот период учебные заведения с трудом могли покрыть свои текущие расходы и обеспечить регулярную выплату зарплаты персоналу. Если вузы и выжили, то за счет новых источников финансирования. Речь идет, в первую очередь, о финансовых средствах семей, готовых платить за обучение. Рост платежеспособного спроса привел к количественному разрастанию системы. Появились частные вузы, разрешенные законом об образовании 1992 года; государственные вузы стали активно создавать филиалы в регионах. Увеличился платный сектор услуг, как за счет частных вузов, так и государственных. Тем не менее средства семей не могли полностью подменить государственное финансирование. Яркий показатель: в 2007 году затраты на одного студента в год в России составляли немногим более 2 000 долл., в то время как в среднем по странам ОЭСР — 11 000 долл., а в США — более 22 000 долл.¹². Материальная и лабораторная база российских вузов не обновлялась годами.

Деградация материального положения преподавателей. Низкие зарплаты¹³ привели к снижению престижа и привлекательности профессии преподавателя для молодежи и, соответственно, старению педагогических кадров. Сегодня поколение 35–40-летних слабо представлено в вузах, в то время как средний возраст преподавателей достигает 55 лет, а ведь это пенсионный период для женщин в России. В трудных экономических условиях преподавателям приходилось изыскивать

возможности улучшить свое материальное положение, совмещая ставки в нескольких вузах, давая частные уроки или консультации. Им элементарно не хватало времени на периодическое обновление читаемого курса и занятия наукой. Естественно, низкие зарплаты — это и почва для коррупции. По данным председателя Верховного суда России В. Лебедева, среди осужденных за коррупцию в 2008 году 31 % составили работники правоохранительных органов, 20,3 % — врачи и 12 % — преподаватели¹⁴. В последнюю вступительную кампанию 2009 года (после введения Единого государственного экзамена) было выявлено 3177 преступлений в сфере образования, из них почти половина связана с взятками¹⁵.

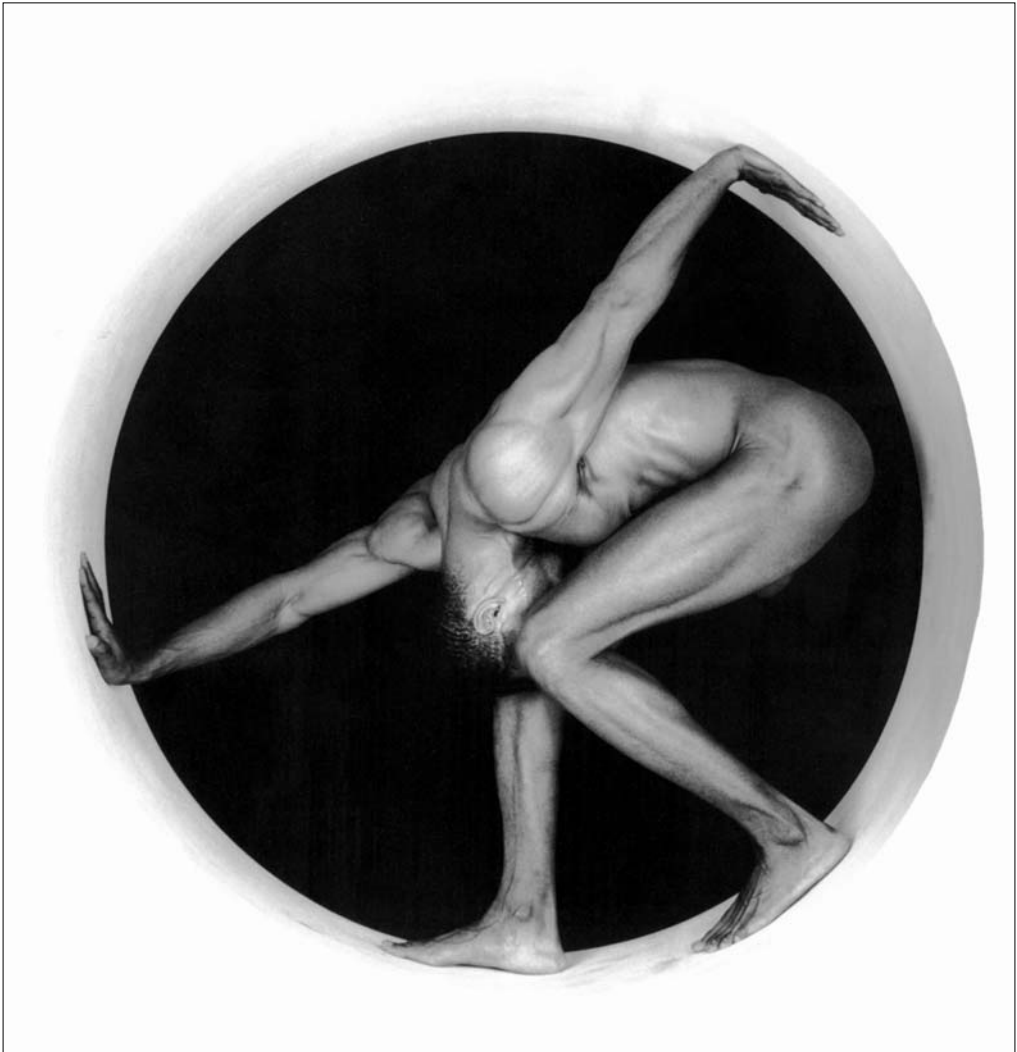
Слабая связь образования и науки. Отсутствие этой связи унаследовано РВО еще от советского периода, когда наука была отдана в ведение Академии наук. Из этого правила было несколько исключений, например, знаменитый Физтех или Новосибирский университет. Как было отмечено выше, преподаватели остаются слабо вовлечены в научную деятельность. Только один вуз из восьми ведет исследования. Вузы представляют собой только 13,9 % зарегистрированных научно-исследовательских организаций, в них работает 11 % всего научного персонала в режиме полной занятости (для сравнения, в ОЭСР эта доля составляет 31 %). Доля вузов в затратах на исследования и разработки в России составила 6,6 % в 2008 году. Это самый высокий показатель в истории сектора ВО в СССР/России, но он ниже показателей развитых стран (средний показатель по странам ОЭСР — 26 %)¹⁶.

Слабая связь с рынком труда. Многочисленные опросы работодателей свидетельствуют об их недовольстве качеством выпускников. Работодатели отмечают академизм знаний вчерашних

студентов, отсутствие практических навыков, неспособность применить их в конкретных условиях, неумение работать в команде¹⁷. Соответственно, работодатели применяют различные тактики. Многие начинают смотреть не просто на наличие диплома о высшем образовании, а на вуз, выдавший его, и ориентируются в основном на ведущие столичные вузы. Некоторые крупные российские компании (РусАл, Северсталь) имеют собственные подразделения подготовки и переподготовки персонала через, например, корпоративные университеты и т.д.

Много говорят на самом высоком уровне и о перекосе в подготовке специалистов разного профиля. В выступлениях В. Путина, Д. Медведева, А. Фурсенко регулярно звучат жалобы на перепроизводство юристов и менеджеров и нехватку квалифицированных инженеров и рабочих, что не соответствует целям построения экономики знаний¹⁸. В марте 2009 года на совещании по совершенствованию системы подготовки востребованных специалистов в Московском физико-техническом институте (МИФИ) В. Путин прямо заявил о существовании «явного перекоса в сторону гуманитарных специальностей — юристов, экономистов, менеджеров». Он поставил задачу вывести подготовку научных и инженерных кадров в России на качественно новый уровень и ликвидировать дефицит квалифицированных специалистов в высокотехнологичных секторах экономики¹⁹.

Среди экспертов есть разногласия по поводу реальности этой проблемы²⁰. Некоторые данные поясняют такую позицию. Так, в 2007 году среди выпускников государственных вузов насчитывалось 349 000 выпускников по специальности «экономика и управление», 170 800 по общественно-социальным наукам, 128 900 по образованию и педагогике²¹. К этому нужно

Роберт Манлоторн. Томас. 1987

добавить выпускников частных вузов, практически полностью ориентированных на экономику, право и управление²². Рядом с этими цифрами 26 500 выпускников по специальности «металлургия, машиностроение и обработка металлов» выглядят более чем скромно. Неудивительно, что агентства по найму и работодатели жалуются на нехватку инженерных кадров²³. Некоторые эксперты оценивают дефицит инженеров на рынке труда на

уровне 24,5 %²⁴. Недавнее исследование ВЦИОМ среди представителей деловых кругов выявило, что самая большая проблема, которой опасаются российские предприниматели в ближайшие годы — нехватка квалифицированных кадров (76 % опрошенных)²⁵.

Слабая интернационализация. Только два российских университета фигурируют в самых отслеживаемых международных рейтингах. В 2008 году МГУ за-

нимал 70-е место в Шанхайском рейтинге, а СПбГУ находится в четвертой сотне. В рейтинге газеты «Таймс» 2009 года МГУ фигурирует на 155-м месте, а СПбГУ на 168-м среди двухсот²⁶. Россия принимает в своих вузах лишь 3 % всех международных студентов, большая часть которых приезжает из стран СНГ. Несмотря на присоединение России к болонскому процессу в 2003 году, академическая мобильность, то есть возможность для студентов, преподавателей и персонала вузов перемещаться в другие, желательно в зарубежные вузы, остается слабой и не превышает 1 % по данным ОЭСР²⁷, а построение двухступенчатой системы высшего образования (бакалавриат — 4 года и магистратура — 2 года обучения) остается слабо продвинутым процессом. До сих пор доминирует традиционная система подготовки специалиста (5 лет недельного обучения).

Итог переходных лет нельзя назвать абсолютно негативным, ведь система стала более гибкой, более доступной для широких слоев населения, более демократичной (например, выборность ректоров), более открытой миру. Но перечисленные проблемы переходного периода привели к общему снижению качества образования, а также обесцениванию (девалоризации) полученных в России дипломов. Согласно министру Фурсенко, 25–30 % курсов в вузах не дают даже минимального объема знаний для той или иной профессии. Массовый спрос на высшее образование, рост количества учебных заведений (среди которых немало — сомнительного качества), доступность высшего образования за плату привели к тому, что наличие диплома перестало быть реальным свидетельством уровня подготовки специалистов. В результате девальвации диплома работодатели стали требовать дипломы для любой, даже неквалифицированной работы вроде курьерской.

Одного диплома часто бывает недостаточно для получения приличного места работы: по оценкам, 36 % студентов получают второе высшее образование. Высшее образование стало жертвой собственной популярности. Распространенным явлением стала покупка дипломов, курсовых и диссертационных работ²⁸. До трети диссертаций не написаны людьми, которые их защищают. В условиях деградации качества образования очень трудно говорить о кадрах, позволяющих обеспечить переход к экономике знаний, цель которой поставило российское правительство.

II. Направления реформ

О реформах РВО можно по-настоящему говорить, начиная с прихода В. Путина на должность президента. С этого момента меняется внутренний политический дискурс. Высшее руководство страны заявляет о переходе к стратегии модернизации в целом и высшего образования в частности. В августе 2001 года на заседании Государственного совета, посвященного вопросам модернизации системы образования в России, Владимир Путин подчеркнул, что образование «стало дорогим и самым ценным товаром, а устойчивое развитие стран уже давно определяется не столько их ресурсами, сколько общим уровнем образования нации». В этом же году была принята и Национальная доктрина образования в России.

А настоящая возможность для реформ возникает с 2004 года, с начала второго президентского мандата В. Путина. Это новое «окно возможностей» открывается благодаря стечению трех обстоятельств. Во-первых, наличие благоприятного экономического контекста. Благодаря высоким мировым ценам на энергоносители, Россия по-

лучает возможность вкладывать средства в до этого слабо финансируемые отрасли. Во-вторых, заявленной политической воле преодолеть сырьевую зависимость и начать диверсификацию экономики путем создания высокотехнологичных секторов. Термины «экономика знаний», «экономика, основанная на знаниях», «инновационная экономика», «новая экономика» начинают все чаще звучать в устах российских политиков

при определении стратегических целей страны²⁹. В-третьих, наличия консолидированной команды реформаторов, которая оказалась способна преодолеть сопротивление консервативных кругов и «провести» такие непопулярные проекты, как вступление в Болонский процесс и ЕГЭ. В том же 2004 году создается и единое министерство образования и науки, само название которого свидетельствует о цели сближения этих областей. В подтверждение приоритетности сфера высшего образования фигурирует среди четырех национальных проектов, заявленных в сентябре 2005 года, а также вошла в повестку дня встречи «Большой восьмерки» в Санкт-Петербурге в июле 2006 года под председательством России.

Для достижения поставленных целей была выбрана стратегия, которую можно резюмировать следующим образом: идентификация лидеров, «точек роста» и создание для них возможностей развития, в первую очередь через усиленное финансирование, для того чтобы превратить их в локомотивы экономического роста и сделать конкурентоспособными на мировой арене. Выбранная стратегия исключает распыление средств на все вузы: по сути речь идет о количественном сжатии системы. Сам министр Фурсенко

неоднократно говорил о том, что в России имеется максимум 50 реально эффективных университетов и еще 150–200 более узкоспециализированных вузов, обеспечивающих качественное образование³⁰.

В условиях деградации качества образования очень трудно говорить о кадрах, позволяющих обеспечить переход к экономике знаний

Выбор лидеров и сужение системы начинается с выбора по конкурсу 57 (17 в 2006 году и 40 в 2007-м) инновационных вузов в рамках национального проекта образования, начатого в 2005 году под руководством Д. Медведева, в ту пору первого вице-преьера. Заметим, что для России речь идет о «революции менталитета»: государственное финансирование выдается отныне не только по сметному принципу, то есть в зависимости от количества площадей, студентов и преподавателей, а по конкурсу. Речь идет о самом большом проекте государственного финансирования в сфере высшего образования за всю постсоветскую историю, который обозначил интерес государства к этой сфере, продемонстрировал его готовность и способность вкладывать средства. Каждый выбранный университет получил от 200 до 1 000 млн рублей, что для некоторых сопоставимо с половиной и больше их годового бюджета³¹. Эти субсидии были выделены в основном на модернизацию материально-технической базы и повышение квалификации профессорско-преподавательского состава. Итог программы оценивается очень положительно: по словам А. Фурсенко, вузы, получившие это финансирование, «совершили качественный скачок на 10–15 лет»³².

Проект сжатия системы активно продолжается. Создается своего рода «пирамида» высшего образования, как определил процесс президент Д. Медведев на встрече с А. Фурсенко³³. Отныне можно выделить четыре категории вузов.

Лидеры — МГУ и СПбГУ получили новый особый статус в октябре 2009 года. Они останутся государственными учреждениями и будут финансироваться отдельной строкой в федеральном бюджете (как это делалось в случае МГУ). Их ректоры будут назначаться и отзываться непосредственно президентом.

Вторая категория — федеральные университеты, которые в последние два года создаются, как правило, путем слияния нескольких учреждений. Их призвание — обеспечить потребности в кадрах на региональном уровне. Два таких вуза уже созданы: Южный на базе Ростовского университета и Сибирский на базе Красноярского университета. В 2007 году эти два университета получили 6 млрд рублей из федерального бюджета. В октябре 2009 года было принято решение о создании Северного (Арктического) федерального университета на базе Архангельского государственного технического университета, Приволжского — на базе Казанского государственного университета, Уральского — на базе Уральского государственного технического университета, Дальневосточного — на базе Дальневосточного государственного университета и, наконец, Северо-Восточного — на базе Якутского государственного университета. В общей сложности, в период 2007–2009 годов федеральные университеты получают 13,4 млрд рублей без учета участия региональных властей и деловых кругов. К третьей категории вузов относятся национальные исследовательские университеты (НИУ). В настоящий момент по конкурсу отобраны 12

НИУ. Еще два были выбраны осенью 2008 года вне конкурса в рамках пилотного проекта. Меньшего размера, нежели федеральные университеты, каждый из них будет создаваться на базе одного вуза (и его филиалов), который является признанным лидером в своей области. Их задача — удовлетворять потребности в кадрах высокотехнологических секторов, а также стать конкурентоспособными на мировом уровне. Члены этого «клуба» были выбраны среди 57 лауреатов национального проекта «Образование». Эти университеты получают 1,8 млрд рублей каждый в течение пяти лет. Они должны участвовать в софинансировании своих проектов развития на уровне 20 %, привлекая средства из других источников, в частности из региональных бюджетов или предприятий. Последние две группы университетов будут отличаться новым статусом автономного учреждения, располагать большей академической свободой и большим финансированием.

И наконец, все остальные. Политика выделения лидеров и их особое финансирование должны заставить остальные вузы «подтянуться», чтобы получить это право (возможно, путем слияния в более крупные структуры), иначе само их существование окажется под вопросом. Политика наделяния особым статусом лидеров вместо повышения сметного финансирования для всех вузов имеет немало противников, например среди депутатов и сенаторов, а также ректоров, многие из которых считают такую политику саму по себе фактором кризиса.

Анализ стратегий развития университетов (например, НИУ) позволяет выделить три главных направления реформирования системы высшего образования в стране.

1) Сближение образования, науки³⁴ и инновационного производства. Впер-

вые в истории развития ВО в России оно воспринимается не как социально-культурная сфера, которая финансируется по остаточному принципу, а как инструмент экономики, который должен быть применен, чтобы сделать ее эффективной и конкурентоспособной. По сути от университетов отныне требуется обеспечивать полный цикл инноваций — от фундаментальных исследований до продажи конечного продукта и обучения пользователей. Для этого должны быть активизированы следующие каналы: приобщение студентов к научной работе уже на ранних стадиях обучения, не говоря уже о преподавателях; исследования в реально актуальных областях; доступ к современному оборудованию; совместные исследования университетов с предприятиями или научными центрами; создание сети инновационных предприятий, бизнес-инкубаторов для коммерциализации результатов исследований; интенсификация связей с предприятиями; создание «пояса» инновационных предприятий, технопарков и бизнес-инкуба-

торов, тесно связанных с вузом. Образцом такого типа развития является Массачусетский технологический институт в США.

2) Сближение РВО с реальными потребностями рынка труда и региональной экономикой. Укрепление взаимодействия с работодателями является здесь ключевым фактором.

3) Повышение международного признания. Новые университеты, в первую очередь НИУ, должны стать привлекательными для зарубежных преподавателей и студентов и завоевать позиции в международных рейтингах, повысив престиж России как сильного образовательного и научного полюса.

Большинство стратегий развития вузов нацелено на период до 2017–2020 годов; стартовой точкой реализации реформ является 2009 год. А пока система российского высшего образования далека от качеств, необходимых для экономики знаний и функционирует скорее в «экспериментальном режиме», апробируя новые организационные, правовые и содержательные формы.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 См. Т. Кастуева-Жан об эволюции дискурса российского правительства в статье «Высшее образование как фактор конкурентоспособности России», *Russie.Nei.Visions*, № 28, апрель 2008, www.ifri.org/files/Russie/ifri_jean_education_sup_RUS_avril_2008reluNK.pdf <http://www.ifri.org/files/Russie/ifri_jean_education_sup_RUS_avril_2008reluNK.pdf>.
- 2 Данные Федеральной службы государственной статистики, <www.gks.ru <<http://www.gks.ru>>.
- 3 «В августе этого года впервые за последние 15 лет в России зафиксирован естественный прирост населения. Он пока незначительный - всего на тысячу человек, но все-таки это уже прирост». Д. Медведев. Обращение к Федеральному собранию, 12 ноября 2009 года, <www.kremlin.ru/transcripts/5979 <<http://www.kremlin.ru/transcripts/5979>>.
- 4 См.: А. Вишневецкий. Демографический кризис в России. // *Russie.Nei.Visions*, №41, июнь 2009, <www.ifri.org/files/Russie/IFRI_demographia_Vichnevski__RUS_june_09.pdf > <http://www.ifri.org/files/Russie/IFRI_demographia_Vichnevski__RUS_june_09.pdf>.
- 5 В одном из интервью (Комсомольская правда, 29 июля 2009), министр образова-

- ния и науки Андрей Фурсенко процитировал следующие цифры: если в 2006 г. количество выпускников средней школы составляло 1,3 млн, в 2009-м — 900 тысяч, то в 2012-м ожидается 730 тысяч человек. Уже на протяжении последних нескольких лет общее количество бюджетных и платных мест на первом курсе вузов превышает количество выпускников средней школы, и некоторые вузы не добирают абитуриентов на бюджетные места. См.: Т. Клячко. Высшее образование — выше некуда. // *Демоскоп Weekly*, №375–376, 1–17 мая 2009 г., <www.demoscope.ru/weekly/2009/0375/tema04.php> .
- 6 См.: А. Вишневский (ред.). Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 2008. Россия перед лицом демографических вызовов, ПРООН, Москва, 2009, <www.undp.ru/documents/NHDR_2008_Rus.pdf> <http://www.undp.ru/documents/NHDR_2008_Rus.pdf>.
 - 7 Данные Федеральной службы государственной статистики, <www.gks.ru> <<http://www.gks.ru>>.
 - 8 Федеральная служба государственной статистики, *Россия в цифрах 2008*, табл. 8.10 на сайте <www.gks.ru> <<http://www.gks.ru/>>.
 - 9 OECD, *Education at a Glance 2009: OECD Indicators*, <www.oecd.org/edu/eag2009> <<http://www.oecd.org/edu/eag2009>>.
 - 10 *Human Development Report 2009*, <<http://hdr.undp.org/en/statistics/>>.
 - 11 World Economic Forum, *The Global Competitiveness Report 2009–2010*, <www.weforum.org/documents/GCR09/index.html> <<http://www.weforum.org/documents/GCR09/index.html>>.
 - 12 OECD, *Education at a Glance 2007*, <www.oecd.org/document/30/0,3343,en_2649_39263238_39251550_1_1_1_1,00.html> <http://www.oecd.org/document/30/0,3343,en_2649_39263238_39251550_1_1_1_1,00.html>.
 - 13 Для сравнения, в 2008 году средняя зарплата в секторе высшего образования составляла 11 303 рублей в месяц, средняя зарплата в экономике России 17 226 рублей в месяц, а средняя зарплата в Москве 29 209 руб. в месяц. По данным Федеральной службы государственной статистики, <www.gks.ru> <<http://www.gks.ru/>>.
 - 14 *Коммерсант*, 12 февраля 2009, <www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1117609> <<http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1117609>>.
 - 15 *Коммерсант*, 15 октября 2009.
 - 16 Данные этого параграфа приводятся по статистическому сборнику *Научно-инновационный комплекс высшей школы России*, Институт исследования проблем науки РАН совместно с факультетом менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета, Москва, Наука, 2005.
 - 17 В российской прессе можно найти множество статей, посвященных этому вопросу. См. например, свидетельства руководителей предприятий, опубликованные в журнале *Прямые инвестиции*, № 9, 2008, с.16–32.
 - 18 См. например, выступление В. Путина перед Советом Федерации, 9 октября 2007, <www.council.gov.ru/inf_ps/parlisurvey/2007/10/61/item2376.html> <http://www.council.gov.ru/inf_ps/parlisurvey/2007/10/61/item2376.html>.
 - 19 Выступление В. Путина в МФТИ, 3 марта 2009, <<http://premier.gov.ru/events/2213.html>>.
 - 20 Так, авторы доклада «Национальная инновационная система и государственная

- инновационная политика Российской Федерации. Базовый доклад к обзору ОЭСР национальной инновационной системы» (Министерство образования и науки РФ, Москва, 2009, <<http://mon.gov.ru/files/materials/6333/09.11.11-bd-rus.pdf>>) считают, что спрос на эти специальности оправдывается состоянием рынка труда.
- 21 *Российский статистический ежегодник 2008*, таб. 7.56, электронная версия на сайте <www.gks.ru <<http://www.gks.ru/>>.
 - 22 Из 226 600 выпускников частных вузов в 2007-м 108 100 имеют дипломы по экономике и управлению и еще 64 000 — по общественно-социальным наукам. *Российский статистический ежегодник 2008*, таб. 7.58, электронная версия на сайте <www.gks.ru <<http://www.gks.ru/>>.
 - 23 «Россия ощущает острую нехватку инженеров», 23 января 2007, <www.point.ru/news/stories/3654/ <<http://www.point.ru/news/stories/3654/>>.
 - 24 РИА Новости, 21 марта 2008, <www.rian.ru/analytics/20080321/101924153.html <<http://www.rian.ru/analytics/20080321/101924153.html>>.
 - 25 Пресс-выпуск ВЦИОМ, 2 июня 2009, <http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/11947.html?no_cache=1&cHash=e5a83bfd05>.
 - 26 <www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2009/results>.
 - 27 OECD, *Education at a Glance 2009: OECD Indicators*, <www.oecd.org/edu/eag2009 <<http://www.oecd.org/edu/eag2009>>.
 - 28 См.: Т. Кастуева-Жан. “Блеск и нищета” высшего образования в России, *Russie.Nei.Visions*, №14, сентябрь 2006, <www.ifri.org/files/Russie/ifri_jean_obrazovanie_sent2006_rus.pdf <http://www.ifri.org/files/Russie/ifri_jean_obrazovanie_sent2006_rus.pdf>>.
 - 29 Эти термины появляются уже в первом ежегодном обращении президента Владимира Путина к Федеральному собранию в июле 2000 года: «Мы проигрываем в конкуренции на мировом рынке, все более и более ориентирующемся на [...] новую экономику - экономику знаний и технологий». Послание Федеральному собранию РФ, 8 июля 2000, <www.kremlin.ru/appears/2000/07/08/0000_type63372type63374type82634_28782.shtml>.
 - 30 В силу политических и социальных причин очень трудно закрыть неэффективные вузы в административном порядке, особенно в регионах. Даже ужесточив политику аккредитации Рособнадзора удалось закрыть лишь десяток учреждений в 2008 году.
 - 31 Всего было выделено из государственного бюджета 30 млрд рублей.
 - 32 Выступление министра перед Государственной думой, 8 мая 2009, <<http://appa.ru/archives/375>>.
 - 33 14 октября 2009 г., <<http://mon.gov.ru/press/news/6249>>.
 - 34 Интеграция науки была официально признана одним из принципов государственной научной политики в доктрине развития российской науки, одобренной президентом в июне 2006 года. В том же году был принят федеральный закон о науке и государственной научно-технической политике. В результате была разработана федеральная программа «Государственная поддержка интеграции высшего образования и фундаментальной науки на 1997–2000». Сегодня любой официальный документ, даже Стратегия национальной безопасности России, принятая в мае 2009 года, подчеркивает, что интеграция науки, образования и промышленности является одним из условий стабильного развития и конкурентоспособности страны.

Роберт Скидельски,
член палаты лордов
Парламента Великобритании

Кейнс и этика капитализма

Какие именно недостатки нынешней экономической системы — я буду называть ее для краткости «капитализмом» — выявил сегодняшний экономический кризис? Я ставлю этот вопрос с этической, а не экономической позиции. Ответ экономистов достаточно однозначен: кризис показал, что теория эффективного рынка, предполагающая, что цена на акции всегда устанавливается правильно, неверна. Поведение финансовых рынков не всегда идеально. Они могут рухнуть, и их обрушение может разорить экономики целых стран, а сегодня — и глобальную экономику. Очевидно, что требуется лучшее регулирование банковской сферы и реформирование всемирной валютной системы. Я привлекаю к дискуссии об этических проблемах современного капитализма М. Кейнса, потому что он был не только экономистом, но и философом*.

Обычно на вопрос: «Что не так с моральной точки зрения с капиталистической рыночной системой?» — даются два ответа. Первый — она способствует плохому поведению, так как ее мотивируют две силы: алчность и эгоизм. Отсюда следует, что если необходимо обуздать пороки капитализма и заставить его работать для общего блага, то капитализм надо контролировать извне — моралью, регулированием. Главной проблемой является именно безудержная алчность. Майкл Сандел (Michael Sandel) хорошо сказал об этом в своей лекции на последних чтениях, посвященных первому гендиректору ВВС Джону Рейсу: «Нам необходимо признать, что есть вещи, которые за деньги не купишь, а есть такие, что купить за деньги можно, но не нужно». Или, как говорили французские социалисты в 1990-х годах: «Да — рыночной экономике, нет — рыночному обществу». Левые давно критикуют нерегулируемые рынки и капитализм именно за обожествление алчности и эгоизма. При нынешнем экономиче-

* См.: Robert Skidelsky. *Keynes. The Return of the Master*. — Allen Lane: Penguin books, 2009.

ском спаде мы стали свидетелями общественного недовольства «жадностью банкиров».

Второй ответ на вопрос, что не так с капитализмом, заключается в том, что он не ставит пределов накоплению богатства, что едва ли может быть этической целью. Следовательно, для установления извне предела накоплению богатства требуется некая этическая концепция, объясняющая, зачем нужно богатство. Заметьте, что оба критических довода объединены единой причиной — алчностью. Поэтому ограничение алчности является общей этической целью обеих критических позиций.

Обвинять капитализм в производстве результатов столь же абсурдно, как и любой инструмент лишь за то, что им неправильно пользуются

Иначе говоря, несправедливо, видимо, обвинять капитализм в этических недостатках общества. Капиталистическая рыночная экономика — просто инструмент производства богатства. И обвинять ее в производстве результатов столь же абсурдно, как и любой инструмент лишь за то, что им неправильно пользуются. Однако, с другой стороны, беспредельное стремление к богатству подрывает традиционные моральные основы общества путем насаждения логики эффективности и выгоды во все более широкие сферы жизни. Экономический аспект деятельности вытесняет старую логику, которая, так сказать, не подсчитывает стоимость поведения, во всяком случае, в материальном выражении. Поэтому становится все сложнее выдвигать не относящиеся к экономике доводы против какого-либо плана действий, за которым стоит прочное экономическое обоснование.

Хотя Кейнс и был экономистом, он никогда не переставал задаваться вопросом о цели экономической деятельности. Вкратце, он пришел к выводу, что стремление к деньгам, которое он называл «любовью к деньгам», оправданно только в той мере, в какой оно ведет к «хорошей жизни». Или, иными словами, единственной оправданной целью экономического успеха является стремление сделать мир этически лучше.

Я рассмотрю этические принципы Кейнса под тремя углами зрения: связи между богатством и благом, «любви к деньгам» и места справедливости в экономической системе. И в конце остановлюсь на его отношении к христианству.

Богатство и благо

Кейнс заимствовал главную этическую идею напрямую у философа Джорджа Мура, чей труд «Основы этики» был опубликован в 1903 году. Доктрина Мура поразительна в своей строгости: «Наиболее значимыми из известных или воображаемых нами ценностей являются определенные состояния сознания, которые можно приблизительно

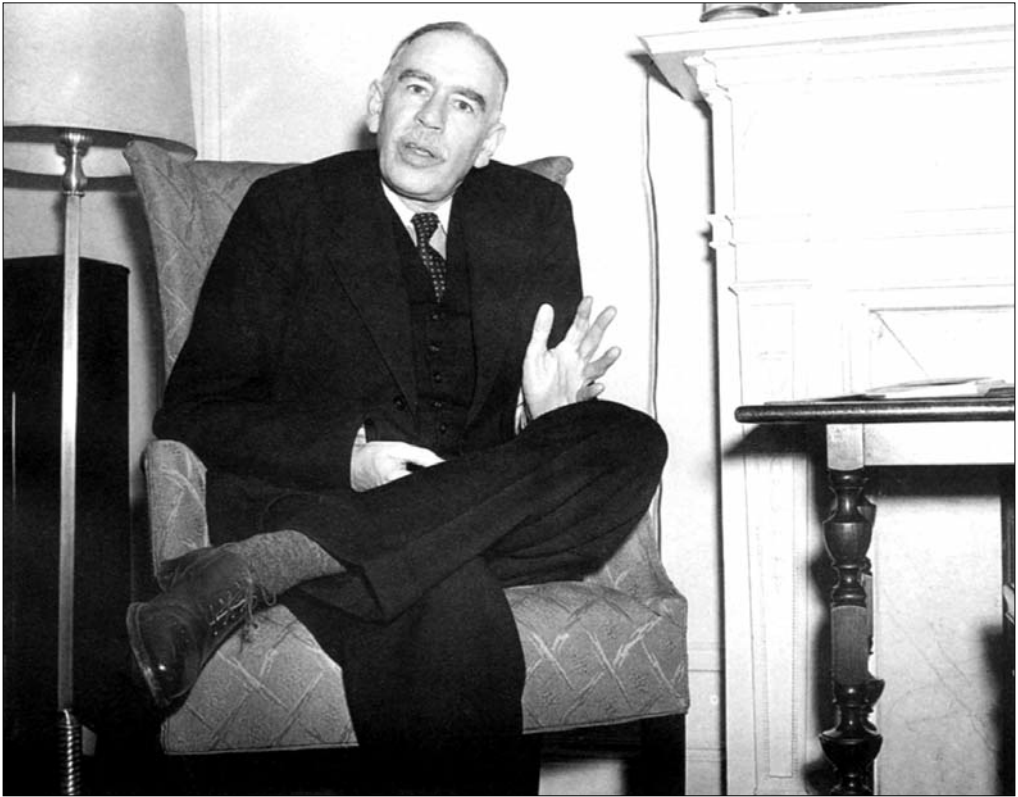
назвать удовольствием от общения с другими людьми или наслаждения красивыми объектами... Именно этим — стремлением к их наибольшему количеству — можно оправдать отправление общественного или личного долга; ...именно они... составляют конечную рациональную цель человеческих поступков и единственный критерий социального прогресса» (*G.E. Moore. Principia Ethica. — Cambridge, 1959. — P. 188–189*). Ценности, являющиеся «благом в себе», суть состояния сознания; поступки — и более широко — поведение — представляют благо только в качестве средства достижения благого состояния сознания.

Этическая доктрина Мура проистекает из многовековой традиции классической и христианской мысли. Согласно Аристотелю, добродетельная жизнь является целью, а не средством для достижения некой иной цели. Ни аскет, обративший взоры к небу, ни скупец, чахнувший над горшками с золотом, ни верный слуга революции — по Аристотелю — ни один из них не живет счастливой жизнью. Хорошая, добродетельная жизнь предполагает *eudaimonia*, то есть счастье или процветание. Она желанна в том смысле, что удовлетворяет основные потребности нашего вида, однако не всегда является объектом устремлений. В силу нашего неблагополучного происхождения или плохого воспитания мы можем не желать того, что в действительности является желанным. Вот в этом и состоит главное различие между Аристотелем и большинством современных мыслителей, включая экономистов.

Если счастливая жизнь является сама по себе целью, она не может заключаться только в работе, потому что труд лишь средство достижения цели. Счастливая, добродетельная жизнь — это жизнь в досуге, не в смысле полного расслабления и потакания своим прихотям, а в таком понимании, что остается время на отдых помимо и свыше того, что необходимо для зарабатывания на жизнь. Для досуга в аристотелевском понимании требуется богатство, так как мы не можем «совершать прекрасные поступки, если нам не хватает для этого необходимого». Концепция Аристотеля откровенно светская. Счастливая жизнь несовместима с крайней бедностью или страданием, и уж во всяком случае она не требует этих испытаний, необходимых с точки зрения христианства.

Хотя аристотелевская теория добродетельной жизни и связана с конкретным временем и местом, она достаточно гибка, чтобы сочетаться с другими этическими концептами, очень от нее отличными. Утверждения, что жизнь является сама по себе благом, что деньги в лучшем случае всего лишь средство, что любовь к деньгам не естественна и ростовщичество презренно, вошли в христианство и составляли его основу вплоть до прихода в XVII веке протестантизма, и в особенности такой его разновидности, как кальвинизм.

Кейнс верно следует этой традиции. К примеру, он отрицает, что желаемое является непременно желательным. По Кейнсу, качество «хороший» представляет собой объективное, неопределяемое свойство вещей, о котором интуитивно известно, что оно присутствует или отсутствует, точно так же, как мы воспринимаем какой-

Дж. М. Кейнс. Вашингтон, 12.05.1941 г.

либо предмет зеленым или желтым, не умея дать определение этих цветов. Мы всего лишь можем не распознать «хорошее», если нам дали неправильное воспитание и образование. Это сближает Кейнса с древнегреческой философией и христианской религией, где все разумные люди имеют интуитивное понятие о том, что является благом.

Кейнс отрицает, что опыт хорошего является обязательно приятным, откуда следует, что стремление получить приятный опыт никогда не может быть этическим. Любовь является источником как удовольствия, так и боли, и то же самое истинно для ярких эстетических и интеллектуальных переживаний.

Как и у Аристотеля, концепция добродетельной жизни у Кейнса «органична»: по меньшей мере такая жизнь хотя бы отчасти разносторонняя. Например, нельзя наслаждаться добродетельным состоянием сознания в присутствии большого страдания или неустрашенности. Поэтому стремление к благу предполагает экономические и социальные меры для борьбы с бедностью, болезнями, невежеством и т.п., а «удовольствие от общения с людьми» требует духовного родства.

Тем не менее Кейнс беспокоился, что если материальные условия жизни будут слишком хороши, это снизит возможность наслаждаться-

ся таким состоянием ума, которое традиционно воспринималось как благо.

Сегодня мы бы сказали, что цель Мура — Кейнса — довести до максимума количество блага на Земле — не может дать согласованного критерия для экономических действий, поскольку люди не могут прийти к согласию о том, что является благом. Экономические теории, следовательно, вынуждены принимать потребности как данность и решать проблему их максимального удовлетворения. Эта социальная установка занимает место цели в нашей моральной вселенной, но не имеет опоры при более широком взгляде на цель жизни.

Любовь к деньгам

Внимание Мура к состоянию сознания как главному критерию блага привело к тому, что Кейнс называл своей «любимой дилеммой» — конфликт между «быть хорошим» и «поступать хорошо, творить благо». То есть этот конфликт состоит в противоречии между добродетельным состоянием сознания и теми состояниями, что необходимы для успешного зарабатывания денег. А проблема состоит в том, как помешать «любви к деньгам», которая является средством достижения блага, уничтожить само понятие о хорошей жизни.

Вслед за Максом Вебером Кейнс определял капитализм не как систему отношений собственности (как у Маркса), а как духовную или психологическую склонность людей к достижению абстрактной выгоды. Положив в основу современной цивилизации стремление к деньгам вместо стремления к товарам, Кейнс оказался провидцем, поскольку при его жизни власть, которую деньги приобрели впоследствии, присутствовала только потенциально. Во времена Кейнса ни воин, ни священник еще не сошли со сцены, а промышленное производство оставалось основным видом экономической деятельности в развитых капиталистических странах.

Осуждение Кейнсом «любви к деньгам» принадлежит прочно установившейся философской традиции, к которой относятся и Аристотель, видевший для добродетельной жизни опасность в стремлении к стяжательству денег как самоценности, и Карл Маркс, различавший «потребительную ценность» и «меновую ценность».

Отправной точкой для Кейнса было утверждение, что деньги сами по себе не имеют пользы, а являются всего лишь средством получить полезные товары. Людям нужны не деньги, а товары. Однако он рассматривал современный ему капитализм не столько как машину, производящую товары, а скорее как машину, производящую наличность: люди приобретают деньги, чтобы получить еще денег. То, что должно было стать средством, подменило собой цель. Правильнее же, писал Кейнс в декабре 1925 года, взвешивать конкретные вещи с конкретными вещами, а не с абстрактными деньгами, «конечная цель которых слабо или вовсе не понимается». «Измерение в денеж-

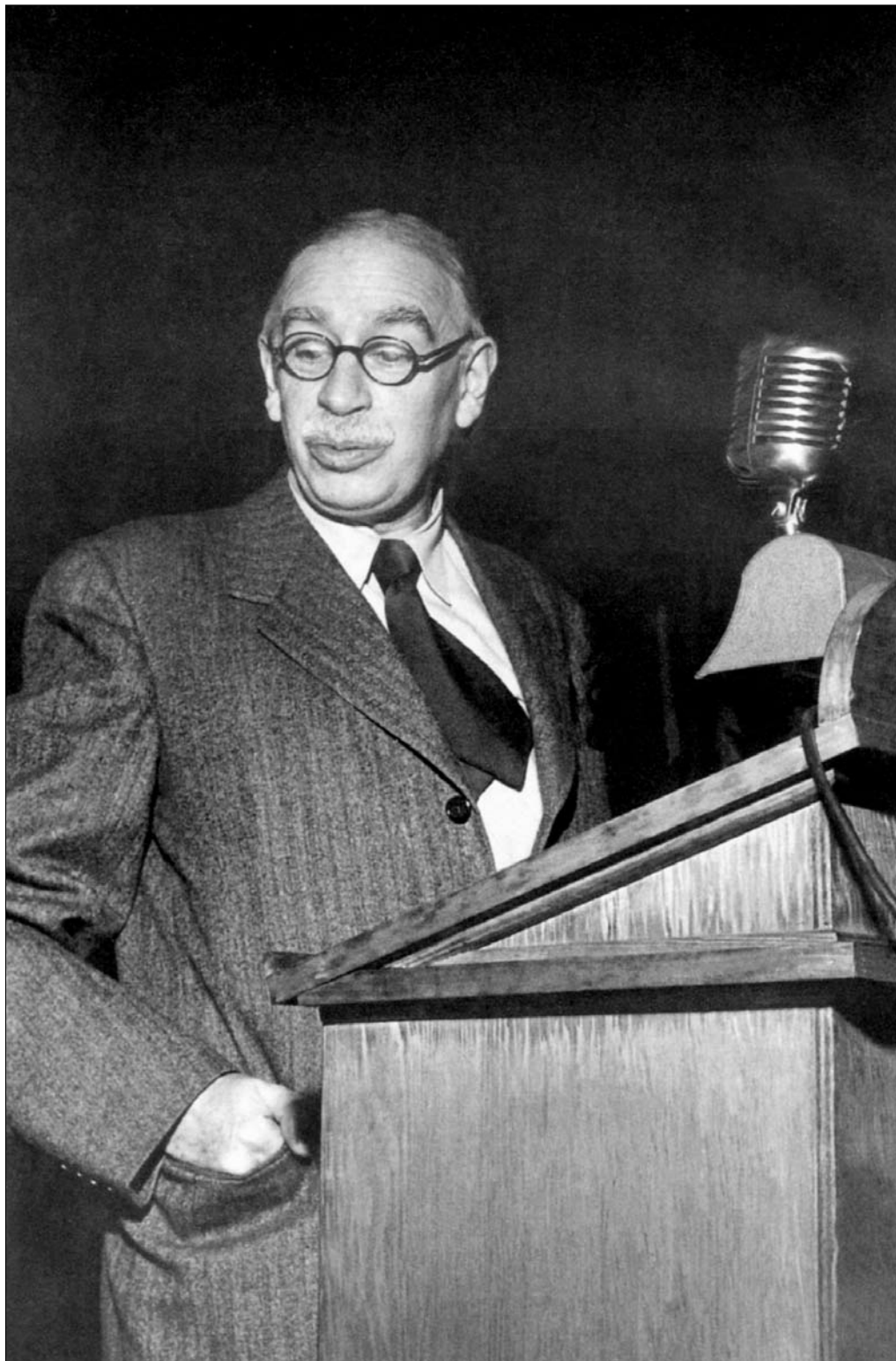
ном выражении приводит к постоянному расширению области, где мы сравниваем конкретные товары с абстрактными деньгами. Наше воображение слишком слабо для выбора; абстрактные деньги его перевешивают. Освящение сбережений опасно склоняет на сторону абстрактных денег. То же самое делает и рост личного богатства». И далее: «Нам в действительности надо чаще находиться в таком расположении ума, чтобы мы совсем не подсчитывали денежную стоимость... Мы хотим снизить, а не увеличить область денежных сравнений» . Со времен Кейнса противная его желаниям тенденция укрепилась: финансовые инновации

Конфликт состоит в противоречии между добродетельным состоянием сознания и теми качествами, что необходимы для успешного зарабатывания денег

сделали акции еще более «абстрактными», оторванными от предприятий, наделивших их ценностью (См.: *Justyn Walsh. Keynes and the Market.* — John Wiley & sons, 2008. — P. 74.).

Одно время Кейнса тешила идея, будто Советский Союз мог обнаружить антидот к «любви к деньгам». И хотя он во многом находил коммунизм отвратительным после посещения СССР в 1925 году, он полагал все же возможным, что советский коммунизм может представлять собой «первые спутанные зачатки новой религии». Значение большевизма, как он думал, было не в его экономике, которая ничего не стоила, а в попытке выстроить социальную систему, в которой осуждалось бы личное обогащение как самоцель и были установлены правовые препятствия, делавшие невозможным стремление к богатству. После еще одного визита в СССР в 1928 году Кейнс неохотно признал, что цена новой веры была слишком высока. Нельзя было наслаждаться добродетельным состоянием ума, если ничто не работало.

Задавшись целью показать, как капитализм, несмотря на его недостатки, мог привести к возникновению условий для хорошей жизни, Кейнс в 1930 году написал футуристическое эссе «Экономические возможности для наших внуков». Главная идея состояла в том, что капитализм приводится в движение неврозом, который он называл «любовью к деньгам», и именно этот невроз является средством к достижению блага, поскольку позволяет достигнуть такого изобилия, при котором деньги станут ненужными. Он полагал, что при ежегодном приросте капитала в 2 %, притом что будет упорядочен рост населения и производительность будет расти на 1 % в год, за три поколения — грубо, через сто лет — прогнозируемое население цивилизованного мира будет иметь уровень жизни в 4–8 раз выше, чем в 1920-е годы. Причем добиться этого можно будет малой толикой от современных ему затрат и усилий — скажем, работая по три часа в день. Решив экономическую проблему, человечество столкнется со своей извечной проблемой — «как жить мудро, хорошо и приятно», под чем Кейнс понимал, что люди смогут

Речь на конференции МВФ в г. Саванна (США): «Никакая злая фея не испортит крестины МВФ». Март 1946 г.

отказаться от своего патологического стремления к «смыслу» и «любви к деньгам» и обменять еще более высокий доход на жизнь, в которой больше места отдыху и наслаждению жизнью (См.: ЖМК, СВ, IX, р. 321–332).

С приходом изобилия «любовь к деньгам» будет рассматриваться как «нечто, вызывающее болезненное отвращение... Люди будут вновь свободно выбирать “надежные принципы религии” и традиционной добродетели... Мы вновь будем ценить цель, а не средства, и предпочтем хорошее полезному».

Давайте задумаемся на минуту над сказанным. Добродетельное состояние ума зависит от того, чтобы люди *не* зарабатывали себе на жизнь. Это обобщение аристократического идеала. Оно восходит к классической Греции и укоренилось в христианском видении вновь обретенного рая. Вспомним, что изгнав Адама и Еву из садов Эдема, Бог осудил их работать.

С точки зрения арифметики Кейнс почти безошибочно предсказал срок накопления богатства, однако отношение к обогащению изменилось менее, чем он ожидал. Хотя реальные доходы выросли почти в четыре раза, продолжительность рабочего времени в Великобритании уменьшилась незначительно и сегодня вновь растет. Экономический рост остается критерием национального престижа. Искусство жить приходит в упадок. Досуг стал означать всего лишь перерыв в рабочем цикле, а в некоторых кругах он совершенно слился с работой. Общение стало возможностью «поработать в сети», отпуск — «подзарядиться». Наша жизнь все больше подчинена какому-то смыслу, не имея при этом конечного смысла (Ричард Лейерд (Richard Layard) суммирует эти данные в работе «Happiness: Lessons from a New Science». Penguin New York, 2005). Уместен вопрос: почему люди в богатых странах все еще занимаются однообразным монотонным трудом, обеспечивая рост экономики? Потому ли это происходит, что капитализму надо постоянно расширять рынки, заманивая рекламой все больше людей в ловушку бесполезного потребления? Оттого ли, что экономисты проигнорировали тот факт, что по мере роста благосостояния общества, так называемые статусные товары — товары, удовлетворяющие не только наши потребности, но и наше стремление получить статус — становятся все более и более желанными? Потому ли, что глобализация сделала изобилие слишком ненадежным и неравномерно распределенным между населением богатых стран, чтобы большинство людей почувствовало, что можно позволить себе уменьшить усилия, затрачиваемые на работу? Или же оттого, что нам не хватает консенсуса в понимании хорошей жизни, во имя которой мы могли бы сказать «довольно»?

Все эти предположения имеют резон, хотя я думаю, что самое важное как раз последнее. Верно, что реклама без устали бомбардирует нас постоянными призывами потреблять, внушая, что счастье состоит в том, чтобы потреблять все больше и больше. Однако самые изощренные маркетинговые техники были бы бесполезны, если бы мы могли сказать: «Нет, мне этого не надо, мне достаточно того, что есть». Но

мы так говорим, потому что нам не хватает такого понимания хорошей жизни, применительно к которой понятия «необходимого», «достаточного» имели бы четкое определение. Именно эта этическая пустота, а не какая-то конкретная материальная сила продолжает крутить колеса производства.

Размышления Кейнса на тему «любви к деньгам» являются связующим звеном между его этической и экономической теорией. Но проблема для него состоит в том, что этика Мура требует относиться к капитализму как к инструменту, механизму быстрого движения от недостатка к изобилию. В противоположность современным мыслителям, исповедующим этику «добродетели», он неохотно устанавливал ограничения на капитализм, опасаясь, что это затормозит движение к его этической утопии. Поэтому приходится мириться со «злом», чтобы достигнуть «добра». Однако жизнь, посвященная ценностям «зла», не может дать входной билет в жизнь «добра». Да и Кейнс сам так не думал. Он пытался справиться с этим противоречием, но не смог разрешить его. По сути, он пытался примириться с издержками капитализма как общественной системы, чтобы как можно скорее решить экономическую проблему.

Справедливость

Справедливость не являлась целью в философии Мура, и сам Кейнс тоже так к ней не относился. Она была средством достижения хорошей жизни. Равно как он не пытался вывести теорию справедливости и из гипотетического общественного договора, как, например, делал Джон Роулз. Скорее, он относился к справедливости как к инструменту, способствующему достижению «довольства» в обществе, и, следовательно, как к *косвенному* средству достижения блага.

Кейнс не был сторонником эгалитарности. Он принимал классический взгляд на справедливость, которая должна быть соразмерной заслугам или вкладу, с аристотелевым выводом, что «ничто не представляет из себя большей несправедливости, чем одинаковое отношение к неравным людям». Отсюда следует, что он не был эгалитарцем. Справедливость — это не вопрос равенства, а справедливая оценка — та, что правильно награждает за талант и усилия. «Совершенно несправедливо и весьма неумно, — писал он, — отторгать кого-то, кто успешнее, опытнее, трудолюбивее, рачительнее, чем в среднем...». И в другом месте: «Я не хочу уравнивать личности, я хочу поощрить всех за исключительные усилия, способности, мужество, характер».

Наиболее важной чертой его мышления было возрождение им идеи «справедливой цены».

В то время понятие «справедливой цены» было сдано в архив экономической науки. Считалось, что цены устанавливает рынок, а не какие-то соображения о справедливости. Однако идея справедливого

обмена была далеко не мертва в умах людей, проявлявших гнев при обнаружении раздутых вкладов, премий и пенсий высшего звена управленцев. Отношение же обществу не столь жестоко, как порой рисуют. Нет враждебности к высокому вознаграждению как таковому: ведь мы не слышим гневных выступлений против гигантских заработков на эстраде или в футболе. Нет враждебности и к деньгам, доставшимся их владельцу по воле случая: кто угодно может выиграть в лотерею или в тотализаторе. Гнев обществу бывает направлен против вознаграждения тех, кто творит зло: банкиров, из-за действий которых банкротятся банки, менеджеров бизнеса, чьи схемы «реструктуризации» предполагают увольнение большого числа рабочих. Люди хотят видеть прямую и понятную связь между заслугами работника и его вознаграждением. И они также озабочены — во времена Кейнса гораздо больше, чем сейчас, — относительным уровнем дохода, определяющим положение в социальной иерархии. Кейнсовское понимание «справедливой цены» имеет два компонента.

*Невозможно, по Кейнсу,
справедливое общество, если основной
целью экономической деятельности
является простое приписывание нулей
в балансовой ведомости в результате
покупки и продажи компаний
и ценных бумаг*

Первый — постоянно поддерживать на низком уровне процентную ставку. Это положит конец «кумулятивной угнетающей власти капиталиста, эксплуатирующего ценность капитала, следующую из его дефицита». Обоснование данной позиции дается следующее:

«Процент сегодня не является вознаграждением за подлинную жертву, точно так же, как и рента на недвижимость и землю. Собственник капитала, таким образом, может получать процент из-за дефицита капитала, точно так же как и владелец земли и недвижимости будет получать за нее арендную плату, потому что земли и недвижимости недостаточно. Но при том, что могут быть внутренние причины, объясняющие ограниченное количество земли и недвижимости, нет внутренних причин для недостатка капитала» (ЖМК, СW, VII, р. 375–376).

Кейнс считал, что ссудная процентная ставка, устанавливаемая рынком, есть главная «несправедливая цена» в экономической системе, и не стеснялся осуждать ее, называя средневековым термином «ростовщичество». Суть его взглядов в том, что процент, взимаемый за ликвидность, возникает из-за сочетания двух причин — объективной неопределенности будущего и психологической склонности к накопительству (или алчности). Это позволяет дающему займы брать с заемщика больше, чем стоит возможность использования им этих денег, и делает возможным, по сути, взыскивать плату за то, что заимодавец расстается с деньгами. В переписке Кейнс говорит, что «это есть ростовщичество — брать с заемщика дополнительную сумму по-

мимо настоящей жертвы заимодавца, что становится возможным из-за слабой позиции заемщика в торге или из-за его крайней нужды». Таким образом, экономические спады были расплатой за грехи, но не за грехи расточительности, как учили классические экономисты, а за грех ростовщичества. Кейнсианская политика, направленная на постоянную поддержку дешевых денег, является просто современным способом применения средневекового законодательства против ростовщичества.

Во-вторых, Кейнс отождествляет справедливость со стабильностью цен, а несправедливость с колебаниями их уровня. Хорошее поведение должно определяться только тем, что хорошо и само по себе, и в отношении возможных его следствий. Однако нельзя ожидать, что люди смогут правильно оценить последствия своих экономических действий, если стандарт оценки постоянно колеблется. «Безработица, тяжелая жизнь рабочего, разочарование в ожиданиях, внезапная потеря сбережений, неожиданно свалившиеся на человека деньги, биржевой делец, спекулянт — все это во многом следствие нестабильности стандарта оценки» (ЖМК, СВ, р. XIV).

Изменение уровня цен сказывалось на сфере распределения, что осложняло отношения между классами. Кейнс считал несправедливым «произвольное» перераспределение богатства и доходов из-за колебаний конъюнктуры, то есть фактора, которого можно было бы избежать при управлении с должной осторожностью. Догадка Кейнса в отношении того, что для наемных работников в действительности важна потеря *относительного* положения, объясняет его исследование поведения их в отношении заработной платы в книге «Общая теория». Справедливость была для него вопросом предсказуемости трудового договора. Экономисты неоклассической школы утверждают, что проблема безработицы возникает только тогда, когда работники страдают «денежной иллюзией». Разумно было бы ожидать, что немедленный пересмотр договора способен решить проблему добровольной безработицы. Новокейнсианцы дают объяснение тому, отчего это не происходит, — слишком высок уровень ожиданий наемных работников. Иначе говоря, безработица сохраняется, пока цены и заработная плата медленно адаптируются к резким изменениям того и другого. Кейнс же иначе смотрел на проблему: он считал, что совершенно гибкие цены и заработная плата, хотя и возможны, но нежелательны, потому что *имеющие обязывающую юридическую силу* условия договора дают вполне разумную возможность принять в расчет неопределенность в настоящем и учесть ситуацию в будущем (См.: Paul Davidson. John Maynard Keynes. — Palgrave Macmillan, 2007. — Р. 88). Если бы политически постоянно поддерживалась полная занятость, то была бы большая стабильность заработной платы и цен, чем мы видим сегодня, потому что снизилась бы неопределенность.

Мысль Кейнса заключается в том, что справедливость цены зависит от ее способности быть мерой затраченных усилий с точки зрения

произведенных вещей, а не произведенных денег. Невозможно, по Кейнсу, справедливое общество, если основной целью экономической деятельности является простое приписывание нулей в балансовой ведомости в результате покупки и продажи компаний и ценных бумаг.

Кейнс и христианство

Размышления Кейнса на этические темы могут быть восприняты как фрагменты религиозной традиции в стадии распада. В письме к Уильяму Темплу, архиепископу кентерберийскому, от 3 декабря 1941 года Кейнс поясняет: «А. Маршалл всегда настаивал на том, что он пришел к экономической теории через (религиозную) этику, и в этом я больше, чем в чем-то еще, являюсь его учеником». Подобное утверждение показалось бы парадоксальным от атеиста, позже охарактеризовавшего самого себя и свой кембриджский и блумсберийский круг как «аморалистов» (ЖМК, СВ, X, р. 446). Однако мишенью Кейнса была не просто мораль, а *общепринятая* мораль той эпохи. В молодости он достаточно верил в людей и в их развитость, чтобы считать, что их можно безопасно освободить от «сдерживающих внешних приличий и традиционных стандартов» с тем, чтобы они следовали «чистым мотивам и верной интуиции по отношению к благу». В кругу Кейнса было принято считать, что в условиях свободы поведение человека будет этически и морально лучше и уж наверняка менее лицемерным, чем позволяла тогда общепринятая мораль.

По мере того как Кейнс становился старше и взрослее, он осознал, что ошибался. В 1938 году, оглядываясь на свои прежние убеждения, он признал, что совершил «катастрофическую ошибку» в оценке человеческой природы; и он, и его друзья игнорировали «безумные и иррациональные проявления безнравственной и злой природы у большинства людей» и зависимость цивилизованного поведения от «правил и условностей, искусно скрытых повсюду» (ЖМК, СВ, X, р. 446–447). В частности, он не мог предвидеть, в какой мере экономика возьмет на вооружение язык морали, сводя более старые идеи долга к обеспечению нужных стимулов для эффективного поведения. В 1934 году Кейнс сказал поэту Т.С. Элиоту, что «он склонен не игнорировать христианство, если будет доказано, что мораль без него невозможна». Он говорил Вирджинии Вульф: «Я начинаю понимать, что наше с вами поколение многим обязано религии наших отцов... Мы уничтожили христианство, продолжая пользоваться его преимуществами» (там же). Это было признанием «одного из великих основных вопросов»: возможна ли в долгосрочной перспективе мораль без религии?

В основном размышления Кейнса об этике и морали вращались вокруг проблемы знания. Именно поэтому он придавал такое важное значение интуитивному, или априорному суждению, рассматривающему цели и средства. Он полагал, что большинство проблем поведения были на самом деле родственными проблемами знания. Как религия, так и наука обещали знание, но в конце концов Кейнс стал рассматривать обещания религии — во всяком случае, для большинства целей общественной жизни — как менее безобидные, потому что они не претендовали, в отличие от науки, на научное знание последствий, которые в действительности по сути своей являются неизвестными.

Этический подход Кейнса предлагает соображения, которые приобрели новую значимость в контексте нынешнего «кризиса капитализма».

Прежде всего, утверждается важность существования идеи хорошей жизни. Без этой идеи экономическая деятельность обречена быть просто стремлением к достижению относительных преимуществ, не имея при этом никакой естественной конечной точки.

Во-вторых, подчеркивается нужность философии экономистам. Кейнс не был экономическим либералом в сегодняшнем понимании этого слова, а был философским либералом: он постоянно размышлял об отношении между экономическими и неэкономическими целями и поведением. Один из самых больших недостатков сегодняшней экономической теории состоит в том, что она стала отраслью прикладной математики, и это отражается на ее преподавании студентам. Кейнс думал об экономике как части человеческого дискурса. Он был, как он сам признавал, «правильно воспитан» для этого. Кейнс стремился сблизить экономический анализ с «простым языком» или «языком здравого смысла», в котором отражено существование многих не определяемых количественно, неясных, но тем не менее полезных знаний о том, как надо думать и как себя вести.

В-третьих, Кейнс заставляет нас задуматься над вопросом, зачем нужна экономическая деятельность. Говоря широко, он верил в этический «оптимум» Парето: материальный прогресс будет увеличивать благосостояние в мире до определенной точки, после достижения которой начинает уменьшаться количество этического блага. Насчет того, когда это произойдет, есть различные суждения. Выступая за государственную поддержку искусства и благоустройства городов, Кейнс выдвигал этические доводы в пользу публичных действий, направленных на формирование как самого спроса, так и его уровня.

В-четвертых, Кейнс оживил идею «справедливой цены».

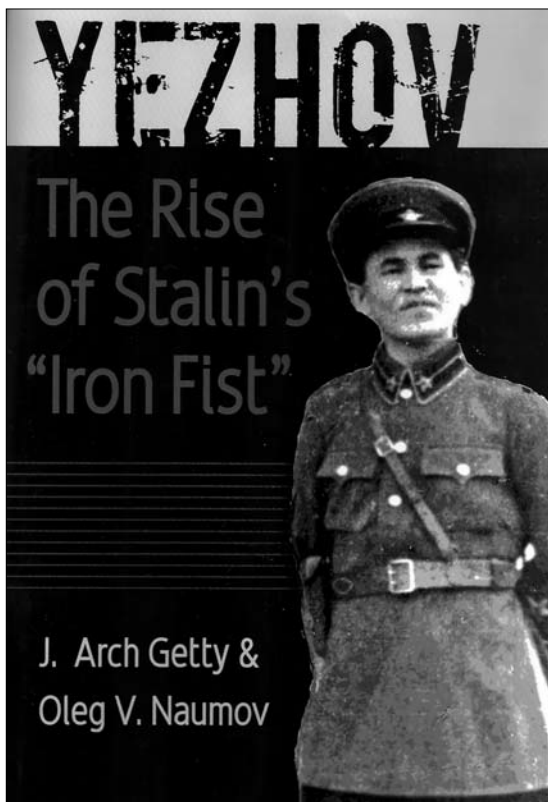
И последнее, он поднял вопрос о том, может ли мораль в долгосрочной перспективе выжить без религии.

При этом легко увидеть, что здесь он, возможно, обманывался. Он постулировал современную капиталистическую экономику, управляемую идеалом Платона и кодексом поведения джентльмена. Но как только джинн капитализма выпущен из бутылки, его нельзя принудить к услужению человеку на основе неактуальной сегодня этики добродетельной жизни и устаревших норм поведения. Счастливая жизнь в классическом смысле предполагает, что у человеческих желаний есть конечная цель, или целесообразность, *telos*, в то время как современная экономическая теория и сама жизнь предполагают, что она недостижима. В отношении поведения Кейнс принимал как должное классовую систему ценностей, в основе которой лежал экономический прогресс. Эти противоречия Кейнс так никогда и не разрешил.

«Нормальный нарком»

Не стану скрывать: к знакомству с очередной западной работой о «сталинизме» я приступал без энтузиазма. Помимо прочих причин, это было обусловлено тем, что за последнее время мне довелось прочитать два исследования, посвященных Николаю Ежову, одному из ключевых организаторов и исполнителей государственного террора 1930-х годов. Масштабностью личности этот персонаж явно не поражал, и перспектива еще раз пройти по личному делу скромного большевика, превратившегося в палача, казалась весьма тоскливой. Однако чтение, поначалу представавшее отправлением добровольно возложенной на себя повинности, очень скоро обернулось тем, что до самой последней страницы я просто не мог оторваться от повествования.

На первой же странице авторы рецензируемой работы сообщают: Ежов сам по себе им не слишком интересен, но вот его стремительное восхождение к власти «способно сказать о советской системе многое» (р. 19). Им вообще не симпатична точка зрения, согласно которой ближайшие сподвижники Сталина были патологическими злодеями с деформированной психикой. Пафос этой книги — в отстаивании прямо противоположной позиции. Преступления сталинизма творили самые обычные люди, простодушные, трудолюбивые и скромные, но очень быстро превращавшиеся в жестоких карателей, если на том настаивала система. Именно этот аспект советского прошлого интересует авторов в первую очередь. А сам Николай Ежов — лишь повод к размышлениям, сосредоточивающимся на структурных особенно-

J. Arch Getty, Oleg V. Naumov. *Yezhov: The Rise of Stalin's «Iron Fist»*. — *New Haven and London: Yale University Press, 2008*. — XXV, 283 p.

стях сталинизма. Кропотливо восстанавливая на основе архивных материалов биографию знаменитого наркома внутренних дел, исследователи убеждают читателя в том, что Николай Ежов был не совсем обычным рабочим парнем: неслучайно в памяти тех, кто знал его до начала политической карьеры, он остался «верным и добрым товарищем, обладавшим острым умом и прекрасным чувством юмора» (р. 33). Но довольно случайное попадание в ряды большевистской номенклатуры сделало из этого весельчака и всеобщего любимца совершенно другого человека.

Упразднив в отвоеванной у «эксплуататорских классов» стране зачатки демократии, большевики вновь вырастили

на расчищенном месте то, что успешно культивировалось в царской России: структуру, основанную на вассальной преданности нижестоящих вышестоящим. Причем теперь «патронаж не был лишь особенностью политической системы; он составлял саму ее суть» (р. 80). Ибо если «правильный» подбор кадров в такой системе играет более значимую роль, чем функционирование институтов, то люди, профессионально занимающиеся персоналом, автоматически оказываются на первых ролях. Именно такой была специализация Николая Ежова: его «всегда бросали на участки, где требовалось особое знание кадровой работы» (р. 121). Он утверждал себя в качестве кадровика, а апофеозом его карьеры на этом поприще стала партийная чистка — проверка партийных документов — 1935 года, во время которой 177 тысяч человек были исключены из партии, а более 15 тысяч из них — арестованы (р. 170).

По словам авторов, как раз это «умение» работать с людьми к 1936 году превратило героя книги во второе после Сталина лицо в партии. Можно ли персонально обвинять его в том, что он творил потом? Едва ли, ведь сам Ежов не создавал правил, по которым ему пришлось играть. «Ответственность — понятие, обладающее довольно узкой аналитической ценностью; она с трудом поддается определению, поскольку целиком и полностью зависит от контекста» (р. 207). Руководствуясь такой методологической предпосылкой, не трудно заключить, что объяснение эксцессов сталинизма перспективнее искать не в личностях, за ними стоявших, а в деформированном этим самым «контекстом» понимании нормальности. В эпоху Большого террора «аресты осуществлялись по цепочкам личных связей, а их целью было выкорчевывание контактировавших с арестованным людей. Когда арестовывали высокопоставленного функционера, следом приходили за его клиентами, назначенцами и друзьями. Ежов заранее был инфор-

мирован о таких связях, ибо по долгу службы знал, кто с кем, когда и где соприкасался, а также чья репутация ранее была подмочена. Он знал, кого стоит подозревать, а кому можно доверять. Этот человек идеально подходил для полицейской работы» (р. 220).

Таким образом, Николая Ежова вынесла наверх — а потом и погубила — отнюдь не его неординарная кровожадность. Он всего лишь более других выдвинутых Сталина подходил для той задачи, на решении которой в конце 1930-х годов настаивала система: это был первоклассный профессионал, искусный кадровик, всегда готовый применить свои познания ради торжества коммунистической идеи. Разумеется, и он инициировал массовые убийства и пытки и даже лично в них участвовал; но в его нравственных координатах, как и в глазах миллионов советских людей, сталинский террор вовсе не выглядел чем-то преступным и недопустимым. Прославившие Ежова «массовые акции» в отношении врагов социалистического государства казались нормой; это была обычная работа, ничем не отличавшаяся от любой другой — разве что чуть более грязная.

Присутствуя на суде над нацистским преступником Адольфом Эйхманом, в начале 1960-х годов похищенным израильтянами в Аргентине и доставленным в Израиль, историк и философ Ханна Арендт предположила, что за самым чудовищным террором стоят вполне обычные люди, а не монстры. Занимаясь своей кровавой деятельностью, они оставались вежливыми, любили свои семьи, интересовались музыкой или живописью.

Ужас любого массового террора лежит как раз в этой нормальности зла, и новая биография «сталинского сокола» Николая Ежова в очередной раз, на мой взгляд, лишь подтверждает это правило.

Андрей Захаров

Региональное книжное обозрение

Панкевич Н.В. Модели федеративного устройства: закономерности политической трансформации. — Екатеринбург: Уральское отделение РАН, 2008. — 194 с.

С недавних пор российский федерализм стал научной темой, которую прочно узурпировали юристы. Это произошло после того, как федерация в России в последнее десятилетие утратила всякую жизнённость, превратившись в мертвую, окостеневшую, пустую формулу. Перестав быть механизмом сложного и деликатного согласования интересов политических и экономических акторов, российский федерализм оказался сугубо формальным понятием: из него ушло политическое содержание, хотя правовая оболочка по какому-то недоразумению осталась. Эту безжизненную формулу с вожделением изучают специалисты в области права; многим из них по-прежнему кажется, что Россию можно отнести к разряду федеративных государств только потому, что такое самоназвание применяется в нашей конституции. Что же касается политической науки, то она, как мне казалось, надолго утратила к отечественному федерализму всякий интерес: о нем просто перестали писать из-за бесперспективности темы.

Именно поэтому, наткнувшись на свежую монографию о федерализме, вышедшую из-под пера политолога, я испытал определенный душевный подъем. И, надо сказать, в итоге не был разочарован. Наталья Панкевич, кандидат политических наук и научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения РАН, написала очень хорошую работу о политических принципах функционирования федеративной государственности. Предлагаемой ею модели присущ не только универсализм, но и хороший эвристический потенциал, поскольку она позволяет, на мой взгляд, трезво и объективно оценить ту политическую неудачу, которая постигла отечественный федерализм в минувшие годы.

По мнению автора, правовая централизация или децентрализация в развитии федеративного государства есть явление вторичное. Если те или иные представители политической элиты, действующие на федеративном поле, предлагают вдруг сломать привычные правила торга и компромисса, отличающие федерацию, и с энтузиазмом обращаются к выстраиванию «вертикали власти», то объяснять такие вывихи нужно не только их злой волей. Дело в том, что «федеративные модели являются не столько формой организации территориальной

структуры государственной системы, сколько *дистрибутивным механизмом*, определяющим характер циркулирования в этой системе особо востребованных и значимых ресурсов» (с. 31). Озабоченность распределением ресурсов — это удел элит, и потому федерализм в описании Натальи Панкевич предстает исключительно элитным феноменом. Функциональная и территориальная интеграция элитных групп предопределяет динамику нормативного распределения ресурсов между уровнями управления, а эта динамика, в свою очередь, задает общую архитектуру федерального государства. Распределение ресурсов может быть конкурентным или не конкурентным, и за этим различием стоят разные модели федерализма. Если в силу исторических, экономических или политических обстоятельств элитные группы в стране предельно интегрированы, то тогда выстраиваемая ими федерация будет очень похожа на унитарное государство.

Разумеется, в число конкурентных моделей Российская Федерация не попадает. Ее прототипом была федерация советская, которой в книге уделяется пристальное внимание. И это правильно: мы не сможем понять странности современного российского федерализма, не обращаясь к его советским истокам. Анализируя элитную динамику постсоветской России, автор показывает естественную трансформацию сецессионной модели первых лет российской государственности сначала в дуалистическую модель позднего Ельцина, а потом и в вертикальную модель раннего Путина. Состоявшееся у нас на глазах слияние трех типов элит — административной, экономической и партийной — под эгидой федерального уровня управления довольно четко предопределяет развитие российского федерализма в обозримой перспективе. «Радикально уменьшая сферу региональной автономии, федеральный центр не просто централизует федеративную систему, но и фактически ставит вопрос о ее реальности» (с. 176). Кроме того, не стоит забывать о печальной судьбе Советского Союза, построенного, по сути дела, на тех же основаниях. В конечном итоге, книга Натальи Панкевич лично мне напомнила именно об этом бесславном крахе государства, тоже называвшегося федеративным, но так и не сумевшего стать настоящей федерацией.

Андрей Благовещенский

Татьяна Тагиева. О свободе совести, правах человека и человеческом достоинстве. — Екатеринбург: «Открытое общество», 2008. — 302 с.

Автор книги Татьяна Тагиева, кандидат юридических наук, известная правозащитница из Екатеринбурга и руководитель местного Центра поддержки гражданских инициатив «Открытое общество», отмечает, что «сегодня в России думать, говорить и писать о достоинстве человека и свободе совести не модно, а защищать эти ценности — значит рисковать быть обвиненным в экстремизме, антипатриотизме или непонимании существа современной жизни» (с. 10).

Действительно, в последнее время все чаще задумываешься над тем, что происходит с нашим обществом, с людьми. Складывается впечатление, что сегодня многие, особенно в правящем классе, понятия «права человека», «достоинство», «свобода совести» ассоциируют с анархией и экстремизмом. Наверное, поэтому так тяжело гражданам, имеющим свое, отличное от принятого кем-то «наверху» понимание происходящего в стране, добиться, например, разрешения для проведения публичных акций и мероприятий. В большинстве регионов руководство попросту игнорирует положение федерального закона о том, что проведение мероприятий носит не разрешительный, а уведомительный характер.

Все больше становится тех, кто видит в реванше, сведении счетов и нанесении ответного унижения единственную возможность компенсации собственного унижения

Впрочем, регионы смотрят на то, как поступает центр. А в центре, судя по всему, на такие «мелочи» не обращают внимания. Изменения в выборном законодательстве фактически лишили граждан полноценного права выбора. Правящий класс напрочь забыл, что «единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ» — это из Конституции — и «никто не может присваивать власть в Российской Федерации. Захват власти или присвоение властных полномочий преследуется по закону». Именно народ — «единственный источник власти» — в нашей стране, практически полностью отодвинут от управления государством. Это ли не пренебрежение правами человека и свободой совести?

Поэтому автор книги замечает: «Мало, кто задумывается о том, что глубинное “стратегическое” пренебрежение этими ценностями разрушает ткань истинно человеческих отношений, раскалывая общество на бесконечное число групп маргиналов всех сортов и расцветок, лишая страну достойной элиты, благосостояния и перспективы устойчивого развития, погружая ее в мерзость тотальной коррупции» (с. 11). Все эти процессы происходят «на фоне стремительного обнищания большинства населения, что делает вопрос защиты свободы совести вторичным для общества в контексте актуализации борьбы за элементарное выживание».

Необычно и интересно в книге проводится анализ достоинства личности. Сопоставляя высказывания российских правоведов, специализирующихся в этой области, определения в толковых словарях, правовые аспекты Всеобщей декларации прав человека, Т. Тагиева использует подход «от обратного» и раскрывает содержание понятия «унижение достоинства человека». Согласно теории Д. Смита, пишет она, «унижение — это прямая атака на достоинство человека, его идентичность. Такая атака как бы говорит нам: “Роль, которую вы исполняете, не ваша. Она слишком хороша для вас, и мы ее отберем”. Унижение морально подавляет, лишает уважения к самому себе, способности действовать» (с. 36).

Люди реагируют на унижение по-разному, продолжает свой анализ автор. Они «испытывают чувство обиды на личность, группу или общество, представляющиеся ответственными за унижение. Но это скорее пассивная реакция, она чревата последствиями, готовыми активизироваться. Более активная реакция — противостояние тем, кого потерпевший обвиняет в унижении. В основном она принимает форму отрицания и скрытых действий, например, злословия, актов скрытого саботажа. И еще более активная реакция выражается в реванше, сведении счетов путем нанесения ответного унижения» (с. 37).

Естественно, каждому человеку очень важно придерживаться высоких моральных качеств и уважать себя. Если человека вынуждают поступаться своими принципами под определенным давлением и заставляют совершать поступки, после которых он перестает уважать себя, именно это действие над собой он не простит никогда. Но в силу того, что правовое поле, законодательство и судебная система у нас, мягко говоря, несовершенно, человек подвергается унижению на каждом шагу. И с каждым днем все больше становится тех, кто видит в реванше, сведении счетов и нанесении ответного унижения единственную возможность компенсации собственного унижения. Несомненно, что такое состояние общества содержит деструктивный потенциал, лишает его шансов на успешную модернизацию. Поэтому нельзя не согласиться с выводом автора о том, что «сегодня прогрессивные реформы в России следует начинать с противодействия процессам, которые делают унижение человека общепринятой практикой» (с. 41).

Несмотря на критическую тональность, автор выражает надежду, что «руководство страны и наше общество обладают достаточным культурным, интеллектуальным и волевым потенциалом для того, чтобы современная Россия стала не анклавом тоталитаризма, ксенофобии и коррупции, а заняла место одного из лидеров мирового прогрессивного развития». И напоминает Максиму Цицерона: «Мы можем стать реально свободными только тогда, когда станем рабами закона». Если, конечно, закон не поставит себя выше права...» (с. 251).

Книга Т. Тагиевой очень четко структурирована. Она разделена на ряд глав, состоящих из разделов. Каждый раздел имеет свое название и эпиграф, а в конце раздела собраны и выделены основные его тезисы. Поэтому читателю легко ориентироваться в содержании каждой главы и раздела.

В Приложениях помещены «Краткий самоучитель» и «Словарь терминов», помогающие усвоению материала.

Людмила Савочкина

(Саратов),

помощник депутата ГД,

председатель регионального Совета общественного движения в поддержку семьи, материнства и детства «Лучик надежды»

История через повседневность

*Как основы, заложенные
230 лет назад, работают
в США по сей день*

1.

«Общественную парковку в лесу ликвидировать» — под занавес своего заседания вынес решение муниципалитет небольшого городка в штате Калифорния. Что тут началось... Немедленно жители составили петицию, под которой собрали порядка 700 подписей при населении в 15 тысяч человек. После чего инициативная группа отправилась на заседание муниципалитета, где сообщила депутатам, что своим решением они нарушают права граждан на прогулки, на зону рекреации, на свежий воздух, который необходим жителям со слабыми легкими. Не говоря уже о том, что людям стало негде выгуливать собак! Депутаты выслушали горожан и... отменили свое прежнее решение. Парковка осталась, а жители разбрелись по своим делам.

Эта вполне обычная американская история необычна для российского гражданина, пожалуй, сразу всем. Начиная с фразы «парковка в лесу» — да, в США есть леса частные и общественные; если он общественный, в нем будет разметка для стоянки машин, урны, туалеты, места для пикников и тропинки для любителей дикого отдыха. И заканчивая «депутаты выслушали протест и отменили свое решение».

...И в Америке, и в России придается особое, прямо-таки сакральное значение понятию «справедливость». Но если в России оно, скорее, метафизическое, то в США — самое что ни на есть практическое. Русские на справедливость уповают как на чудо; американцы знают, что справедливости они добьются сами, своим действиями.

В расхожем представлении среднестатистический американец — это такой не в меру улыбающийся увальень в шортах и с гамбургером. Но стоит покушаться на законные права этого «увальня» или нанести вольно или невольно обиду его соседу, которую он сочтет несправедливой и угрожающей (пусть и в далеком будущем) ему самому, он мгновенно превращается в настоящего американца, готового постоять за себя, свой городок, свои права и свобо-

*Светлана Бабаева,
руководитель
представительства РИА
«Новости» в Вашингтоне*

Джон Эхерн. С почетом к народу Бронкса (нечто на Келли-стрит I). 1981–1982

ды, о которых он осведомлен очень хорошо. Это — генетическое, оно впитано с детства, и в этом американец в корне отличается от своего российского собрата: американец не будет терпеть.

Примечательный документ Конвента штата Массачусетс, 1780 год: «Политический орган формируется добровольным союзом индивидуумов; это общественный договор в соответствии с которым весь народ берет на себя обязательства по отношению к каждому гражданину и каждый гражданин по отношению к всему народу; о том, что все должны подчиняться определенным законам во имя всеобщего блага. Поэтому обязанностью народа при учреждении формы правления является обеспечение справедливого порядка принятия законов, так же как их беспристрастное толкование и добросовестное исполнение, чтобы каждый человек мог в любое время с их помощью защитить себя».

И люди защищают себя. Причем любопытно, что подобное отношение применимо как к повседневной жизни, так и к «высоким» политическим материям.

2.

...Когда почти 230 лет назад отцы-основатели США закладывали новое государство, они не просто стремились избежать европейских институциональных перекосов (авторитарных монархий или хаоса, который почти неизбежно следовал за выплеснувшимся на монарха недовольством). Они пытались заложить такие основы, которые позволят взрастить гражданина, ответственного за свою страну и среду обитания, который в свою очередь обеспечит системе стабильность и одновременно гибкость. Их знаменитые парадигмы жизни можно прочесть и сегодня на долларовой купюре: “Novus ordo seclorum” и «E pluribus unum» — «Новый порядок на века», «В многообразии единство».

Безусловно, на то были причины исторического момента и особенности американского континента. Так, Конституция составлялась как документ, объединяющий самостоятельные, можно сказать, суверенные штаты. Ведь «штат» и «государство» в английском произносятся одинаково — state, и США могут быть переведены как «Объединенные Государства Америки». Именно так: сначала штат, затем — сообщество штатов. Вот как Томас Джефферсон объяснял это в 1800 году: «Каждый штат независим во всем, что касается его самого, и объединен в союз относительно всего, что касается других стран и народов».

Но была и другая причина — сообщество разных людей, желающих в повиновении оставаться свободными. Это закладывало главный принцип организации институтов власти и общества — добровольность.

«К чему приводит принуждение? Одна половина человечества превращается в дураков, а другая — в лицемеров», — уверенно замечал Джефферсон в «Заметках о штате Виргиния». И до сих пор принцип «через самостоятельность каждого — к единству нации» порождает многие правила жизни.

Однако был еще один момент...

3.

Стоит отметить, что отцы-основатели считали людей не столько добродетельными, сколько рациональными. «Как обезопасить добро и исправить зло — вот в чем состояла трудность», — описывали они процесс создания институтов в новом государстве. И здесь снова уместно вернуться к Джефферсону, потому что именно ему принадлежит один из принципов, который был заложен в американскую модель власти и общества и придал ей ту стабильность, которую можно наблюдать до сих пор. В 1787 году в письме Джеймсу Мэддисону, потом дважды избравшемуся президентом США, он задавался вопросом: «Скажите, когда лучше сохраняется мир в стране — когда придадут больше энергии и власти правительству или когда народу дают необходимую информацию, когда его убеждают?..». И сам отвечал: «Дайте образование и информацию всей массе народа. Сделайте людей способными видеть, что сохранять мир и порядок в их интересах, и они сохранят их».

Как итог: американцы привыкли быть погруженными в информацию, которая поясняет, что делается, почему, какие результаты и когда они должны быть. Иными словами, первый принцип системы — знание, информированность. Это то, что еще 170 лет назад Алексис де Токвиль описал так: «Слепые инстинкты вытесняются осознанием своих интересов».

«Однажды в России к нам на улице подошел милиционер и сказал, что тут стоять нельзя, отойдите, — рассказывает одна американка. — Я тут же спросила его: «Почему?» — и на лице его отразилась растерянность. Он не привык, когда ему задают вопросы. В Америке же любое действие вызывает вопрос «почему» и требует объяснений. Поэтому у нас все привыкли объяснять или требовать объяснений».

Это свойство социума — знание или информированность — порождает вторую неотъемлемую черту американца: уверенность в том, что если что пойдет не так, можно на это повлиять и это исправить. Как сказал один из граждан США, «само знание, что на ситуацию можно влиять, делает людей более ответственными. Они просто стараются не создавать ситуаций, которые впоследствии необходимо менять, потому что негативные последствия их столь значительны, что могут оказать влияние уже на весь процесс».

В некотором роде принципы создания американского государства уникальны. Они закладывались в эпоху, когда еще не было опыта существования современных демократий. Все, чем могли руководствоваться отцы-основатели, — Английская буржуазная революция и предреволюционная Франция. Однако они смогли предусмотреть и заложить в систему такие «сдержки и противовесы» (в английском это называется «checks and balances»), что политические институты прошли проверку временем, несколькими войнами, колоссальными волнами иммигрантов, несомненно, привнесшими свою специфику, поскольку принадлежали уже к иным культурным, религиозным сообществам, имели иные по сравнению с первопроходцами причины для переезда в Америку. Однако сис-

тема менялась, оставаясь неизменной в своей сути; она не только не приблизилась к угрозе развала, но в итоге смогла преодолеть множество перекосов, сопровождавших ее на разных этапах существования американского государства.

4.

В этой связи, в частности, примечательна эволюция роли и веса президента в системе американских институтов. По сути, значимым пост президента стал лишь спустя полвека

*Независимость законодателей,
действующих по собственному усмотрению,
и есть та цена, которую демократия
платит за независимость их взглядов*

после образования нового государства. Инициатором усиления роли президента стал Эндрю Джексон, чем, надо сказать, немало разозлил конгресс, бывший до того главным источником и сосредоточием власти. Однако затем — за исключением периода президентства Линкольна и Гражданской войны — она вновь «просела» почти на 60 лет. Почти до начала XX века Белый дом занимали хозяева, которые не запомнились ни своим величием, ни масштабом. Это, конечно, не означает, что Бенджамин Харрисон или Джеймс Гарфилд не внесли определенный вклад в развитие США. К примеру, именно Харрисон подписал знаменитый антитрестовский закон Шермана (о нем речь ниже), а Гарфилд был одним из выдающихся конгрессменов-республиканцев своего времени, хотя как президент успел мало, поскольку через 4 месяца после вступления в должность был убит, став таким образом вторым из четырех президентов США, погибших от рук убийц... Однако даже не каждый американец с ходу назовет их фамилии, не говоря уже о жителях других континентов.

Возрождение президентской власти началось с Теодора Рузвельта и началом выхода США на мировую политическую сцену. Да, именно не со Второй, а с Первой мировой войны Соединенные Штаты начали заявлять о себе как о державе, желающей влиять на миропорядок. Реалист Теодор Рузвельт и романтик Вудро Вильсон закладывали основы нового мирового положения Америки...

Но что любопытно — баланс ветвей власти и политическая культура общества были продуманы и заложены столь тщательно, что даже самые сильные фигуры президентов не смогли поколебать это. Иллюстрируя это утверждение, можно привести два характерных примера.

Первый — срок президентских полномочий. Когда писалась американская Конституция, ее авторы много спорили о том, на сколько должен избираться президент. Одни говорили про шесть лет, другие — про один 7-летний срок. В конце концов остановились на восьми: максимум два срока по четыре года. А Вудро Вильсон, пишет историк Артур Шлезингер в своих «Циклах американской истории», чуть позже добавил: шестилетний срок

слишком долгод для плохого президента и слишком короткод для хорошего.

В Конституции так и не было закреплено соответствующее положение. Однако ни один президент не остался на своем посту более 8 лет. Исключение — Франклин Делано Рузвельт, скончавшийся в 1945 году, когда он занимал президентское кресло в четвертый раз. В 1947 году конгресс инициировал изменения, ограничившие срок президентства; в 1951 году 22-я поправка к Конституции была ратифицирована штатами. Известно, что Капитолий инициировал изменения уже после смерти Рузвельта, однако руководствуясь именно его примером. Впрочем, есть иное объяснение: конгресс сделал это как бы в пику покойному Рузвельту, который в период Великой депрессии заставил Капитолий принять несколько законов, от которых сами конгрессмены и сенаторы были далеко не в восторге.

Пример второй — роль и своеобразие конгресса, которые, к сожалению, в России понимают единицы, сравнивая его с Госдумой или Советом Федерации и допуская тем самым роковую ошибку.

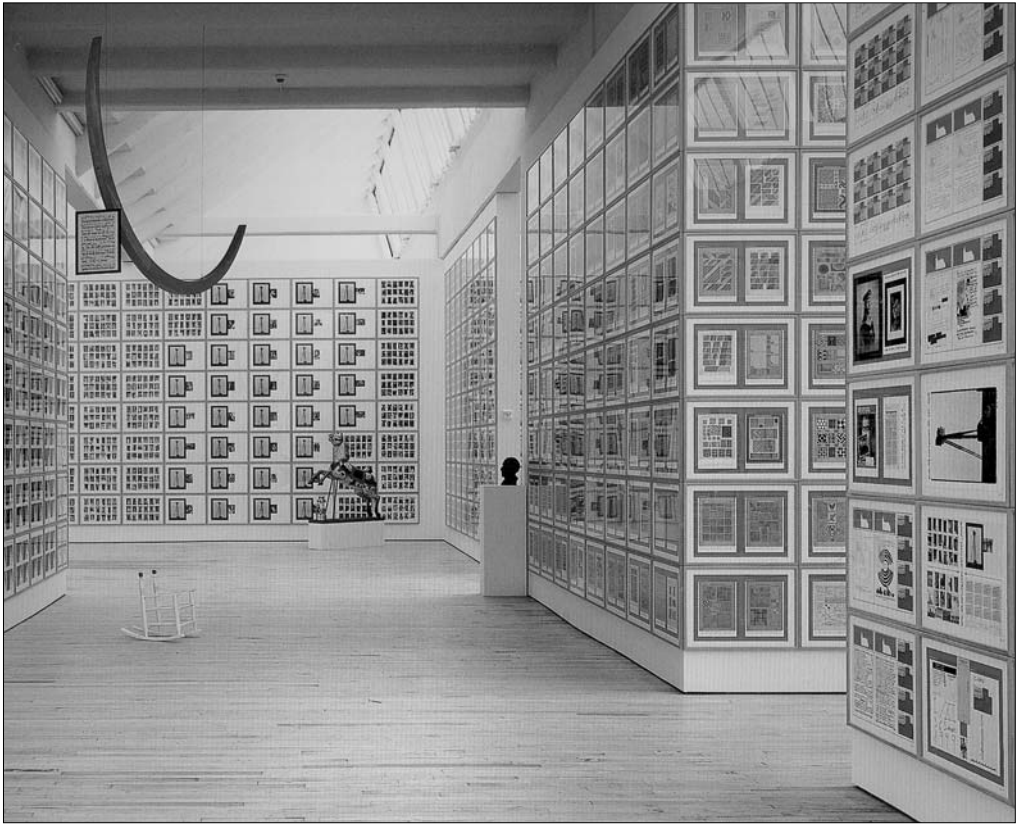
Капитолий, возможно, и был зол на Рузвельта, однако, напоминает Артур Шлезингер, далеко не все свои инициативы президент смог реализовать, именно в силу противодействия конгресса. «Планы, на которые Рузвельт возлагал самые большие надежды, как, например, план реорганизации Верховного суда или законодательство о дискреционном нейтралитете, были отклонены конгрессом», — пишет историк. А ведь большинство в конгрессе в тот момент принадлежало демократам, то есть партии Рузвельта. Как замечали наблюдатели еще в начале XIX века, «можно ли ожидать мудрых и независимых решений от законодателей, которые творят законы с завязанными глазами по указке одного человека?»

Это другая особенность конгресса, которую знают американские историки, но не знают российские политики: в конгрессе никогда не было строгой партийной дисциплины. Американцы поясняют: «Независимость законодателей, действующих по собственному усмотрению, и есть та цена, которую демократия платит за независимость их взглядов».

5.

Именно поэтому, смотря на Капитолий из России, так трудно подчас понять подоплеку трудностей, скажем, с отменой пресловутой поправки Джексона — Вэника. И хотя формально она давно не применяется, только ее полная отмена (а не ежегодная приостановка «вручную») позволит наделить Россию нормальным статусом внешнеэкономического партнера США.

Почему до сих пор этого не произошло? Российские политики, сводя все к фигуре президента, по большей части склонны винить хозяев Белого дома. Однако совершенно не принимается в расчет два фактора. Первый — возможности президента влиять на конгресс сильно ограничены, потому что — и это второй фактор — конгрес-

Ханна Дарбовен. История культуры, 1880–1983. 1980–1983

смены и сенаторы руководствуются прежде всего интересами избирателей округов, от которых они и пришли в конгресс.

Дебаты даже по самым актуальным внутренним темам американской жизни, в частности по обсуждаемой сейчас в США реформе здравоохранения, хорошо показывают, какие тяжелейшие консультации ведутся как между Белым домом и Капитолием, так и внутри самого конгресса, какие компромиссы и размены происходят. То же касается и международных отношений.

Наконец, есть третий фактор. Он относится к международной политике в целом. Действительно, президент может и регулярно использует свой политический вес для убеждения конгрессменов и сенаторов проголосовать за ту или иную его инициативу. Однако политический капитал не безграничен, и каждый раз президенту приходится соотносить плюсы и минусы лоббируемого решения. Что важнее — ратифицировать какое-нибудь соглашение, например, с Испанией или Францией, чтобы тем самым добиться от них большего участия в деле расселения узников Гуантанамо и увеличения их активности в Афганистане, или провалить отмену поправки Джексона — Вэника для России, особенно в ситуации, когда сама Россия говорит, что ей нынче важнее таможенный союз с Казахстаном и Белоруссией? И такой выбор возникает перед американским

президентом ежедневно: что более приоритетно — увеличить ассигнования на военные разработки или сократить затраты на ПРО; добиться нового торгового соглашения с Колумбией или соглашения по мирному атому с Россией; убедить конгрессменов направить дополнительные средства в Афганистан или ратифицировать договор о запрещении ядерных испытаний? Россия в этом процессе — фактор, но не приоритет.

Здесь необходимо добавить, что Соединенные Штаты прошли разные периоды в своем развитии. Было время господства трестов, финансово-промышленных империй Моргана и Вандербилта, подкупа чиновников исполнительной власти и манипулирования законодателями с целью склонить их к решению, скажем, о строительстве ветки железной дороги по определенному маршруту, что частенько случалось в последней трети XIX века, или о выделении субсидий на строительство городской и портовой инфраструктуры, что более свойственно было середине XIX века. Однако в то же самое время был и антитрестовский закон Шермана, и последовавшие за ним шаги администрации Рузвельта по ограничению влияния «олигархов» на власть, а власти, в свою очередь, — возможностей обогащаться за их счет. В исследованиях о тех десятилетиях детально описаны шаги правительства по дроблению трестов (в сегодняшней терминологии — холдинговых компаний), повышению прозрачности госзакупок, ограничению пожертвований в избирательные фонды. Из более свежих примеров — скандал и отставка губернатора штата Иллинойс Рода Благоевича. Америка не допускает, чтобы нарушение становилось системным, а отклонение от нормы превращалось в повседневность жизни, о которой все знают, но ничего не предпринимают, чтобы ее исправить.

6.

Закладывая как одну из основ американской системы принцип выборности, отцы-основатели вместе с тем понимали, что нельзя его идеализировать, как и выборы вообще. Они говорили об опасности «выборного деспотизма» — это когда народные избранники выходят за рамки полномочий, «не встретив эффективного сдерживания и противодействия со стороны остальных». Поэтому внимание уделялось не только выборам, но и сбалансированности и сменяемости представителей ветвей и уровней власти, а также их постоянной подотчетности тем, кто наделил их правом устраивать жизни других.

Американцы исходят из того, что представители власти каждодневно должны доказывать своим гражданам правильность, эффективность и своевременность своих действий, тем самым подтверждая свое право находиться во власти. Власть должна убеждать, а не ставить в известность; разъяснять, а не великодушно информировать. Подтверждения этому встречаются ежечасно — от жестких политических баталий, правильным ли было, скажем, решение ограничить бонусы директорам компаний и не увлеклось ли правительство вмешательством в экономику, до громогласных заявлений конгрес-

сменов о том, что Обама вконец разрушит систему здравоохранения в стране.

Здесь надо вернуться немного назад и еще раз сказать о том, какую роль играет в американском обществе информация. Она проникает буквально отовсюду — со страниц газет, с экранов, а теперь из блогов, чатов, «твиттеров» и «фейсбуков». Последними достижениями сетевых коммуникаций в США пользуются отнюдь не только тинэйджеры, но и министерства, исследовательские центры, СМИ, Белый дом. Человека окружают дискуссии, дебаты, акции протеста и солидарности; от него повсеместно ждут мнения и обратной связи. Магазины, например, награждают покупателей бонусом в 20–50 долларов, если они отвечают на анкету о качестве обслуживания, а собственных продавцов поощряют на основе доброжелательных отзывов клиентов. И все это тоже работает на формирование у человека активной, а не выжидательной позиции. Как писал Маркес в «Осени патриарха», «люди тем больше боятся, чем меньше понимают».

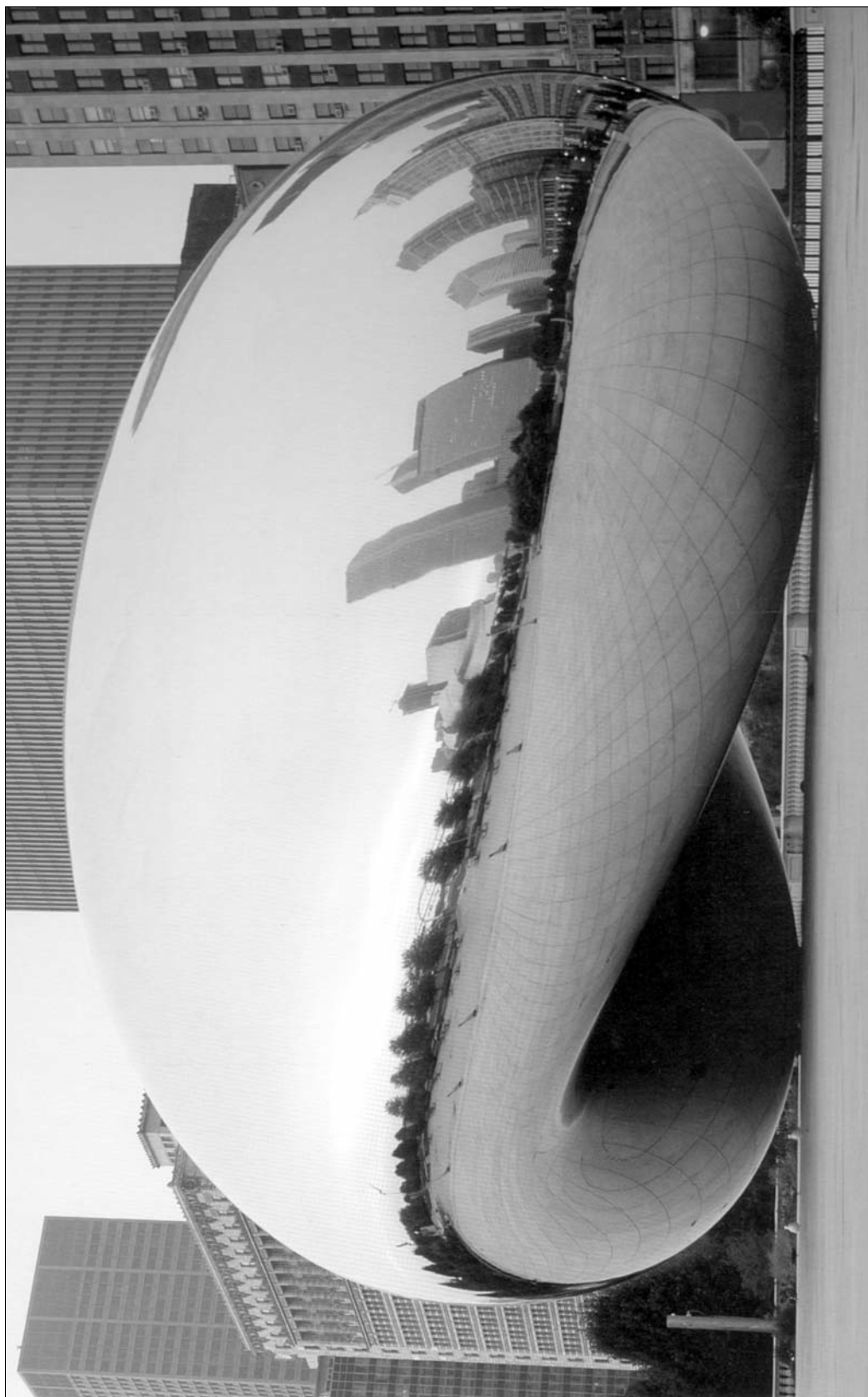
*Американцы исходят из того,
что представители власти каждодневно
должны доказывать своим гражданам
правильность, эффективность
и своевременность своих действий,
тем самым подтверждая свое право
находиться во власти*

7.

Свобода слова раскрепощает и одновременно дисциплинирует. «Если знаешь, что завтра это может появиться в газете, десять раз подумаешь, делать это или нет», — говорит один бывший сотрудник американского правительства. Но формируя среду взаимной ответственности, осведомленности и дисциплины, свобода слова в США имеет еще одно чрезвычайно важное следствие: она лишает власть ореола сакральности, превращая власть имущих в людей, временно занимающих высокую социальную позицию, но и только. Даже в разгар массовой экзальтации по поводу избрания на пост президента Барака Обамы многие американцы говорили: «Не справится — через 4 года переизберем».

В США к власти могут относиться с уважением, но никогда — с подострастием. «Нелепая мысль о недопустимости критики президента... чревата пагубными последствиями, — замечал Артур Шлезингер. — Президент, как и любой другой гражданин нашей страны, должен словом и делом подтверждать свое право на уважение».

По этой причине американцы никогда не поймут, как можно было буквально за два месяца внести изменения в Конституцию, которые меняют всю конфигурацию политической системы России, увеличив срок президентства на треть. Решение, последствия которого еще никем в России не осознаны, но нет сомнений, что они будут весьма значительными.

Аниш Капур. Облачные врата (Чикаго). 2004

...Несколько десятилетий назад один из Верховных судей США предостерег: не нужно «смешивать постоянный орган исполнительной власти с человеком, временно его возглавляющим». Потому что «если меры администрации внушают доверие, для их осуществления не следует радикально менять Конституцию».

...Во многих своих политических, социальных и даже бытовых проявлениях американская нация гораздо более прямолинейна и истова, чем европейцы. Она более активна и деятельна (по некоторым подсчетам американец работает в среднем в год на 350 часов больше, чем европеец), она часто более рельефна в выражении своего одобрения или неодобрения. Это касается всего — от отношения к президенту (вспомнить ту же «обамаманию» или не прекращавшуюся последние годы критику республиканцев) до отношения к здоровому образу жизни; от полицейских, преследующих нарушителя (происходит точно так, как показывается в американских фильмах), до работников таможни, досматривающих багаж авиапассажиров. Она подчас парадоксальна в своих предпочтениях. Например, американцы с большой готовностью принимают однообразие в том, что касается быта, — сетевые магазины или закулочные по стране с единым ассортиментом и строго ограниченным набором неказистых блюд, но при этом совершенно не готовы к подобному однообразию в своей избирательной системе. Оттого правила голосования могут различаться не только от штата к штату, но даже от графства к графству. Вашингтонец, приехавший на Аляску, с радостью обнаружит названия улиц на таких же зеленых табличках, что и в округе Колумбия. Но при этом ни у кого не рябит в глазах, когда каждый штат использует свой цвет, животное, растение и слоган на номерных знаках автомобилей. Жесткость мировосприятия американцам присуща в гораздо большей степени, нежели европейцам. Как замечал Самюэль Хантингтон, американцы гораздо больше, чем канадцы, европейцы или японцы, склонны верить тому, что «существуют четкие разграничительные линии между добром и злом». Они, как показывают опросы, в целом религиознее европейцев, они не очень готовы, скажем, признать однополые браки. И вместе с тем никому в голову не приходит запретить гей-парад на улицах Вашингтона. Как заметила на это одна американка, «мне лично они могут не нравиться, но если они мне не мешают, почему я должна против них бороться или выступать?». Американцы не потеряли миссионерского настроения, что часто выражается как во внутренних, так и в международных делах, и не всегда с положительным результатом.

Вместе с тем система институтов и социальных норм, во многом рожденных именно этими институтами, составляющими одну из основ американской идентичности, обеспечивает нации ту стабильность, которая достигается через гибкость, и единство, которое порождает свобода многообразия. Возможно, потому, что американцы четко разделяют силу государства и силу нации. И не смешивают эти два понятия.

CONTENTS

To Our Reader	5
 Seminar	
Combining Administrative and Market Approaches to Modernization of a Market Economy <i>Vladislav Inozemtsev</i>	7
Discussion	20
Freedom of Words	25
 Theme of the Issue	
Crisis and A Political System Seeking Stabilization	26
 Challenges and Threats	
Federalism and Regional Stability <i>Andrei Zakharov</i>	35
 Values and Interests	
A Virtual Country <i>Maxim Trudolyubov</i>	41
 Civil Society	
Non-governmental Organizations <i>Barbara von Freitag</i>	48
A Country to Grow into... <i>Olga Klimina</i>	56
 Regional and Municipal Life	
Russian Countryside: Regional Experience of Pension Provision <i>Fedor Lukovtsev</i>	60
Local Self-government in Russia: Logic of Law and Logic of Life <i>Victor Pankrashchenko</i>	64
 Concept	
Bureaucracy as Monopoly on Information <i>Serguei Gogin</i>	69

Science and Society

Reforming the Higher Education System in Russia
for the “Economy of Knowledge”

Tatiana Kastoueva-Jean 80

Ethics of Capitalism

Keynes and the Ethics of Capitalism

Robert Skidelsky 90

Books

A «Normal People’s Commissar»

Andrei Zakharov 103

Regional Book Review

Andrei Blagoveschensky

Lyudmila Savochkina 105

Nota bene

History Experienced through Humdrum Existence

Svetlana Babaeva 109

СОДЕРЖАНИЕ

журнала «Общая тетрадь» за 2009 г.

К читателю (№ 1, 2, 3, 4)

Семинар

Алексеева Людмила

Гражданское общество и судебная власть
(№ 1)

Аузан Александр

Кризис и дискуссия об общественном
договоре (№ 3)

Бергер Михаил

Инфраструктура свободы слова (№ 2)

Иноземцев Владислав

Сочетание административного и рыночного
подходов к модернизации российской
экономики (№ 4)

Тема номера

Алексащенко Сергей

Мировой кризис и Россия (№ 1)

Большаков Сергей

Субсидиарность в современной социальной
и политической интерпретации (№ 2)

Вивиан Чарльз

Безопасность и свобода (№ 3)

Стабилизационная политсистема и кризис
(№ 4)

Тренин Дмитрий

Мировой кризис и мировой порядок
(№ 1)

Тюрин Глеб

Россия: пространство депопуляции (№ 2)

Вызовы и угрозы

Большакой Сергей, Грибанова Галина

Глобализация и этнокультурный транзит
как катализаторы терроризма (№ 3)

Захаров Андрей

Федерализм и региональная безопасность
(№ 4)

Захаров Андрей, Маркедонов Сергей

«Пятидневная война» на Кавказе (№ 1)

Злобин Николай

Россия и Запад: путь к новому миропорядку
(№ 2)

Нельсон Стивен

Безнравственные банкиры? Не надо
спешить с выводами... (№ 2)

Дискуссия

2003–2208. Результаты, издержки,
упущенные возможности (№ 1)

Архангельский Александр

Зачем нужна культура? (№ 3)

Горин Дмитрий

«Сумеречное» общество (№ 2)

Дубин Борис

Политика и культура сегодня (№ 3)

Магарил Сергей

Способна ли Россия воспитать
политическую элиту? (№ 2)

Ценности и интересы

Максим Трудолюбов

Об этом не говорят вслух (№ 1)

Максим Трудолюбов

Внутренняя холодная война (№ 2)

Максим Трудолюбов

Исповедание неверия (№ 3)

Максим Трудолюбов

Виртуальная страна (№ 4)

СМИ и общество

Ллойд Джон

Могут ли СМИ быть нейтральными,
объективными и независимыми (№ 1)

Маклэй Майкл

От миссии к блогам, социальным
сетям и знаменитостям журналистики
(№ 1)

Точка зрения

Волков Александр

Закон маятника (№ 2)

Малган Джеф

После капитализма (№ 3)

Храмцова Лилия

Децентрализация и формирование
устойчивых местных сообществ (№ 1)

Жизнь в профессии*Лихт Соня*

Верить и действовать сообща (№ 3)

Мозес Джастис лорд

Верховенство права и независимость судебной системы (№ 1)

Султанова Регина

Стиль жизни во имя... (№ 3)

Формальнова Евгения

Анастасия Лебедь: «Как художник, я в первую очередь чувствую картинку...» (№ 2)

Из истории русского либерализма*Ефремов Евгений*

Виктор Обнинский и Союз освобождения (№ 1)

Ефремов Евгений

Земство в борьбе за первую российскую конституцию (№ 2)

Зарубежный опыт*Ламата Фернандо*

Политика как инструмент социальных изменений (№ 1)

Горизонты понимания*Анттонен Матти*

Климат и энергетика: европейская перспектива (№ 3)

Скидельски Роберт

Кейнс и этика капитализма (№ 4)

Гражданское общество*Климина Ольга*

Страна «на вырост»... (№ 4)

Ов-Фрайтаг Барбара фон

Неправительственные организации (№ 4)

Выборы*Балакирева Наталья*

Электоральные кампании «партии власти»: антикризисное меню (№ 2)

Региональная и муниципальная жизнь*Луковцев Федор*

Российское село: региональный опыт пенсионного обеспечения (№ 4)

Панкращенко Виктор

Местное самоуправление в России: логика закона и логика жизни (№ 4)

Концепция*Гогин Сергей*

Бюрократия как информационная монополия (№ 4)

Наука и общество*Кастуева-Жан Татьяна*

Реформа российского высшего образования для «экономики знаний» (№ 4)

In memoriam*Пик Хелла*

Ральф Дарендорф (№ 3)

Наш анонс*Бондарь Вадим*

Общество против коррупции (№ 1)

Кара-Мурза Алексей

Свобода и порядок (№ 3)

Рябов Андрей

Россия 1993–2008: итоги трансформации (№ 2)

Книги*Захаров Андрей*

«Нормальный нарком» (№ 4)

Захаров Андрей

Португеза и рубль (№ 1)

Маркедонов Сергей

История Кавказа (№ 3)

Региональное книжное обозрение*Благовещенский Андрей* (№ 4)*Князев Игорь* (№ 3)*Петров Алексей* (№ 3)*Савочкина Людмила* (№ 4)*Ю.С., Андрей Захаров* (№ 1)**Контрапункт***Ведет Александр Архангельский* (№ 1, 2, 3)**Nota bene***Бабаева Светлана*

Америка старая и новая (№ 1)

Бабаева Светлана

История через повседневность (№ 4)

Выпускники Школы о Школе (№ 2)

Коваль Михаил

Воспоминания о (№ 3)

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Главная тема:

ЯЗЫК ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

СЕМИНАР

(Голицыно, 11–14 декабря 2009 г.)

Наши авторы:

Александр Архангельский

Сергей Васильев

Борис Дубин

Андрей Захаров

Зоя Ерошок

Кристофер Коукер

Федор Лукьянов

Сергей Маркедонов

Квентин Пил

Владимир Плигин

Андрей Рябов

Александр Согомонов

Максим Трудюлюбов

Ютта Шеррер

Алексей Шмелев

Квитанция	<p><u>АНО «Московская Школа Политических Исследований»</u> (получатель платежа)</p> <p>ИНН 7709515010 КПП 770301001 р/сч. № 40703810900000020710 в Банк ВТБ 24 (ЗАО) г. Москва БИК 044525716 Сч. № 3010181010000000716</p> <p><u>Подписка на журнал «Общая тетрадь» (4 выпуска 2010 г.)</u> (наименование платежа)</p> <p>Платательщик (ФИО) Адрес: _____ Сумма платежа 800 рублей 00 копеек Подпись _____</p>
Извещение	<p><u>АНО «Московская Школа Политических Исследований»</u> (получатель платежа)</p> <p>ИНН 7709515010 КПП 770301001 р/сч. № 40703810900000020710 в Банк ВТБ 24 (ЗАО) г. Москва БИК 044525716 Сч. № 3010181010000000716</p> <p><u>Подписка на журнал «Общая тетрадь» (4 выпуска 2010 г.)</u> (наименование платежа)</p> <p>Платательщик (ФИО) Адрес: _____ Сумма платежа 800 рублей 00 копеек Подпись _____</p>

**Оформить подписку на журнал «Общая тетрадь»
можно следующим образом:**

- 1. Заполните квитанцию.** Укажите Ф.И.О., адрес с индексом, на который будет приходить бандероль с журналом.
- 2. Оплатите квитанцию в любом отделении Сбербанка РФ.** Копию оплаченной квитанции отправьте нам по факсу (495)699-01-73 или по эл. почте msps@msps.su
- 3. Подписка для юридических лиц оформляется на основании заявки и оплаты выставленного счета.** Оформить заявку вы можете по эл. почте msps@msps.su или по тел. (495)699-01-73.

Подписано в печать 9.10.2009.

Формат 70×108/16.

Усл.-печ. л. 8,25.

Тираж 999 экз.

Заказ №

Московская школа

политических исследований

127006, Москва,

Старопименовский пер., д. 11/6, строение 1

e-mail: msps@msps.su

<http://www.msps.ru>

ЛР № 00972 от 14.02.2000.

ISBN 978-5-91734-010-4

9 785917 340104